

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

ИПК «ВЕСТИ»

GOVERNMENT OF LENINGRAD DISTRICT
INSTITUTE OF THE HISTORY OF THE MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR PROTECTION OF HISTORICAL
AND CULTURAL MEMORIALS
(LENINGRAD BRANCH)

CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN STATE

St. Petersburg
«VESTI»
1998

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Санкт-Петербург
ИПК «ВЕСТИ»
1998

Издание финансируется Правительством Ленинградской области

В книге впервые приведен разнообразный материал, посвященный культурному наследию и вкладу русских и других народов в создание, сохранение и осмысление памятников истории и культуры. Особое внимание уделено историческим объектам Ленинградской области. Представлены статьи о сбережении памятников, правах и значимости культуры, научном наследии, вещественных и документальных ценностях. Приведены неопубликованные ранее сведения, касающиеся духовных и материальных сокровищ России за более чем 1000-летний период ее истории.

Издание предназначено всем, кто интересуется прошлым и настоящим многонационального населения Российской Федерации, а также читателям и, особенно, соотечественникам, проживающим за рубежом.

Составитель А. Н. КИРПИЧНИКОВ

Ответственные редакторы:

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, В. М. МАССОН, В. С. ПОНОМАРЕВ

Editors: A. N. KIRPITCHNIKOV, V. M. MASSON,
V. S. PONOMAREV

**О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Исторические богатства Ленинградской области занимают особое место в отечественной и мировой культуре. Письменная история региона, одна из древнейших в Европе, восходит еще к событиям IX века. Именно в тот период на берегу Волхова возникла первая легитимная столица складывавшегося молодого Русского государства — Ладога (ныне поселок Старая Ладога). В дальнейшем на пути векового движения русских к Балтике, кроме Ладоги, были основаны Орешек (ныне Шлиссельбург) и, наконец, Санкт-Петербург. Эти последовательно создававшиеся города и окружающая их приневско-ладожская земля обеспечивали жизненно важный доступ к европейским морским торговым путям, способствуя созданию общества с открытой экономикой без политических ограничений, национальных предрассудков и религиозной исключительности. Так, более тысячи лет тому назад, с участием Руси уже создавалась единая Европа без закрытых границ, объединенная предпринимательской деятельностью и международной торговлей, свободой передвижения.

Длительные войны на берегах Балтики нарушали жизнь северо-западного региона Руси, но не остановили его развития. Некоторые свершения наших предков раскрывают мирные инициативы и величие духа русского народа. Едва ли не впервые в средневековой Европе, в самое тяжелое время для Руси — в пору монгольского нашествия великий князь Александр Невский выдвинул опережающую свое время идею — о нерушимости границ своей страны и других государств. Только в наши дни этот завет стал осуществляться в международной практике.

Великие трудовые и духовные свершения России нашли свое воплощение в многочисленных памятниках истории и культуры. Только на территории Ленинградской области находятся свыше трех тысяч памятников археологии, архитектуры, истории, искусства, науки и техники.

Воплощением достижений строительного искусства и средневековой фортификации являются исторические города-крепости, которые многие столетия, словно каменный щит, закрывали Север России от иноземных вторжений. Это — Тихвин, Старая Ладога, Орешек, Приозерск (Корела), Копорье, Кингисепп (Ямгород), Ивангород. Каждый из этих городов достоин стать объектом музейного показа своих памятников общерусской исторической значимости. По цвету излюбленного строительного материала, из которого возводились крепостные стены и башни, полукольцо этих городов можно назвать серебряным, в отличие от так называемого «золотого кольца» старинных городов вокруг Москвы.

К сожалению, названные города еще не приспособлены должным образом для отечественного и международного туризма. А принимать очередную программу восстановления исторической части этих городов, а потом разводиться руками, что «нет средств», не станем. Уже сегодня реальна организация выездного, точнее сказать, челночного туризма, с опорными пунктами в Петербурге.

Уверен, что именно туризм поможет экономическому оживлению наших областных населенных пунктов. Есть среди них такие, которые вызывают особую озабоченность. Стоит, к примеру, прекрасный памятник архитектуры XIII—XVII веков крепость Копорье, чарующая нас своим романтическим видом, но она как бы «ничья», и восстановление ее прервано. Областной музейный центр почему-то обходит вниманием этот ценнейший архитектурный комплекс. Или другой пример. Как и встарь, на границе с Эстонией, на реке Нарове, высится старинная крепость Ивангород, ныне вновь ставшая приграничной, — одно из величайших творений европейской военной архитектуры. Ивангород — своеобразный порубежный фасад России, и сегодня этот фасад нуждается в срочном ремонте.

Если говорить о сегодняшней российской культуре, то известно, что она находится в кризисном состоянии. Бедствуют учителя, музейные работники, библиотекари, сотрудники архивов. По ущербной традиции нужды культуры продолжают финансироваться «по остаточному принципу». Мириться с таким положением нельзя. И если невозможно наладить все сразу, будем делать в меру наших скромных финансовых возможностей по частям, начиная с первостепенного.

Одна из таких важнейших задач — перестройка нашего школьного образования таким образом, чтобы с детских лет воспитывать любовь к своему краю, малой Родине. По инициативе правительства области, впервые в стране, предложен и выпущен паспорт юного жителя Ленинградской области, который дает право школьнику бесплатно посещать государственные областные музеи. Они

и другие достопримечательности красочно изображены в паспорте, так что школьнику обязательно захочется туда попасть.

В летописи Великой Отечественной войны есть немало страниц, связанных с героическими событиями, происходившими на территории нашей области. Это создание легендарной «Дороги жизни», освобождение Тихвина, прорыв и снятие блокады Ленинграда. Об этом обстоятельно рассказывается в «Книге Памяти», которую мы выпускаем с помощью областного издательства «Вести». На сегодняшний день опубликовано 22 тома, а в 1997 году, в продолжение этой серии, издана книга о воинах — уроженцах области, погибших в 1979—89 годах в Афганистане.

Пусть светлая память о погибших вечно живет в каждом из нас.

По инициативе областного правительства начат выпуск книг, рассказывающих о памятниках Ленинградской земли. Изданы книги «Старая Ладога — древняя столица Руси» (авторы А. Кирпичников и В. Сарабьянов) и «Введение во храм» (авторы В. Булкин, Н. Мальцев, А. Прокофьев).

В 1997 году правительство совместно с Государственной Думой провели, что явилось беспрецедентным случаем, выездные парламентские слушания, посвященные историческим памятникам Старой Ладogi. В результате, весь комплекс этих памятников, имеющий, без преувеличения, мировое историческое и художественное значение, рекомендован специальному российскому совету в Москве для придания статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации.

В ноябре прошлого года в здании правительства впервые прошли международные научно-практические чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. И не напрасно в последние годы мы финансируем эту экспедицию Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Вот самый недавний пример. Летом 1997 года экспедиция при раскопках обнаружила остатки бронзолитейной мастерской IX века с украшениями высочайшего художественного мастерства. Находку эту участники экспедиции посвятили 70-летию Ленинградской области. Так век минувший встретился с днем сегодняшним.

Правительство области добивается возврата на Родину похищенную в 1941 году в Тихвине солдатами нацистской Германии, а ныне находящуюся в США, национальную святыню русского народа — икону Тихвинской Божией Матери. Для этого надо восстановить Успенский собор одноименного монастыря — таково условие, на мой взгляд, справедливое, нынешних владельцев иконы. Будем способствовать благородному делу реставрации собора и возвращения иконы.

Мы высказали предложение вернуть старинные усадьбы, находящиеся на территории области, прежним законным владельцам, хотя многим эта идея показалась неожиданной. Однако, вспомним, что все «дворянские гнезда» — помещичьи усадьбы были, как известно, конфискованы в годы революции. Но в большинстве их так и не смогли приспособить к условиям новой жизни, и стоят они заброшенные и забытые. А ведь когда-то это были очаги просвещения и культуры, здесь хранились выдающиеся художественные произведения, создавались шедевры садово-парковой архитектуры, строились храмы. А истинные наследники этих богатств, хотя и немногие из них возможно живы и рассеяны по всему миру, не исключено, что и отзовутся.

Известно, что многие прекрасные образцы культуры, искусства, великие научные открытия, авторами которых стали в XX столетии представители русской диаспоры, не были востребованы лишь на своей Родине. В Санкт-Петербурге открыты «Шведский дом», «Британский дом», но только нет, увы, «Русского зарубежного дома». А такой очаг культуры можно открыть не только в Петербурге, но и в области, ведь и сегодня многие наши соотечественники находятся как в дальнем, так и в ближнем зарубежье, и о них необходимо помнить и нам.

Не стану говорить о других направлениях и действиях областного руководства и общественности по сохранению нашей культуры. Замечу лишь, что при правительстве образован общественный Совет по социальным вопросам и культуре. Его возглавляет вице-губернатор Ленинградской области А. В. Воронцов, являющийся также членом Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Мы намерены всячески поддерживать областное отделение упомянутого общества, которое находится сегодня в нелегком положении.

Правительство Ленинградской области открыто всем предложениям во благо развития, сохранения и использования всего накопленного духовного и материального потенциала. Идея всеобщности и неразделенности культуры России за 12 веков ее государственного развития, идея бережного наследования и сохранения всего, что создано нашим и другими народами, становится все более актуальной.

Нужно изменить принципиальный подход к культуре, согласно которому сначала надо построить заводы, порты, а лишь потом взяться за духовное, нравственное воспитание общества. Экономика и культура самоценны и неразделимы, и пренебрежение к любому из этих слагаемых жестоко отомстит за себя.

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Сегодня представляется необходимым определить место церковных древностей как в контексте секуляризованной культуры современной России, так и в связи с проблемой взаимоотношения Русской Православной Церкви и Российского государства в деле сохранения и использования культурного наследия страны.

Обычно древность характеризуется резко сниженной понятностью по сравнению с источниками более позднего происхождения, к категории древностей относятся те вещи, относительно которых информация утрачена или сильно пострадала. Вещественная древность не только по-иному, чем письменный источник, отображает события и процессы прошлого, но и в силу своего выпадения из живой культуры, характеризуется разрывом в традиции, затрудняющим понимание останков. При этом делается различие между памятью о вещах, которая угасает постепенно, и пониманием вещи, которое падает рывком. Однако только в церковной культуре предметы христианского быта сохраняются в своем функциональном использовании самое длительное время. Получается, что в схеме трехчастного деления «древность — старина — современный объект» христианские древности находятся в значительной близости к современности, чем собственно к древности и характерный для древности разрыв в понимании уже сокращается.

Однако, на наш взгляд, уже само понятие «древность» предполагает не только непрерывность памяти, но и непрерывность понимания. Древность сопряжена с современностью, как корни и крона сопряжены между собой через ствол дерева, в который материализовалась история его жизни. Древность изначально предполагает узнавание предмета, его первичное осознание как принадлежащего к единому потоку исторического бытия, в котором находимся мы. Разрыв в традиции не абсолютен с самого начала. Такое понимание древности не было чуждо отечественным исследователям российской культуры. С 1889 г. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков нача-

ли осуществлять многотомное издание «Русские древности в памятниках искусства», которое было задумано как культурно-историческая панорама, имевшая целью «представить историческое образование и развитие древнерусского искусства».² В идее древности, характерной для отечественной археологии присутствовало более ощущение собственных истоков и преемственности с прошлым, нежели разрыва, препятствовавшего пониманию собственных корней.

Еще в большей степени это наблюдение касается понятия «церковная древность», поскольку одной из наиболее существенных оснований жизни церкви является Священное Предание. При различных попытках определить Священное Предание,³ его сущность понимается как то, во что верили все, повсюду, всегда (*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*). Это своего рода ядро самосознания церкви, которое тождественно самому себе на всем протяжении ее исторического бытия.⁴

Переводя эти богословские формулы на язык науки мы должны сказать, что в жизни церкви как сообщества людей существует изменяемый и неизменяемый элемент культуры. Изменяемый в истории элемент и представляет материальное воплощение Священного Предания, т. е. памятники быта и культуры. Форма Предания всегда исторична, и поскольку представляет из себя вещественную древность, то изучается археологией и историей культуры. Это изучение значительно облегчается существованием неизменных элементов в церковной культуре, что дополнительно позволяет преодолеть разрыв в традиции и восполнить фрагментарность исторической и археологической информации. Первое, хотя и переводное, сочинение по церковной археологии в России, вышедшее в 20—40 гг. XIX в. имело выразительное название «Памятники древней христианской церкви или христианских древностей». Таким образом, в понятие христианских древностей входили те материальные формы исторического воплощения традиции, которые христианское сообщество идентифицировало как свои собственные. Это вытекает из того факта, что ссылка на древность и традицию никогда в истории церкви не воспринималась как доказательство чего-либо: «обычай без истины» рассматривался не как «христианская древность», а как «древнее заблуждение». Очевидно, что в истории церкви сохранение традиций представляет ту характерную особенность, которая в своем материальном воплощении приобретает черты длительного переживания предметов христианской древности в церковной жизни. Вследствие этого для церковной древности разрыв в традиции сокращается до минимума.

Мы должны упомянуть о функциях христианских древностей в литургической жизни христианского общества. Согласно наиболее

распространенному определению церкви, она есть «установленное от Бога общество людей, соединенных православной верой, законом Божиим, священноначалием и таинствами». Таким образом, внешними и доступными историко-археологическому изучению проявлениями церковной жизни являются вероучение, основанное на богословии, иерархическо-административная структура, имеющая в основании каноническое право, и литургическая жизнь, представленная богослужением. При этом именно таинствам и литургической жизни отводится первостепенная роль в деле осуществления механизма Предания: истина учения, согласно святителю Василию Великому, передается нам *in mysterio*, что должно быть переведено именно как «в таинствах», а не «в тайне», что исключает какой бы то ни было эзотеризм церковной проповеди. Не случайно большинство церковных древностей связано с разными проявлениями богослужebной жизни христианского общества и представлены как предметами храмового богослужения, так и личного благочестия, что до определенного момента определяло неразрывное существование таких наук как литургика и церковная археология.⁵

Необходимо упомянуть о других особенностях христианских древностей в жизни общества, представленных как памятниками искусства, так и святыми местами и священными реликвиями. Речь идет о том, что совокупность предметов христианской культуры, в «Повести временных лет», именуемая «красотой церковной», выполняет гносеологическую, а следовательно и коммуникативную функцию в культуре. Этот феномен прослеживается с самых первых моментов распространения христианства на Руси. Император Лев Мудрый, принимая русских послов в 912 г., продемонстрировал перед ними «красоту церковную» и «страсти Господни и венец, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых», объясняя русам сущность православной веры.⁶ Совершенно уникально сообщение о посольстве князя Владимира в Константинополь, не сравнимое ни с какой другой национальной историей обращения в христианство. Присутствуя в 987 г. на патриаршем богослужении в Софии Константинопольской, которое совершалось по-гречески и в целом было им непонятно, русские послы увидели такую «красоту», которая эмоционально сообщила и существо богослужения и, если угодно, богословское определение церкви: «здесь Бог пребывает с людьми».⁷ Можно сколько угодно говорить о чрезмерной эмоциональности и поверхностности христианства на Руси, но нельзя отрицать высокий уровень эстетического сознания древнерусских людей, способных через это понимать богословскую сущность церковного искусства. А именно свидетельство об истине, посредническая функция, и признавалось с самого начала функцией такого искусства. В этом смысле икона, как сформулировал этот догмат VII Вселенский собор (787), есть не посредник в мо-

литве человека к Богу и не просто иллюстрация к отдельным событиям Священной Истории, но передача целостного содержания всего Евангельского учения, которая главным образом касается утверждения догмата о Боговоплощении.

Это познание совершается через человеческую память, и в этом смысле христианские древности обладают момеративной функцией. Литургически это связано с отправлением богослужений, в которых совершение Евхаристии является воспоминанием Голгофской жертвы Христа и соответственно приобщает к ней участника литургии, а отправление годовых памятей святых и церковных событий способствует приобщению к ним через их переживание. В этом переживании христианской древности отведена определенная роль. Прежде всего это относится к культу святых мощей, само именование которых говорит не только о присутствии в них Божественной помощи — «мощи», но и о возможности общения с усопшим. Здесь необходимо отметить существенный момент почитания мощей в церкви. Разумеется, историческое соответствие костных останков конкретному святому является условием желательным и достаточным для почитания мощей, но не необходимым. Известны случаи церковной практики, когда за мощи определенного святого церковь признавала останки, не имеющие к нему непосредственного отношения. Такая ситуация не является исторической ошибкой и не дает повод для злорадства, поскольку с литургической точки зрения этим останкам, через факт признания их церковью святыми мощами, сообщается благодать конкретного святого, и почитание, им воздаваемое, относится уже к этому святому лицу. В принципе тоже самое касается и почитания икон. Такие понятия как «чудотворная икона» или «намоленная икона» в строгом смысле слова не являются богословскими и догматическими. Если первое связано с понятиями личного религиозного благочестия, то второе касается культурной жизни церкви, в котором церковное сознание признает ценность материализованных форм Священного Предания, связанных с историческими судьбами общества. Догматически, копия иконы, воспринятая церковью через чин освящения образа, совершенно тождественна своему материальному первообразу и обладает тем же спасительным воздействием на человека, что и оригинал. Отсюда обилие иконописных копий чтимых образов Божией Матери, которые и в сознании христианина, и в посвятительских надписях отождествляются с изначальной иконой, и существование практики совершения крестных ходов с иконой — «наместницей». Такой подход способен облегчить понимание в вопросе о передачи икон из запасников в действующие храмы, при условии финансирования изготовления копий по инициативе Государства или учреждения культуры. По сути дела, то же имеет место и с почитанием мощей святых при

реальном наличии лишь незначительной части его останков. Эта проблема связана с идеей *integritas Christi* в связи со спорами о присутствии Христа в каждой частице евхаристического хлеба. Точно также в самой микроскопической частице мошей, с церковной точки зрения, присутствует святость всей личности целиком, и антиклерикальное ехидство относительно количества голов, рук и ног у почитаемых святых с богословской точки зрения выглядит действительно смешным.

То, что приобщение к святыни действительно связано с функциями воспоминания о конкретном историческом событии через его переживание, а идея паломничества соотносится с проникновением в смысл события или жития святого, хорошо прослеживается на материале древнерусских хождений. Игумен Даниил, посетивший Святую землю около 1106 г. описывает чувства паломников следующим образом: «И бывает тогда радость велия всякому христианину, видевше святыи град Иерусалим, и ту слезам пролитие бывает от верных человек. Никто же бо может не прослезиться, узрев желанную ту землю и места святаа виде, идеже Христос Бог наш претерпел страсти нас ради грешных». В. Бычков характеризует такое состояние как одновременное переживание возвышенного и трагического, выраженное в модусе просветленного умиления.¹⁰

Сохранение как исторической, так и эмоциональной памяти через христианские древности находит свое воплощение в русской культуре с самого начала ее существования. Если о строительстве храмов в память исторических событий можно только строить гипотезы, то хранение в храмовом пространстве государственных реликвий не подлежит сомнению. Сообщения Лаврентьевской летописи под 1203 и 1237 гг. о находящихся в храмах Киева и Владимира «портах блаженных первых князей, иже бяху повешали в церквах святых на память о себе»¹¹ свидетельствуют о сохранении общественной памяти в храмовом контексте.

Итак, наличие церковной традиции не только облегчает понимание христианских древностей в системе культуры, но и делает его единственно возможным и адекватным. Иными словами, не зная Священного Предания церкви или пытаясь игнорировать живую христианскую традицию, воплощенную в сегодняшней жизни Русской Православной Церкви нельзя претендовать не только на изучение и знание памятников церковной культуры, но и на их настоящее использование, охрану и реставрацию. При этом христианские древности совершенно определенно выполняют не только познавательную функцию, но также роль соединяющего посредника с тем культурно-историческим явлением, память о котором они сохраняют. Учитывая, что современные учреждения культуры и прежде всего музеи выполняют не только функции хранения,

изучения и экспонирования памятников культуры, но прежде всего функцию коммуникации с прошлым, стоит попытаться наметить возможные направления сотрудничества различных культурных сил России в деле сбережения христианских древностей.

Такие высказывания иерея Павла Флоренского, что «музей самостоятельно существующий, есть дело ложное», и что задача музея — уничтожение художественного предмета как живого, необходимо понимать в контексте существующей в начале века музейной практики, превращающей музей в «склад древностей» и вырывающей памятники культуры из той духовной среды и культурного контекста, для которых они создавались. Нормальным представляется лишь сохранение культурно-исторических условий бытия реликвии, вне которых она перестает восприниматься, а затем и существовать как культурный феномен. Отец Павел Флоренский настаивал, что «художественное произведение есть центр целого пучка условий, при которых оно только и может существовать как художественное», а если это художественное произведение имеет отношение к церковной жизни, то этот пучок условий должен фокусироваться именно в храме. Здесь храм, синтезирующий все виды искусства, стоит рассматривать как музей особого типа.¹²

Мы можем целиком согласиться с тезисом, что интерьер храма экспозиционен (М. Каулен). Но то, что эта «экспозиционность» интерьера родственна музейным экспозициям, построенным не по систематическому или тематическому методу, а исключительно по принципу «образной» экспозиции, которой присуща значительная доля театрализации, вызывает у нас возражения. В данном случае консенсус между церковью и культурой будет достигаться не за счет взаимного признания ценностных установок, а за счет компромисса, когда совершение литургии в храме, принадлежащем музею, внешне превратится в театрализованное действие и исключительно в этом качестве и будет восприниматься деятелями культуры и посетителями музея.

Стоит предусмотреть иной подход к сохранению памятников церковной культуры, который можно охарактеризовать как функционально-литургический. На наш взгляд, это единственная возможность для исследователя правильно понять значение памятника в истории и предоставить такую же возможность массовому посетителю музея. Для этого необходимо выработать особую методику, которая должна быть, с одной стороны, канонически приемлемой, а с другой стороны, научно обоснованной. Подход предусматривает взаимную эволюцию установок как представителей музейного дела в лице исследователей и чиновников, так и церковной среды в лице клира и прихода. При этом взаимные гарантии должны быть предоставлены на самом высоком уровне, а исполнение их

должно контролироваться межведомственной комиссией с широкими полномочиями.

Данный подход предполагает, что если для светского секуляризованного (а не атеистичного антиклерикального, диалог с которым невозможен) сознания действующий храм может восприниматься как музей, то для сознания религиозного музей в любом случае не может быть «домом молитвы». Достижение гражданского согласия в данном случае возможно при условии своеобразной «музеефикации» храмового пространства и превращения его в церковные древлехрапилища. Данная музеефикация предполагает: 1) верховную собственность церкви на передаваемые ей во владение или пользование памятники культуры и приоритет в использовании и изучении памятников церковной старины вообще, 2) церковные гарантии сохранности и доступности осмотра и исследования этих памятников, подкрепленные созданием реальных условий для этого, 3) формирование в церкви с помощью учреждений культуры собственного штата музейных и научных работников, обеспечивающих охрану, консервацию и реставрацию памятников церковной культуры, 4) создание в Русской Православной Церкви Синодального отдела по наблюдению за памятниками культуры, переданными церкви в пользование или в собственность, требования которого должны быть обязательны для епархиальных архиереев, приходских и монастырских настоятелей, 5) функционирование института совместных с Министерством культуры РФ проверок состояния памятников, 6) признание исторических храмовых интерьеров, ансамблей и комплексов церковных ризниц музейными коллекциями, равноценными с другими собраниями и составляющими часть музейного фонда, которые также являются неотчуждаемыми и неделимыми. В данном случае речь идет не о возвращении всех памятников церковной культуры или же о их безусловном внедрении в ежедневное приходское богослужение. Функциональное использование памятников христианской древности в современной культуре предусматривает возвращение этих памятников в первоначальный церковный (храмовый) контекст, который в той или иной степени может быть воссоздан в рамках существующих музеев при квалифицированной помощи со стороны РПЦ, а также всестороннее участие РПЦ в их сбережении, сохранении и изучении, что требуется как соображениями целесообразности и исследовательского успеха, так и элементарной этикой. Одним из условий такого возвращения должно стать создание специального богослужебного режима храмов-памятников, где особую роль должна сыграть древнерусская литургическая практика, не знавшая повсеместной вседневной службы. Очевидно, что принцип функционального сохранения христианских древностей в системе современной культуры усложнит методику консервации и охраны па-

мятника, что потребует дополнительных материальных затрат, которые, однако, несоизмеримы с ожидаемыми результатами.

Пока все эти благие пожелания ждут своей реализации, стоит наметить ряд мер прикладного характера первоочередной значимости. Передаваемые церкви для богослужебного использования храмы-памятники культуры должны быть предметом пристальной заботы со стороны епархиального архиерея. Назначения настоятеля и причта в такие храмы должно производиться епархиальным архиереем по согласованию с местными органами надзора за памятниками культуры и дирекцией музеев. Желательно, чтобы настоятель в таком храме имел специальное образование, и просто был морально и интеллектуально подготовлен к служению в таком месте. Однако, на наш взгляд, и назначение руководства музеев, где представлены памятники истории и культуры, связанные с церковным бытом, должно производиться местными и федеральными органами власти при консультациях с епархиальным начальством. Те музеи, которые имеют у себя на хранении памятники церковной старины, должны иметь у себя в качестве консультанта или постоянного сотрудника кого-либо из местного духовенства для соблюдения канонических требований в обращении с литургическими предметами.

Определенные предпосылки к созданию нового положения дел со стороны церкви нам видятся в ныне действующем Уставе об управлении Русской Православной Церковью. Священный Синод в случае необходимости может создавать рабочие органы для содействия в попечении о церковных памятниках и древностях, находящихся в ведении РПЦ. Принципиально важно примечание, гласящее: «Ремонт древних храмов и поновление икон и иконостасов, имеющих культурно-историческую ценность, производится в установленном законом порядке при особой заботе и ответственности об этом правящего архиерея». Относительно приходского духовенства указано, что оно должно иметь достаточную богословскую подготовку, в понятие которой входит и соответствующий комплекс знаний по церковному искусству и архитектуре.

В этой связи вспоминается разумная инициатива Н. В. Покровского (1848—1917): «Контроль над памятниками (церковными — А. М.) должен принадлежать духовной власти, и если епархиальная власть в деле распознавания и оценки памятников не всегда оказывается на высоте положения, то нормальный исход из этого не в формальном ограничении ее прав через стороннее вторжение в сферу ее полномочий, а в усилении ее средств в деле оценки старины».¹³ Выдающийся церковный археолог также выступал против сосредоточения всего в крупных музеях, рассматривая перемещение памятника как отрыв его от родной почвы и указывая при этом на эгоизм сторонников централизации. Выход из со-

здавшегося положения, требовавшего надежной защиты древностей провинциальных храмов и монастырей, он видел в увеличении числа образованных в области изучения старины лиц из числа студентов и кандидатов духовных Академий, которые могли бы проходить соответствующую практику в Археологических институтах, а также в создании церковно-археологического органа Святейшего Синода, который бы руководил охраной памятников церковной старины, опираясь на авторитетную духовную власть и епархиальные органы, имевшие бы исполнительный характер. Попытка создания такого архивно-археологической комиссией имела место в 1908 г.¹⁴ и он должен был увенчать целую сеть церковно-археологических обществ и музеев, созданных в епархиях по инициативе снизу, которых ко времени революции существовало уже 60.¹⁵

Интерес к древности в данном случае опирался не только на современные явления в обществе, но и на вековые традиции сохранения святыни в Церкви. В древней Руси митрополит Иоанн (1077—1089), в ответах Иакову черноризцу, своим 11 правилом касается образа обращения с предметами церковной древности, т. е. с пришедшей в ветхость святыней. Речь идет о трех основных моментах. Ветхий деревянный престол, крест и икона подлежат поновлению. В случае если образ совсем сотрется, то необходимо его погрести в неоскверняемом месте, однако предпочтительнее его хранение и обновление. В случае обновления ветхого деревянного храма на новом месте, само место древнего алтаря подлежит ограждению из-за его святости, а место престола выделяется деревянным крестом.¹⁶

Было бы неправильным судить человека средневековья с точки зрения сегодняшнего понимания историчности памятника, когда мы ценим именно ту форму, в которой историческая реликвия дошла до нашего времени. В контексте историчности человеческого сознания и истории жизни памятника поновления были не губительны, а спасительны для памятника, сохраняя его от растворения в потоке времени. Процесс старения памятника есть закономерный исторический процесс, и каждая эпоха находит свои способы противодействия ему. В этом смысле переделки домонгольских храмов, перекрытие деревянных храмов тесом или покрытие главок железом вместо осинового лемеха, записывание первоначальной живописи, как это ни парадоксально звучит, способствовали тому, что хотя бы что-то из своеобразия древнерусской культуры дошло до нас и стало доступным квалифицированному изучению и созерцанию. Более того, нам представляются антиисторичными в силу их гипотетичности все попытки рассматривать и обновлять памятник культуры вне учета естественно-исторического процесса наслоений и поновлений, придать ему первоначальный вид, исходя из кабинетных построений о том, как было «на самом деле». Весь

комплекс поновлений и исторических дополнений необходимо рассматривать как своеобразные бинты, несущие на себе особые санитарные функции, и снятие этих бинтов, ведущее к мгновенному, подчас многовековому омоложению памятника, оказываются губительным для него. Подлинный интерес представляет не искусственно сконструированная первоначальная композиция и стилистика памятника, а весь памятник во всей подчас эклектической сложности разновременных и разнокультурных напластований, позволяющих увидеть конкретную историческую реликвию и ее место в контексте истории.

В этой связи представляется, что специальную церковно-археологическую подготовку должно получать не только духовенство, но и сотрудники музейного ведомства. Подобный курс, который не будет катехизацией, должен предусматривать базовые знания в области догматики, практической и исторической литургики, канонического права в его историческом и современном аспектах. Эти знания могут способствовать личному научному росту исследователя и снятию взаимной подозрительности между представителями церкви и учреждений культуры. Современная практика охранения культурного наследия в области христианских древностей должна быть канонически приемлема для церкви и научно обоснована культурным сообществом.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 97-01-00510 «Христианские древности Северной Руси IX—XIII вв.».

² *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб. 1992. С. 190.

³ *Филевский И.*, священник. Учение Православной Церкви о Священном Предании. Харьков. 1902.

⁴ Цит. по: *Дронов М.*, прот. Писание и Предание. // Журнал Московской Патриархии. № 11. 1993. С. 9—25.

⁵ *Голубцов А. П.* Из чтения по церковной археологии и литургики. М. 1995. С. 16. *Мусин А. Е.* К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в Российской археологии. Археологические вести, 2. СПб, 1993. С. 145—156.

⁶ Повесть временных лет, Л., 1996. С. 20.

⁷ Повесть временных лет, Л., 1996. С. 49.

⁸ *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Париж. 1989. Гл. IX.

⁹ Памятник литературы древней Руси. Т. 2. Москва, 1980. С. 32.

¹⁰ *Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика XI—XVII вв. М. 1992. С. 113.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Ч. 2. Ленинград, 1926. Ст. 418, 463.

¹² *Флоренский П. А.* Храмовое действие как синтез искусства // Советский музей. 1989. № 4. С. 66.

¹³ *Покровский.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. СПб. 1906. Т. ССXXI. Ч. 2. С. 493—494.

¹⁴ *Здравомыслов К. Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в спархиях с проектом «Правил Архивно-археологической

комиссии при Св. Синоде» и «Положения о церковно-археологических комитетах». СПб. 1908.

¹⁵ *Заднепровская Т. Н.* Церковно-археологические учреждения и их роль в охране и изучении памятников церковной старины в России // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции, Псков, 20—24 ноября 1995 г. Ч. 3. Памятники церковной археологии России. СПб—Псков. 1995. С. 37—40.

¹⁶ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (11—14 вв.) // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб. 1880. С. 5—6.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Под культурными ценностями¹ подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т. п., но и явления, такие как традиции и навыки в области: искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.

Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т. д. Она составляет определенную ценность и целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков явно вредных для окружающих.

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

I. Права культуры и государства

Ответственность за сохранность культурных ценностей и культуры, как таковой, лежит на государстве. Государство, в частности, отвечает за самовозобновляемость культуры в стране, за образование, за свободу творчества при полном невмешательстве государства в творческую жизнь.

Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей, в первую очередь, и культуры всех этносов, проживающих на территории государства.

¹ Декларация печатается по тексту, предоставленному общественности для обсуждения на Дне Знаний в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов 1 сентября 1995 г.

На государственных организациях (воспитательных, образовательных, информирующих и пр.) лежит обязанность воспитывать уважение к культуре в целом, к культурным памятникам, культурной деятельности, интеллигенции, отдельным языкам малых и крупных этносов; не ущемлять права пользования любым языком на своей территории, учитывая, что язык является главной культурной ценностью любого народа, малого или большого, проживающего на любой территории.

Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры.

«Самоокупаемая» культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей.

II. Права культуры на сохранность

Культура всех стран любого уровня, если только она является подлинной культурой, а не псевдокультурой (что в случае необходимости устанавливается экспертами ЮНЕСКО), имеет право на сохранность, строго инспектируемую как местными организациями, так и единым для всех стран высшим учреждением при ЮНЕСКО. Этот орган со своим независимым штатом инспекторов, своими юридическими полномочиями по единым для всех стран статьям, сможет привлекать к судебной ответственности виновников нарушений сохранности (уничтожения или искажения) произведений культуры или нанесения различного рода ущерба для учреждений культуры и ее положения в обществе.

Учитывая, что культура больше всего терпит ущерб от военных действий, мы вновь подтверждаем полную правомочность «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 года и настаиваем на неукоснительном соблюдении ее требований всеми государствами, в том числе и вновь образованными.

Ввиду того что памятникам культуры очень часто наносится ущерб при реставрационных работах, в дополнение к существующим правилам (в частности, так называемой «Венецианской хартии») считать необходимым постоянные совещания по основным вопросам реставрации и международные консультации реставраторов, особенно если памятник создан не в той стране, где он находится в настоящее время.

К реставрации особо значительных памятников (список которых должен быть серьезно расширен по сравнению с существую-

щими) необходимо допускать лишь реставраторов, имеющих международные дипломы высшей категории, выданные соответствующей организацией при ЮНЕСКО.

Ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и имеющие общечеловеческое значение), не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях.

Исторические города (список которых необходимо значительно расширить и утвердить ЮНЕСКО) должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность (для России это: Петербург с его окраинами, дворцовыми городами и селениями; Новгород с окружающими его монастырями и церквами; Москва с подмосковными усадьбами и т. п.).

Охраняемый исторический облик наиболее ценных городов определяется планировкой, высотой (не выше, скажем, Зимнего дворца в Петербурге) зданий, их средними габаритами, окраской фасадов, допустимостью того или иного стиля в городе и т. п.

Исторический облик наиболее ценных исторических городов определяется понятием «облик города», согласно с введенными в свое время в науку определениями в работах И. М. Гревса и Н. П. Анциферова.

Понятие ценного ландшафта определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих местах (в России — битвы: Полтавская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская, Курская, Севастопольская оборона), но и памятью художественной (Плес на Волге, связанный с именем Левитана, гора св. Викторни, памятная работами Сезанна и т. п.).

III. Права культуры на доступность

Доступ к ознакомлению и изучению произведений культуры должен быть открыт для каждого человека (кроме, разумеется, потенциальных злоумышленников, вопрос о которых должен быть рассмотрен соответствующими комиссиями).

Открытость («гласность») произведений должна касаться как находящихся в государственном, так и в частном владении. Невозможность обозрения тех или иных книг, акварелей, рисунков и пр. должна решаться компетентными комиссиями и сами решения эти не должны быть тайными.

Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения в назначаемые владельцами дни не реже двух раз в год. Особый статус для обозрения предоставляется учащимся, пенсионерам, ученым.

Особо ценным собраниям необходимы полные каталоги. Финансовая поддержка в их составлении и печатании осуществляется государством или благотворителями (с соответствующим сокращением налогов для последних).

Под полными каталогами разумеются научные описания произведений, находящихся как в экспозиции, так и в запасниках. Сведения о малых собраниях или отдельных произведениях, хранящихся в частных руках, могут печататься в прессе (научной или популярной).

Произведения культуры (археологические, живописные, прикладного искусства и т. д.) должны иметь стабильное местопребывание и только по особым причинам, исключительно культурного характера, могут менять его; причины должны быть рассмотрены в ЮНЕСКО.

Вместе с тем необходимо усилить права жертвователей произведений культуры. Их воля относительно местонахождения пожертвованных предметов, имеющих общечеловеческую ценность, должна полностью выполняться прижизненно и посмертно, о чем в случае прижизненного пожертвования необходима полная договоренность между прежним и новым хранителями.

В случае невозможности выполнения условий жертвователя (или в некоторых случаях продавца) разрешение на перемену условия хранения общечеловеческих ценностей должно выдаваться ЮНЕСКО.

Настоящая «Декларация прав культуры» является сугубо предварительной. Государства, принявшие положение данной Декларации, обязуются организовать учреждение при ЮНЕСКО, которое выработает окончательный текст, создав действенные меры по охране и доступности культуры, и станет в дальнейшем пристально следить по общим для всех государств правилам и законам за выполнением всех прав культуры.

**КУЛЬТУРА И МИРОСТРОИТЕЛЬСТВО.
О НЕРАСТОРЖИМОСТИ ДУХОВНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО**

Основой возрождения России может быть только возрождение культуры. Именно в ней — источник новой философии мироздания, новой национальной идеи и новых путей экономического развития.

Термин «ойкономия» (oikia — жилище, дом; nomos — закон, обычай) — может быть переведен как домостроительство, миростроительство. Религиозной мыслью понимался как *строительство Божьего мира* или церкви, а мыслью рациональной, хозяйственно-бытовой, особенно в последние 200 лет, начал употребляться в смысле созидания условий, средств и результатов *мирского* существования, полностью отделенного от духовного строительства. Но и в личной жизни и в истории Дух и Плоть всегда были *нераздельны, хотя и неслиянны*.

Существовало ли время, когда хозяйство развивалось независимо от Культуры, когда возможно было пахать и сеять, и стронть жилища не заботясь о пище духовной и не «принося жертвы Богам»? Очевидно, что такого времени никогда не было, и у язычников и у христиан духовный подъем сопровождался подъемом государства и экономики, причем всегда и во все времена расцвет Культуры предшествовал усилению материального могущества, но не наоборот.

Будет ли спасено российское производство, если все ресурсы вложим в экономику, максимально сократив расходы на военную, социальную и культурную сферы? И станем ли мы *богаче*, если оставшиеся силы будем тратить на *возрастание вещественного богатства*, или же, напротив, лишь восстановив *гармоническое* развитие общества, т. е. направляя наши усилия на *ойкономию*, созидание целостного мира, *миростроительство*, мы преодолеем нищету? Практика последнего десятилетия, кажется, показала всем, кто способен видеть, что упадок страны начался с того, что мы умилили армию, науку, здравоохранение и культуру и, казалось бы,

высвободив гигантские *непроизводительно* расходуемые средства, стали более нищими, чем были.

Цельное миропонимание дает картину сущего как двуединства, в котором ничто из двух ипостасей мира *не предшествует*, ни Дух плоти, ни плоть Духу, но существует и исторически развивается *вместе*; потому-то и возразил Христос сатане на предложение превратить камни в хлебы: *не хлебом единым жив человек!* — но не сказал, что прежде надо позаботиться о Духе. «Земное» и «небесное» существуют *неслиянно*; но и не могут они существовать порознь, автономно, свободно и самодостаточно, и следовательно, они *нераздельны*. И Мир и Дух как *взаимнезависимы*, так и *взаимноподчинены*; ни Дух ни Плоть не существуют так, что одно из них *прежде*, а другое *потом*. Культура не существует только для себя (как и «мир» не существует для себя), и в своем неограниченном и безусловном воплощении приводит к собственному опустошению и разложению, к своей бесцельности; точно так же, и утверждение зависимости, вторичности культуры, «выдавливает» ее из мира, и мир становится бездуховным. Строители, не поставившие культуру в основание здания, построят лишь Вавилонскую башню, и она непременно рухнет. Но и фундамент культуры непрочен, если краеугольным камнем его не станет национальный Дух.

Люди деловые, практические, убеждены, что хозяйственная жизнь не зависит от Культуры, и если строить «экономнее», то можно построить больше и быстрее, узость такого взгляда несомненна. К примеру, фабричные здания или станционные постройки и даже армейские казармы, сооруженные с минимальным чувством изящного, несущие в себе стиль, характер, впечатление (не говоря уже о храмах и дворцах), стоят по сто и более лет, и простоят еще долго. При всей простоте и *экономичности* таких построек, залогом их стойкости является «*ойкономичность*». Промышленные же постройки последних десятилетий безлики, невыразительны, скучны, и сомнительно, чтобы трудящемуся в них было уютно и труд его был плодотворным. *Воистину, если прялка некрасива, то пряжа скоро порвется!*

Доведя до нищеты образование и здравоохранение, мы уничтожаем будущее — зачем нам строить то, что рассчитано на завтра? Наши дети больны и недоразвиты — понадобятся ли им завтра плоды экономического развития? Население страны через десять лет сократится на десять миллионов — нужно ли строить новые дома? Завтра в них некому будет жить. Нужно ли ремонтировать школы и университеты? Завтра в них некому будет учиться. Нужно ли развивать новые технологии? Завтра даже старые покажутся слишком сложными. Так отчего мы вырождаемся? Не лежит ли в основании физического нездоровья нездоровье духовное? И, следо-

вательно, прежде чем излечить наше тело, т. е. экономику, мы должны излечить душу, т. е. Культуру, ибо если не излечимся духовно, то правильные ли выберем рецепты телесного выздоровления?

Необходимо усвоить принципиально иной взгляд на мир, когда перестает существовать экономика отдельно от Культуры, образования и здравоохранения, когда проектирование производства уже включает в себя расчеты на строительство жилья, дорог, школ, больниц, храмов, экологическую защиту. Мы в плену иллюзий. Нам кажется, что в процессе производства мы сеем деньги, а поле, на котором сеем, разбито на участки, и на одних вырастают овощи и злаки, способные превратиться снова в деньги, а на других — бесполезные цветы. Но если сравнить затраты на производство и затраты на подготовку нового поколения (культура, образование, духовное развитие) по их эффективности, то выводы будут не в пользу рациональной экономики, а в пользу «ойкономии». Не расходуя средства на то, что не приносит прибыли, и усиленно производя товары и машины для производства товаров, то есть сея деньги и пожиная деньги, завтра мы окажемся в обветшавшем мире, среди обесцененных денег и устаревших вещей. То, что мы производим сегодня, стремительно упадет в цене завтра. *Развитие — это не производство товаров, а изменение мира и человека.* Даже вульгарно-экономическое «производство для потребления» знает, что сфера товаров и услуг обновляется так быстро, что необходимо производить потребителей и производителей прежде, чем товары.

Упование только на рынок уже заводит человечество в тупик, и человек утрачивает все функции, кроме одной — функции потребителя. Производство вещей из условий существования становится его целью. Та экономика, которая не превращает личность в товар, неотделима от духовного строительства — *ибо не человек для субботы, но суббота для человека.* Полнота жизни возможна только на ниве Духовной Культуры.

Итак, сформулируем следующие выводы:

1. Производство не существует само для себя, и потому имеет и иные обязательства, кроме воспроизводства и удовлетворения материальных запросов: безопасность страны, решение демографических проблем, сохранение национальных традиций.

2. Хозяйственные программы необходимо разрабатывать с учетом возобновления поколений — поэтому образование, здравоохранение, духовное просвещение должны быть частью производственного процесса.

3. Экономическое развитие должно быть основано на духовном возрождении, и в нем взаимосвязаны средства достижения материального благополучия, экологическая безопасность нации и

расцвет Культуры, то есть экономическое развитие должно быть *миростроительством (ойкономией)*.

Недавно мы жили во имя ложных целей — строили «светлое будущее». Удовлетворимся ли мы теперь производством вещей во имя благоденствия? Для подлинного счастья «материи» — в виде ли автомобилей, стиральных машин или телевизоров — никогда не достаточно. Человеку нужна высокая цель. И для нас этой целью может быть только строительство страны, в которой все будет прекрасно — и здания, и рощи, и дороги, где фабрика и храм — две стороны *миростроительства*.

◆
ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ.
О СБЕРЕЖЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм.

Максимилиан Волошин. «Северо-восток».

Вспоминаю рассказ из жизни известного архитектора-реставратора П. Д. Барановского. В начале 1930 годов его вызвали «компетентные органы» и задали вопрос, почему он восстанавливает памятники старины. «Ведь это памятники» — ответил Петр Дмитриевич. «Все это так, но все таки, зачем Вы это делаете»? Ответ Барановского был тем же, а вывод хозяев кабинета категорическим — «Хотите реставрировать монархию». Да, «старина» в недавнем прошлом олицетворялась с чем-то идеологически подозрительным и даже вредным. Историю делили на две части: до и после 1917 года. Насаждалось противопоставление ценностей сегодняшнего дня и «отживших эпох». В результате многовековое культурное наследие оценивалось с классовых позиций, как по преимуществу наследие эксплуататорских слоев общества. Выдвигались скороспелые политизированные культурные фетиши. В жертву были принесены не только «дворянские гнезда», но и устои народной традиции, включая обычаи, обряды, праздники.

Археолог Д. А. Крайнов, работавший в начале 1930 годов в Государственном историческом музее в Москве, вспоминал, что как-то был вызван для отбора музейных экспонатов. «Привезли нас на склад, — рассказывает Дмитрий Александрович, — вдоль стен уложены штабелями вещи, конфискованные из крестьянских сундуков. Столько деревенского богатства в своей жизни не видывал. Вышитые полотенца, драгоценная одежда, головные уборы, расшитые жемчугом, редкостная обувь, золотого шитья платки. Все как новое. Глаза разбегаются. Отобрали кое-какие вещи, а конвоир говорит, хватит, увозите. Куда делось остальное, лежало оно горами, не знаю, в музей не попало». Так вслед за хозяевами, записанными в кулаки, расплылось и погибало их любовно собранное старинное добро. Был нарушен вековой быт мужика — кормильца страны.

Академик Д. С. Лихачев призывает ныне исследовать период вандализма, чтобы он не повторился впредь. Он прав. Страдаем мы от этого вандализма и в наши дни.

Позади годы Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи. Страна востала из пепла и пожарищ. Кажется, уже не осталось разрушений. Но почему так много на нашей земле, в ее городах и селениях руин старинных построек — домов, дворцов, усадеб, храмов, монастырей, крепостей? Среди них немало таких, которые не подвергались бомбардировке и сознательному уничтожению, их разрушение происходило в мирные 1960—1970 годы. Часть этих сооружений заброшена и саморазрушается, другие смелены типовой застройкой, третьи — используются на износ. Оказались в этом обреченном ряду и памятники незаурядные, выдающиеся. Разумеется, не все примечательные постройки находятся в таком бедственном положении, но и те, что содержатся в порядке, зримо оттеняют глубину потерь. Ведь каждый исторический объект по-своему неповторим, а все вместе они формируют облик Родины, создают незабываемое окружение того места, где родился и вырос человек. Их гибель вовсе не бесследна, она опустошает общество, отнимает у человека родные воспоминания, разъедает неверием его душу. По этому поводу писатель Валентин Распутин на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, состоявшемся в 1987 г. в г. Горьком, сказал: «Эпоха беспомысленности не прошла даром. Мы воспитали поколение людей, которые невосприимчивы к культурно-историческому наследию..., у которых начисто отмер орган, который позволил бы отличить временное от вечного». Здесь упущено воспитание краеведением. По справедливым словам академика Д. С. Лихачева, преподавание краеведения в школе поможет формированию у человека пожизненного образа своего поселка, города, улицы, всего того, что образует малую Родину. Здесь скажу о тех местах, в которых вел археологические изыскания и знаю их не понаслышке.

Гигантским полукольцом вокруг С.-Петербурга расположены города-крепости, защищавшие северо-западные рубежи Руси. Речь идет о Старой Ладогe, Орешке, Кореле (Приозерске), Копорье, Ям-городе (Кингисеппе), которые отстраивались на протяжении VIII—XIII вв., а в конце XV в. к ним прибавился Ивангород. Архитектурные и археологические богатства этих населенных пунктов с неожиданной силой заявили о себе в наши дни после открытий, достигнутых археологами и архитекторами. Подробно познакомиться с ними, увы, затруднительно. Ни один из перечисленных исторических городов не приведен в должный порядок и неизвестно, когда эта работа будет выполнена. Вот несколько примеров.

Ижорское плато — богатую земледельческую область Великого Новгорода охраняло возникшее в XIII в. Копорье. Необычный

своим обликом четырехбашенный каменный замок на горе словно перенесен с какой-то старинной гравюры. Его боевая служба продолжалась пять веков. Издали кажется, что твердыня почти полностью сохранилась. Но чем ближе подходишь к крепости, тем явственнее выступают утраты и разрушения. Помощь пришла сюда в критический момент. Реставрационными работами спасены от обрушения часть стен, въездной мост, одна из башен. Парадокс заключается в том, что сделанное вновь разрушается. Дело в том, что одна из лучших крепостей средневековой России не имеет пользователя и даже сторожа. В крепости еще не поздно устроить музей, место для фестивалей и спектаклей под открытым небом. А пока выдающийся архитектурный комплекс брошен на произвол судьбы.

К юго-западу от Копорья на берегу р. Луги на главной дороге из Новгорода в Нарву и далее Таллинн в 1384 году возник Ямгород (ныне Кингисепп). В XVII и XVIII веках старую крепость разобрали и даже место ее стало забываться. С помощью планов, присланных из Королевского военного архива Швеции, археологам удалось отыскать и изучить почти все части исчезнувшего с поверхности земли крепостного ансамбля. Он включал четырехбашенный кремль и насчитывающий пять башен «внешний город». Таким образом, истории русского градостроительства возвращен архитектурный комплекс XIV—XVII вв. площадью 4 га. На месте крепости ныне уцелели два бастиона, насыпанные здесь в 1703 г. по проекту Петра I. Что касается древнерусской каменной твердыни, то ее засыпанные землей руины сохранились настолько, что, проведя консервацию кладок, их можно было бы в значительной части показать прямо под открытым небом.

Древний русский город на Луге носит имя руководителя эстонских коммунистов В. Э. Кингисеппа. Не умаляя памяти об этом человеке, считаю все же, что исконное имя города — Ямгород — исторически оправдано и достойно восстановления. Уместно в этой связи вспомнить, что на о. Саарема есть уже город, носящий имя упомянутого революционера.

Среди исторических мест Северо-запада Руси России выделяется звезда первой величины — Старая Ладога (до 1704 года город Ладога). Основана она была не позже середины VIII в. и своим стремительным возвышением обязана ключевому положению на евразийских торговых путях Балто-волжском и Балто-днепровском, которые вели в Арабский Халифат и Византию. Ладога явилась первой столицей объединенной Северной Руси. Сюда в 862 г. прибыл скандинавский выходец Рюрик, ставший основателем правящей династии, властвовавшей в России вплоть до конца XVI в. При всей условности летописной даты (государство имеет свои предпосылки, в один год его создать нельзя) ей могут позавидо-

вать многие европейские народы. Ведь она передает замечательную глубину и протяженность русской письменной истории.

В Старой Ладогe нет почти современной промышленности, уцелели ее старые уголки. Можно видеть нетленную красоту поселка, который в конце прошлого века так поразил Н. К. Рerиха, что он составил его проникновенный словесный портрет. «Взбираешься на бугор, — писал художник, — и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения по середине, по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом один красивее другого. Из-за кургана, на половину скрытая пахотным бугром торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке — серые и желтоватые оставы посада, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо зеленый бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно историческое настроение».

Памятники архитектуры и археологии действительно уцелели в Старой Ладогe в поражающем изобилии — их более 160. В это число входят крепостные сооружения, храмы, колокольни, дома, амбары, часовни, древние городища и урочища, курганы и сопки, наконец, культурный слой древнего города. Во всем этом запечатлелось двенадцать веков русской истории. Не случайно в 1984 г., по распоряжению Совета Министров РСФСР, на базе местного краеведческого музея был создан Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. В 1995 г. его федеральный статус закреплен Указом Президента России. Площадь заповедника составляет 200 га. Институт истории материальной культуры РАН проводит здесь регулярные археологические раскопки. Земля поселения скрывает древние постройки и вещи такой древности и сохранности, которых и не сыщешь во многих других старых русских городах. Здесь уцелели или обнаружены вновь этапные сооружения древнерусской каменной и деревоземляной фортификации эпохи средневековья. Завершена реставрация церкви Святого Георгия с всемирно известными фресками XII в. Восстановление других архитектурных объектов, к сожалению, приостановлено.

В 1997 г. Правительство Ленинградской области провело в Старой Ладогe и в г. Волхове беспрецедентные в нашей культурной практике выездные парламентские слушания с участием депутатов Государственной думы, членов Правительства области, властей г. Волхова и Волховского района, ученых, сотрудников музея-запо-

ведника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Были приняты рекомендации Правительства Ленинградской области, главным из которых было предложение о присвоении Староладожскому музею статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации. В этих рекомендациях отмечена также необходимость финансирования работ археологической экспедиции ИИМК РАН. Надеемся, что результаты слушаний будут реализованы.

Не ставим своей целью даже кратко охарактеризовать исторические города-крепости Ленинградской земли. Это историческое богатство национального масштаба остается фактически не востребуемым, малоизвестным или просто забытым. Архитектурные сооружения этих городов вызывают о их сбережении и восстановлении. Сходное положение сложилось и в ряде других мест России.

Отечественное культурное наследие, которое в течение XX столетия подверглось неоднократным сокрушительным ударам, ныне вновь переживает кризис. В результате наше общество несет невосполнимые нравственные, материальные, научные, просветительские и, думаю, политические потери. Укоренился остаточный принцип выделения средств на развитие культуры. Охрана памятников пришла в упадок, их реставрация во многих местах заброшена из-за отсутствия необходимых средств. Работники библиотек, архивов, музеев, учителя, архитекторы-реставраторы придавлены нищетой. Горят, обкрадываются, затопляются ценнейшие собрания книг и документов.

В новых условиях приватизации и рыночных отношений ценности России оказались практически беззащитными. Под натиском коммерческой стихии их все труднее сохранять. Все старинное стало объектом неудержимой купли-продажи. Появились охотники за археологическими находками. Кладонскатели читают археологическую литературу, а затем тайком отыскивают и копают курганы. Их привлекают и другие вещи, казавшиеся раньше банальными, такие, как печные изразцы или оградные решетки, сделанные в XIX в. С новой силой происходит разворовывание и распродажа по всему миру исторического достояния Отечества. Из страны в массовом порядке, зачастую безнаказанно, вывозятся изделия антиквариата. Неисчислимо количество переправленных на Запад икон. В Финляндии и Польше только из конфискованных таможенными икон можно открыть целые музеи. Небрежное отношение к историческому достоянию коснулось и властей. В отчетном докладе Центрального совета на VII съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, который состоялся в Москве в 1997 г., отмечалось, что «власти субъектов Федерации делают все по-своему: продают, приватизируют, относя памятник к обычному имущественному фонду».

Что касается самого упомянутого выше Общества, то оно, к глубокому сожалению, разваливается на глазах. Согласно названного выше Отчетного доклада Центрального совета, из 18,5 млн. членов Общества на 1.1.1997 г. подтвердили свое членство лишь 8 млн., количество первичных организаций уменьшилось в 20 раз. Государство практически отказалось от помощи активистов Общества. Между тем, в нем работали первоклассные специалисты, точнее их назвать подвижниками. Общество следует рассматривать как полуообщественное, полугосударственное образование. Ныне оно могло бы выступать заказчиком восстановления тех или иных исторических объектов, экспертировать работу реставраторов и их проекты, лицензировать экскурсии, сдавать в аренду и само арендовать памятники архитектуры и скульптуры.

Принятый в 1978 г. Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» фактически бездействует, а проект нового закона в Государственной думе отложен в «долгий ящик». Между тем, необходимо принятие срочных мер по реорганизации всей системы охраны и сбережения как культурного, так и природного наследия. Иначе «второсортность» культуры, ее заброшенность и финансовое оскудение приведут к деградации общества, углубят бездуховность народа. В этой связи нельзя не обратить внимание на определенные негативные тенденции общественной жизни последнего времени. В погоне за сенсацией авторы некоторых сочинений готовы отбросить все достоверное, что содержится в источниках по русской истории. Вымысел, анатомирование исторических событий с целью отыскать патологию, нагнетание жестких и катастрофических фактов под видом объективности, порой воинствующее невежество и неприкрытые выпады против Руси-России, засилье привнесного низкопробного искусства — все это характеризует сумятицу и вседозволенность, распространившиеся в научной и культурной жизни. Опасно истончились нити патриотизма (ставшего чуть ли не ругательным словом), пресекаются корни любви к Отечеству.

Перейдем здесь к предложениям, которые частью были высказаны мной в качестве председателя редакционной комиссии по выработке решений VII съезда ВООПИК, состоявшегося, как упоминалось, в Москве, в июле 1997 г. При этом не претендую на изложение сколько-нибудь законченной концепции реформ. Диагноз тяжелой болезни поставлен, но лечить ее трудно. Без коллективных усилий и поддержки государства здесь не обойтись.

Необходимо предусмотреть обязательное отчисление из средств местного бюджета в размере не менее 3 % на сохранение памятников истории и культуры, находящихся на территории того или иного населенного пункта, района и области. На объекты феде-

рального значения поступают отчисления из общероссийского бюджета.

Следовало бы предусмотреть в налоговом кодексе налоговые льготы спонсорам и меценатам, всем благотворителям, дающим средства на поддержание культуры, включая и культурное наследие. В С.-Петербурге и Ленинградской области законы о благотворительной деятельности приняты еще в 1995 г. Теперь этот опыт хорошо бы сделать общегосударственным.

Необходимо заново разработать вопрос о собственности на движимые и недвижимые памятники, в последнем случае, включая и землю, на которой они находятся. Следует обратить внимание на вопрос о государственной, в том числе, муниципальной собственности на те или иные памятники истории и культуры, особенно, как бы «ничейные» или брошенные. Должна быть установлена ответственность местной власти за находящиеся на ее территории памятники. Пришло время исправить не оправдавшую себя формулу «охраняется государством». Объекты истории и культуры являются достоянием не государства, а народа и общества. В настоящее время у некоторых недвижимых памятных сооружений несколько постоянных или временных хозяев, что приводит к неразберихе и безответственности.

Следует предусмотреть дифференцированную ответственность государства, общественных организаций, отдельных лиц за состояние и сбережение культурного наследия.

Необходима разработка статей об охране памятников археологии, включая объекты подводной, архитектурной и военной археологии. С учетом строительной сложности архитектурных сооружений, включающих не только наземные, но, зачастую, неизвестные подземные части, определенным объектам следует придавать двойной статус — памятников архитектуры и археологии.

Назрела реформа службы охраны памятников, которая, как вариант, заключалась бы в создании на местах органов охраны памятников, независимых от местной власти, но подчиненных единому государственному центру. В целях преодоления разобщенности, безответственности или бесправия учреждений, связанных с надзором за историческими объектами, целесообразно учредить Государственный комитет при Правительстве России по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры.

Следует разработать и определить функции местных властей в деле охраны памятников. Это обстоятельство может иметь решающее значение в сохранении объектов разной исторической значимости и разных форм собственности.

Необходимо обратиться к церковным властям с целью привлечения их к делам сбережения и защиты памятников. Важно

было бы узаконить государственно-церковные институты в деле спасения и реставрации тех или иных исторических и культурных объектов. Некоторые ценные культурные сооружения находятся в совместном использовании церкви и государства, поэтому необходима договорная мера ответственности за их содержание и сохранение.

Желательны научно-практические и культурно-просветительные съезды по регионам, посвященные проблемам в области охраны, использования и реставрации памятников. Обязательно сопровождать эти съезды выпуском печатных трудов.

Учет исторических памятников следует кодифицировать в зависимости от их значимости и балансовой стоимости. Думается, что следует более настойчиво выдвигать памятники Отечества, достойные включения в список объектов мировой ценности. Следует заново разработать охранные меры по юридической защите памятников, включая применение статей уголовной ответственности к нарушителям.

Достойно поддержать инициативу общественности Санкт-Петербурга об установлении в России ежегодного дня памяти святого благоверного князя Александра Невского, приурочив его к 12 сентября — церковному празднику, дню перенесения мощей князя из Владимира в Санкт-Петербург. Было бы целесообразно также создать международный благотворительный фонд имени Александра Невского, который бы поощрял и финансировал деятельность, связанную с изучением и спасением русского культурного и научного наследия.

Важно было бы организовать, например, в Санкт-Петербурге «Русский дом» для хранения библиотеки и архива, устройства выставок, приема гостей из ближнего и дальнего зарубежья. Молодежь могла бы в таком доме совершенствоваться или обучаться русскому языку и знакомиться с отечественной культурой.

Желательно было организовать Российский банк культуры с правом осуществлять внутри- и внешнеэкономические акции, например, участвовать в покупках оказавшихся за рубежом культурных ценностей.

В связи с изучением культуры некогда единых славянских народов России, Украины и Белоруси могла бы быть создана негосударственная организация. В этом деле могли бы объединиться Общества по охране памятников соответствующих упомянутых государств.

Было бы желательно на правительственном уровне провести собрание или круглый стол по вопросам культурного наследия. Среди попечителей этого наследия хотелось бы видеть представителей высшей законодательной и исполнительной власти. Верный шаг в этом направлении попытались сделать. На VII съезде

ВООПИК в 1997 г. в качестве почетного председателя и попечителя ВООПИК назван был Президент России. Ленинградское отделение Общества сочло возможным избрать своим почетным председателем одного из вице-губернаторов Ленинградской области А. В. Воронцова. Ничего удивительного или неожиданного в такого рода выборе нет. Здесь мы продолжаем забытую традицию. Вспомним, что Председателем существовавшего до 1917 г. Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины был великий князь Николай Михайлович. Участие титулованной просвещенной особы в делах общества способствовало его авторитету. Коснусь ниже двух сюжетов, связанных с всесветным рассеянием русского художественного достояния.

XX век с внезапной силой открыл миру высочайшее мастерство и духовность русских икон. В этом ряду оказались и святыни выдающегося национального значения. Одна из них «чудом» явилась в 1383 г. на реке Тихвинке неподалеку от места будущего Большого Успенского Тихвинского монастыря и «чудом» сохранилась в наши дни. Речь идет о иконе Тихвинской Богоматери. Во время моего знакомства в 1984 г. с финляндским искусствоведом Ауне Яскинен она рассказала ставшие ей известными факты о похищении фашистами во время Великой Отечественной войны в 1941 г. из Успенского собора Большого Успенского монастыря в г. Тихвине знаменитой, считавшейся чудотворной, иконы. Когда было создано это произведение в XIV или в начале XVI вв. не выяснено. Икона полностью не расчищалась, поэтому ее потенциально высокие художественные достоинства еще предстоит оценить. Ныне она находится в Чикаго в собственности одного из священников американской автокефальной православной церкви. А. Яскинен изложила в своей книге «Икона Тихвинской Богоматери», изданной по-английски в Хельсинки в 1976 г., версию о спасении иконы священником Иоанном (Шаховским, в дальнейшем архиепископом Чикаго и Минеаполиса, а позднее и Сан-Франциско) во время бегства немецких войск из Лиенау. По рассказам «Тихвинская мадонна» после Тихвина оказалась во Пскове, потом в Риге и, наконец, брошенной среди военного снаряжения вермахта на берегу Балтийского моря. Там ее подобрал Иоанн и в 1949 г. привез в США. Как бы то ни было, произведение византийской или русской работы не погибло, не затерялось, и может быть возвращено на Родину. По завещанию спасителя иконы ее возможно вернуть из США в Россию при условии открытия Большого Успенского монастыря в Тихвине, восстановления Успенского собора, в котором икона хранилась в специальном сейфе, и надлежащей ее охране. Часть этих условий уже выполнена. В 1995 г. в новооткрытом монастыре появились первые послушники, начат ремонт собора. В 1996 г. тогдашним губернатором Ленинградской области

А. С. Беляковым создан фонд иконы Тихвинской Богоматери. Такой фонд, или специальная группа, если им удастся работать при поддержке Правительства Ленинградской области, духовенства, общественности, коммерческих структур, мог бы способствовать затянувшемуся возврату реликвии русского народа.

К числу забытых шедевров русского искусства на этот раз светского характера, попавших в «зарубежный плен» относятся картины русских художников, направленные в 1914 г. в шведский город Мальмё на устроенную там художественно-промышленную выставку. На выставке оказались 93 произведения 19 мастеров, среди которых были А. Бенуа, В. Серов, А. Головин, К. Коровин, А. Яковлев, И. Браз, С. Яремич, Б. Кустодиев, П. Кузнецов, К. Петров-Водкин... Картины направило в Швецию не Российское государство, а сами художники, так сказать, в частном порядке. Русский павильон для публики оказался подлинной сенсацией. Как писала тогда шведская газета «Дагенс Нюхетр»: «Самое большое впечатление от всего виденного (на выставке) производит русская живопись. Здесь все ново для шведов».

Разразившаяся в момент функционирования выставки мировая война, а затем октябрьский переворот привели к тому, что российские экспонаты прочно застряли в Швеции. Часть своих произведений художники вытребовали назад или продали за бесценок в том числе и в Художественный музей в Мальмё. Невостребованными остались 24 картины. На Родине об этих полотнах попросту забыли. Так Швеция, которая не приобретала, не захватывала, не присваивала, не конфисковывала русские картины, оказалась их бессрочной хранительницей. В опубликованной в Мальмё в 1989 г. по-шведски книге «Балтийская выставка 1914 г.» автор раздела о русской экспозиции Г. Христенсен описывает, как впервые ходил по залам Художественного музея вместе со зрителем. Подошли к портретам. «Это русские картины Балтийской выставки, — пояснил зритель. Если кто-нибудь, — продолжал он, — придет из России, их надо спрятать». «Почему», — спросил Христенсен. «Они нам не принадлежат, и никто не знает, кто ими владеет. Они оставлены нам на хранение уже много лет тому назад».

Пришло время вспомнить о забытых шедеврах. Требовать их возврата затруднительно, ведь владельцев-художников нет в живых. В качестве временной меры можно было бы учредить комитет по опеке картин из Мальмё, состоящий из представителей России и Швеции. Такой комитет мог бы быть временным или даже постоянным собственником «ничьих» русских художественных произведений и, возможно, выступать под эгидой ЮНЕСКО. Как бы не сложилась судьба русских творений, очень полезна была бы их выставка в России. Конечно, следует гарантировать шведским

устроителям возможной выставки возврат экспонатов на место хранения.

На исходе мятежный XX век. Набатный колокол в защиту культурного достояния звучит все тревожнее, все громче и настойчивей. Приходит новая оценка Российского наследия как фактора национальной и общемировой духовности. Было время бросать камни, настало ли — их собирать? Здесь только сами себе можем помочь.

ЛИТЕРАТУРА

Киртичников А. Н. О создании в Старой Ладге историко-архитектурного и археологического музея-заповедника // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах. Ереван, 1980. С. 62—64.

Киртичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

Киртичников А. Н. Исторические города Ленинградской области (к вопросу о бережении культурного наследия). // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 140—144.

Киртичников А. Н. Охрана памятников архитектурной археологии городов-крепостей северо-западной Руси. // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987. С. 88—95.

Киртичников А. Н. Время собирать камни. // «Наше наследие», 1989, 4, С. 1—7.

Киртичников А. Н. Защитить памятники Отечества // Тез. докладов конференции. Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур, история и археология. Нарва, 1989. С. 12—15.

Киртичников А. Н. О бережении отечественного культурного наследия. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 110—121.

Киртичников А. Н. Реликвии русской императорской армии в Брюсселе. // «Погибшие святыни». 4-я Российская научно-практическая конференция. Часть 1. С.-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». Сборник материалов. Вып. 9. СПб., 1996. С. 86—92.

Киртичников А. Н. Охрана и бережение памятников отечественной культуры. Некоторые идеи и проекты. // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 195—198.

Киртичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.

Материалы V съезда Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, г. Горький. М., 1988.

Рерих Н. К. Собрание соч. Т. 1, М., 1914. С. 46—47.

◆
ОХРАНЯТЬ ПАМЯТНИКИ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Среди других важных задач, которые приходится решать исторической секции Ленинградской областной организации Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, важное место занимают сохранение и изучение исторических памятников и памятных мест, связанных с военной историей. В протяжении многих веков Северо-Запад России был ареной сражений и войн. От их исхода во многом зависела судьба нашей Родины. О защите своих границ нашим предкам приходилось заботиться, как об одной из первостепенных, жизненных проблем. Поселения и города в древней Руси, как правило, обносились оборонительными сооружениями.

Ладога, впервые упомянутая в летописи под 862 г., уже в 860-е гг. стала уже не только городским поселением, но и столицей империи Рюриковичей, для защиты которой уже тогда воздвигались первые укрепления. Со временем на берегах Волхова возникли мощные для своей эпохи каменные стены и башни. Кроме Ладоги каменными стражами Руси на ее беспокойных северо-западных границах стали и другие города-крепости. Стены и башни этих крепостей хранят память о сражениях, штурмах, осадах, морских баталиях. Помнят о них воды и берега Невы, Финского залива, Ладожского озера, других рек и озер.

В 1240 г. русские воины, предводительствуемые князем Александром Невским, нанесли поражение шведским войскам на берегу Невы у впадения в нее реки Ижоры. В последние годы сделаны первые шаги по увековечиванию памяти участников Невской битвы. Восстановлен православный храм. В дальнейшем следует приложить все усилия для того, чтобы создать музей, добиться решения о статусе охраняемой зоны. Через год после Невской битвы, в 1241 г. дружина Александра Невского овладела Копорьем. С боем был взят сооруженный там немецкими рыцарями деревянный замок. На его месте русскими была сначала построена деревянная

крепость. Затем, в 1280 г. были возведены стены и башни из камня. Величественные сооружения Копорской крепости сохранились до наших дней, но еще многое следует сделать, чтобы превратить Копорье в благоустроенный архитектурно-туристский и военно-исторический комплекс.

В 1323 г. в истоке Невы на острове Ореховом великий князь Московский Юрий Данилович, внук Александра Невского, заложил крепость. История средневековой русской крепости Орешек, так же как история других русских городов-крепостей на Северо-Западе Руси, таких как Ямгород (Ямбург, ныне — Кингисепп; Корела—Кексгольм—Кякисалми, ныне — Приозерск), Выборг, тесно переплетается с историей Ливонской войны, русско-шведских войн, Северной войны 1700—1721 гг. Много сделано для изучения истории этих городов-крепостей с археологической и архитектурной точки зрения. Следует продолжить эти исследования и обратить большее внимание на создание военно-исторических исследований. Нужно помнить, что драматические события как давних лет, так и недавнего прошлого, были трудным испытанием и для народов России, и для народов других стран, особенно для народа Финляндии. В этой связи следует отметить плодотворное сотрудничество историков России, Финляндии, Швеции, всячески способствовать продолжению совместных исследований.

Северная война, бурная энергия Петра I стали причиной того, что в историю Северо-Запада России были вписаны новые страницы. В сложную историю старых крепостей вошли новые главы об осадах и штурмах. В 1702 г. русские войска овладели Нотебургом (Орешком). В 1703 г. был взят Ямбург. В 1710 г. русские полки штурмом взяли Выборг. В том же году после осады сдался шведский гарнизон Кексгольма.

После того, как в 1703 г. был основан Петербург, защита северо-западных границ приобрела для России особое значение. Это ощущалось и во время Северной войны, и в последующих войнах. Напомним для широких кругов менее известную русско-шведскую войну 1788—1790 гг. Швеция имела во время этой войны поддержку со стороны Англии, Голландии и Пруссии. Победа, одержанная русским флотом в июне 1790 г. в Выборгском морском сражении, сорвала планы шведов высадить десант в окрестностях Петербурга и ускорила заключение мира.

Войны XIX в. не раз заставляли беспокоиться о судьбе Петербурга. Так было в 1812 г. и в 1853—1856 гг. Но и в мирное время не только в Петербурге, но и в Петербургской губернии были расквартированы гвардейские, армейские и флотские части. В свое время было начато подробное изучение историй гвардейских полков, составлялись истории и некоторых армейских частей. Однако, такого рода работа по истории русской армии и флота XVIII—на-

чала XX вв. была прервана Первой мировой войной, начавшейся в 1914 г. В 1918 г. полки русской гвардии и армии были расформированы. В последнее время наметилось оживление среди энтузиастов военной истории. Наверное, такого рода начинания следует поддержать. Довольно широкий круг наших современников знает о том, что в Новой Ладогe стоял Суздальский полк, поскольку этим полком когда-то командовал А. В. Суворов. Но, к сожалению, о многих полках и других частях в XVIII—начале XX вв., расквартированных в Гатчине, Ораниенбауме, знают немногие. Вместе с тем там стояли и отличившиеся во многих войнах полки. Они достойны внимания потомков.

В XX в. Северо-Запад России вновь стал ареной войн. На завершающем этапе Первой мировой войны немецкие войска в феврале 1918 г. овладели Нарвой. В боях под Нарвой и Псковом создавались отряды Красной Армии. В годы гражданской войны, особенно в 1919 г., западная часть современной Ленинградской области стала театром военных действий. У нас немало было сделано по изучению истории гражданской войны вообще, под Петроградом и на Северо-Западе нашей страны, в частности. Однако, эту работу можно и нужно продолжить, чтобы во всей полноте воссоздать полные драматизма события тех лет.

Большая часть территории, входящей ныне в Ленинградскую область, была охвачена огнем войны в годы Второй мировой войны 1939—1945 гг. Трудно перечислить все направления, по которым следует вести работу исторической секции Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по увековечиванию памяти тех, кто пал в боях за Родину в эти годы, по воссозданию более полной и объективной картины тех испытаний, которые выпали на долю всего нашего народа и жителей Ленинградской области. Заметим, что в прошедшие после войны годы многое делалось по сохранению памятников на могилах павших воинов. Много материалов собрано сотрудниками музеев, расположенных в Ленинградской области, руководимых объединенной дирекцией этих музеев. В сохранении и изучении различных материалов, рассказывающих о Великой Отечественной войне, велик вклад активистов Общества, краеведов, журналистов. Тем не менее эту работу следует продолжить. Важно, что и сейчас она не прерывается, несмотря на очень трудное время. Наличие энтузиастов как среди участников войны, сотрудников музеев, учебных заведений, научно-исследовательских учреждений дает надежду, что удастся расширить сбор материалов и изучение различных проблем по истории Великой Отечественной войны. Напомню, что среди них и такие проблемы, как история партизанского движения, история Ленинградской армии Народного ополчения, взаимодействие войск Ленинградского и Волховского

фронтов, роль Краснознаменного Балтийского флота и военно-воздушных сил и многие другие проблемы.

Вселяет надежду то, что работу по военной истории в рамках Общества по охране памятников удастся расширить, то, что историческая секция постоянно ощущает готовность к сотрудничеству и помощь со стороны исторической секции С.-Петербургского городского отделения ВООПИК, сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской Академии наук, кафедры истории Академии культуры им. Н. К. Крупской, Военно-исторического музея А. В. Суворова, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, других научных, культурных учреждений, учебных заведений. Особенно хотелось бы поблагодарить районные отделения ВООПИК и их руководителей в районах Ленинградской области, таких как Гатчинский, Ораниенбаумский, Выборгский, Тихвинский и многих других.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Это было 18 февраля 1997 года. Большой зал заседаний правительства Ленинградской области выглядел не совсем обычно. Свет был притушен, перед сценой президиума стоял стол с зажженными свечами, а в зале амфитеатром сидели родные и близкие воинов из Ленинградской области, погибших и умерших от ран в годы Афганской войны. Говорили о книге «Не дай, Отчизна, умолчать...», Книге Памяти, которая была выпущена к очередной годовщине вывода советских войск из Афганистана Издательско-полиграфическим комплексом «Вести». Выступавшие благодарили творческий коллектив, издателей, губернатора и правительство области, по поручению и на средства которого это издание было осуществлено. Вспоминали о том, что В. А. Густов, еще работая председателем областного Совета, поддержал идею создания такой книги и всемерно способствовал ее появлению все последующие годы. Но особенно запомнилось одно выступление — православного священника, который сказал о том, что возрождение России начинается с сохранения исторической памяти народа, и правительство во главе с губернатором делает великое святое дело, поддерживая появление подобных изданий. Они навсегда останутся нетленными страницами нашей истории, частью летописи народного подвига во имя защиты интересов Отечества.

Книга, о которой шла речь на памятной встрече, не была случайным эпизодом в деятельности правительства и областного издательства. С самого своего создания в 1992 году работники ИПК «Вести» определили одно из главных направлений своей издательской политики, подготовив и выпустив на собственные средства листовую и карманный календари «Памятники истории Отечества в Ленинградской области», а вскоре и первые два тома книги «Дворянские роды Российской Империи». Это было сложное многоцветное издание, ставшее для нас хорошей школой профессионального мастерства. Но главная тема — народного подвига в Великой

Отечественной войне — пришла к нам вместе с важнейшим заказом областного правительства — многотомником «Книга Памяти», который ИПК «Вести» продолжает выпускать и сегодня. Предполагалось выпустить 26 томов — мартиролог павших в годы Великой Отечественной. Поисковая работа в Ленинградской области увеличила скорбный список наших потерь, и издание, вероятно, составит до 32—34 томов. Характерно, что областное правительство, которое финансирует его выпуск, поддержало инициативу издательства по созданию первого вводного тома, построенного на документально-историческом материале, и эта книга была признана лучшей редакционной коллегией Всероссийской Книги Памяти в преддверии 50-летия Победы. Надеемся, что и последний том эпопеи, который творческий коллектив издательства и рабочей группы рассчитывает сделать по аналогии с первым, даст мартирологу достойное публицистически-эмоциональное обрамление.

К той же дате, 50-летию Победы, мы подготовили и выпустили документальный фотоальбом «Репортаж из-за линии фронта. Партизанская война в Ленинградской области», раскрывший многие неизвестные ранее страницы народной войны против немецко-фашистских захватчиков. Эта книга в конце 1997 года по инициативе Комитета бывших партизан и подпольщиков России и при поддержке Объединенного совета ветеранов партизанского движения выдвинута на соискание государственной премии РФ имени Г. К. Жукова. Немаловажно отметить, что у истоков этого издания стоял В. А. Густов, поддержавший просьбу ветеранов о подготовке такой книги и поручивший ее выпуск областному издательству. Надо было видеть, какой радостью светились глаза бывших партизан и воинов, когда в ходе торжественных мероприятий, посвященных юбилею Победы, они получали в подарок от руководителей области эту книгу.

Издание литературы военно-патриотической и исторической тематики стало важнейшим направлением работы нашего издательства. Развернуть ее столь широко позволяет глубокое понимание ее важности губернатором В. А. Густовым и членами областного правительства. Эта работа стала частью информационно-идеологического обеспечения деятельности областной власти, суть которого так прекрасно выразил на упоминавшейся встрече православный священник. И не случайно редакционная коллегия Всероссийской Книги Памяти, высоко оценивая внимание, которое в Ленинградской области уделяется подобным изданиям, выразила твердую уверенность, что необходимая работа над ними будет продолжена.

Несомненную поддержку получили и другие инициативы редакционно-издательского совета ИПК «Вести» по выпуску военно-исторической литературы. Еще не закончена Книга Памяти 1941—1945 гг., но мы всерьез задумались о создании полного се-

риала памяти павшим в военных конфликтах современной эпохи. Ведь независимо от того, правильные ли решения принимали политики, наши солдаты и офицеры свято выполняли свой долг перед присягой и гибели, защищая интересы своей страны во многих точках земного шара. Умолчать о них — значит исказить нашу историю, утратить часть памяти народной, которая сегодня живет в сердцах родных и близких тех, кто погиб. Сегодня мы вплотную подошли к созданию Книги Памяти 20—40-х годов, и особенно советско-финляндской войны 1939—1940 гг., 60-летие которой исполняется в 1999 году. Редакционно-издательский совет во главе с военным историком, генерал-лейтенантом в отставке В. П. Черемных уже разработал структуру двухтомника, приступил к написанию основных разделов, а руководитель областной Книги Памяти В. С. Белоус уточняет мартиролог, который включает к настоящему времени 3,5 тысячи фамилий погибших воинов — жителей Ленинградской области, навсегда оставшихся в родной земле в ходе той «незнаменитой», как ее иногда называют, но трагически кровопролитной зимней войны, о которой мы все еще знаем так мало... Выпуск этого издания в общем сериале Памяти поможет закрыть еще одно белое пятно нашей истории, отдаст дань уважения павшим, благодарно отзовется в сердцах ветеранов и их потомков.

Нельзя не вспомнить о других книгах военно-исторической и патриотической направленности, подготовленных и готовящихся сегодня при содействии областного правительства. В 1997 году ветераны получили к Дню Победы интересные воспоминания М. А. Пospelова «На невидимом фронте. Записки партизана и военного контрразведчика», а к Дню Военно-Морского Флота — книгу И. Ф. Салыганова «Морской арсенал на защите Ленинграда», в которой впервые рассказывается о вкладе арсенальцев в обеспечение надежной обороны Ленинграда в самые трагические дни немецкого наступления и в суровые годы блокады. На презентации, организованной Советом ветеранов Ораниенбаумского плацдарма в Ломоносове, где книга была представлена, была выражена горячая признательность участникам правительству и губернатору за содействие в выпуске этого издания. Наряду с ветеранами в зале местного ДК присутствовала молодежь. Юноши и девушки внимательно слушали, и было видно, что эти рассказы, эта память — понятны и близки им, это их история, тот самый вечно неиссякаемый источник, из которого они будут черпать силы для тяжелой работы по возрождению и процветанию государства Российского. Время неумолимо — уходят старики, уйдет и сегодняшнее взрослое поколение, передаст эстафету им, только вступающим в жизнь. Очень важно, чтобы молодежь продолжала святое и праведное дело сохранения памяти народа, потому что в ней, этой памяти, — залог

будущего нашей родины, связанной корнями с лучшим наследием предыдущих поколений.

Сейчас уже подписан к печати оригинал-макет новой книги «С боями от Ленинграда до Шверина», в которой ее авторы Г. Поляков и И. Козырев подробно рассказывают на основе архивных материалов и воспоминаний очевидцев о боевом пути 191-й Краснознаменной стрелковой дивизии, получившей боевое крещение в 1941 году под Кингисеппом. Выход ее в свет запланирован к 9 мая 1998 года.

Можно было бы многое рассказать о другом важнейшем направлении деятельности областного издательства — подготовке историко-краеведческой литературы. Например, к 70-летию области мы выпустили — опять же при поддержке и на средства правительства — два издания: красочный подарочный альбом «Ленинградская область: 70 лет» и сборник очерков разных авторов «В зеркале времен и судеб», где впервые представлена портретная галерея руководителей области, возглавлявших ее со дня создания до настоящего времени.

Особенностью работы нашего издательства при обязательном условии плодотворного сотрудничества и поддержки губернатора, областных правительственных структур является то, что зачастую творческому коллективу ИПК «Вести» приходится не просто редактировать и готовить к печати уже написанные и собранные рукописи, но и создавать их самостоятельно. Такая задача стоит сегодня перед нами в деле создания книги «Ленинградская область: стратегия возрождения». Идея была предложена В. А. Густовым, а ее творческое воплощение должно осуществляться совместными усилиями сотрудников издательства, правительства и журналистов области.

Издательское дело тем и отличается от других направлений работы по сохранению памятников культуры, что оно создает книги — печатные документы культурно-исторического наследия, воссоздавая героические и трагические, но также и светлые, созидательные страницы народной памяти. И задача заключается в том, чтобы написать их достойно, избегая сиюминутных оценок и поспешных конъюнктурных выводов, не оставляя по возможности белых пятен.

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА**

Многообразие и богатство культурного наследия являются важным признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом государственного и национального самосознания. Культурное наследие многообразно само по себе и включает как менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотипы поведения, так и фольклорные традиции от мира образов и представлений до музыкального лада. Важное значение имеет интеллектуальное наследие, сконцентрированное в художественных произведениях, в разработках и открытиях, осуществленных в мире науки. Особую часть культурного наследия составляет его вещественный блок, представляющий как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока, в первую очередь в его истоках и историческом развитии, изучает археология. В связи с этим сложилось такое понятие как археологическое наследие и связанный с ним блок организационных мероприятий.

Исключительно богато и разнообразно культурное наследие Российской державы, отражающее многовековой путь входящих в ее состав народов, продвигавшихся по пути прогресса и оставивших неумирающие ценности в глобальной системе мировой культуры. Его формирование шло в условиях адаптации народов и племен в разных экологических нишах, когда в этих условиях формировались специфические особенности духовного мира и образа жизни. Академик Д. С. Лихачев прекрасно показал роль и значение зоны лесостепей, где шло активное формирование восточнославянских народов, для сложения специфических особенностей русского языка. Та же лесостепь безусловно отразилась в музыкальном ладе и песенной традиции. Еще в бронзовом веке в евразийских степях начал складываться специфический степной образ жизни, традиции которого до наших дней живы в культурном наследии башкир, калмыков, хакасов и многих других народов; степной, а затем и кочевой образ жизни породили ряд особых черт ма-

териальной культуры, глубинные истоки чего убедительно прослеживаются по материалам археологии. Таковы: тип жилища, разборного и легко переносимого; специфические виды посуды как по материалу (предпочтение небольших кожаных и деревянных изделий), так и по формам (корытца и подносы, часто на ножках, изделия шаровидной или уплощенной формы в виде фляг). Специфически и типы одежды — от мягкой бескаблучной обуви до шаровар и поясного ремня, характер которого часто носил престижно-знаковую функцию. Формировались здесь и особые эстетические модели и каноны, что нашло яркое представление, например, в неувядающих шедеврах так называемого скифо-сибирского звериного стиля с его подчеркнутым реализмом и нарочитой динамикой. Важным компонентом культурного наследия человечества стала культурная и поведенческая система, созданная северными народами, успешно освоившими природные зоны повышения дискомфорта и выработавшими здесь формы хозяйствования и образа жизни, сохраняющие непреходящее значение. Истоки формирования этих традиций в условиях социокультурной адаптации весьма глубоки. Исследователями Института истории материальной культуры РАН открыто стойбище охотников на белого медведя в приполярной зоне Арктики на Новосибирских островах, имеющее возраст более 10 000 лет. В условиях слабой технической вооруженности кремневыми и костяными орудиями это был, безусловно, выдающийся подвиг первопроходцев каменного века.

Познание и разумное использование в современной жизни этих и многих других культурных традиций имеет немаловажное значение для сбалансированного развития современного общества, внимательного отношения к самосознанию народов этнических групп, входящих в его состав. Вместе с тем нельзя забывать, что речь идет именно о культурном наследии, которое некоторые лица стараются использовать в интересах карьеры и политических спекуляций. Не секрет, что прошли громы против долгое время довлевшей над всем политизации. Но и сейчас некоторые группы практически развивают «политизацию наоборот», внося в сферу культуры да и науки ненаучные, чисто идеологические нарочитые установки. В результате происходит своего рода «новая» политизация, которая дает себя знать и в вопросах культурного наследия.

В сбалансированном движении по пути познания и использования культурного наследия безусловно огромна роль академической науки, представители которой призваны изучать это наследие во всех его проявлениях. Здесь наука выступает как бы в двойном статусе. С одной стороны, ее достижения, в частности созданные в рамках науки библиотечные и архивные собрания, являются интегральной частью культурного наследия весьма важной для интеллектуальной сферы. Огромное познавательное и воспитательное

значение этого наследия, особенно в такой его романтической форме как экспедиционная деятельность, хорошо видно на примере Санкт-Петербургского музея Арктики и Антарктики. Здесь сконцентрированы выдающиеся свидетельства творческих, а зачастую героических, усилий поколений исследователей, группирующихся вокруг организационных структур Ленинграда — С.-Петербурга. Вместе с тем именно академическая наука призвана разрабатывать широкий сектор проблем, связанный с вопросами культурного наследия. Разумеется, первым этапом является выявление и систематизация соответствующей информации с доведением ее через издательскую деятельность до широкой общественности. Не менее важны исследовательские разработки с выявлением общих закономерностей и специфических особенностей культурного наследия, взятого в его динамике. Это исключительно важно и для политики в области культуры, где неразумные действия зачастую порождают эффект отторжения.

В этом отношении Санкт-Петербург — Ленинград занимает особое положение как культурный, научный и интеллектуальный центр мирового ранга. В научной сфере исключительное значение имеют традиции большой академической науки императорского Петербурга, их реальными носителями являются сами научные учреждения, существующие не одну сотню лет — библиотеки, архивы, музейные собрания являются сокровищницей наследия России.

В этом отношении немаловажное значение имеют традиции и деятельность Института истории материальной культуры Российской Академии наук. В его деятельности реализуются обе ступени познания культурного наследия, взятого в его материализованной форме, выявление и систематизация информации и исследовательские разработки этого направления культурологии. Созданная в 1889 году указом Александра II Императорская археологическая комиссия проводила большую работу по учету и изучению памятников древности на всем пространстве Российской империи. Существующие материалы сконцентрированы в архивных собраниях, вошедших в состав Института после его создания в 1919 г. на базе Императорской археологической комиссии. Эти обширные собрания регулярно обновляются и пополняются. Особое внимание в последние годы Институт стал уделять изучению сущностных аспектов самого культурного наследия в его многочисленных проявлениях. Рассмотрению общих проблем культурного, в том числе археологического наследия была посвящена международная конференция, проводившаяся в 1993 г. в Тюмени. Для конкретизации общих наработок важное значение имела общероссийская конференция по церковной археологии, проведенная в 1995 г. в Пскове. При этом имелось в виду, что предмет исследования — материальные церковные ценности, а объект — различные явления истории и

культуры, нашедшие отражение в этих древностях. Рассматривалось несколько блоков вопросов: распространение христианства в Восточной Европе; христианство и древнерусская культура; памятники церковной археологии России. С практикой культурного строительства в форме создания и развития разного рода заповедников и заповедных зон связано направление «ландшафтная археология», по которому подготовлен и сдан в печать тематический сборник. В данном направлении вопросы культурного и природного наследия выступают в естественной взаимозависимости.

Планируя исследовательскую деятельность на будущее Институт придает приоритетное значение проблематике культурного наследия. При этом имеется в виду разработка программы «Культурное наследие Российской державы (пути формирования и перспективы интеграции в условиях многообразия культурных традиций и этнических структур)». Особое внимание при этом предполагается уделить методологическим разработкам и изучению путей и истоков культурогенеза.

Институт взял на себя основную полноту ответственности за изучение археологических объектов на территории Северо-Западного региона. Речь идет об исследовании древних городов, сельских поселений, могильников, ремесла, торговли, духовного наследия. Новыми направлениями в деятельности Института являются военная, церковная и подводная археология. Планируются и определенные научно-организационные мероприятия на основе принципов кооперации и координации.

Важным аспектом являются международные связи Института по теме «Интеграция культур стран Балтийского региона в древности и средневековье». Намечено проведение совместно с учеными Башкортостана конференции «Культурогенез евразийских степей в исторической перспективе». Совместно с Музеем антропологии и этнографии предполагается организовать международную конференцию «Культурное наследие народов Севера и циркумполярная археология». При разработке этих направлений естественно сочетаются чисто исследовательские ориентиры и практика культурного строительства. Эти вопросы выходят на геополитические рубежи, что весьма важно для развития научного пространства СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

Массон В. М. Археология и культурное наследие страны. // Археологические вести, № 5. СПб., 1997.

Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. СПб., 1993.

Церковная археология. Материалы первой Всероссийской конференции, часть I—III, СПб., 1995.

♦

**ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И КОНЦЕПЦИИ)**

В трудах выдающегося российского историка В. О. Ключевского воплотились лучшие достижения отечественной исторической мысли последней четверти XIX — XX вв. «Ключевский, — как заметил в свое время М. Н. Покровский, — наложил отпечаток на всю новейшую историографию, вы везде встретите осколки этого влияния. Имея ключ к шифру Ключевского, вы имеете ключ ко всей русской историографии...».¹ В. О. Ключевский, писала М. В. Нечкина, автор наиболее крупной монографии об историке, — «дал русской науке одну из самых ярких концепций исторического прошлого страны — противоречивую, недосказанную, но полную проблем».² В ее рамках историк создал целостную картину становления древнерусского города.³ Как отмечали некоторые исследователи, город в построениях В. О. Ключевского приобрел «системосозидающее значение».⁴ Историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения (колонизации новых территорий Восточной Европы), рассматривал их генезис, как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего, восточную. Древнейшие большие города на Руси, по мнению В. О. Ключевского, возникли в VIII в. Их географическое размещение показывает, что «они были созданием того торгового движения, которое с VIII в. пошло среди восточных Славян по речной линии Днепра — Волхова на юг и по ее ветвям на восток, к черноморским, азовским и каспийским рынкам. Большинство из них (Ладога, Новгород, Смоленск, Любеч, Киев) вытянулось цепью по этой линии, образовавшей операционный базис русской промышленности...». Эти города возникли, как сборные места торговли, пункты склада и отправления русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. Города окружаются укреплениями, в них сосредотачи-

вается военная сила общества, одна из основных целей которой была охрана торговых путей, сплачиваются тяготелющие к городам территории. «Вооруженный торговый город, — полагал В. О. Ключевский, — стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства».⁵ В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей в государственные территории, на торговых путях появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманны активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В. О. Ключевский называл «военно-торговой аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тягущей к нему областью получал характер варяжского владения.

Нельзя не признать за построениями В. О. Ключевского четкости и последовательности. Нельзя не увидеть, что городу в ранней русской истории отведено им особое и ключевое место. Историк ясно обозначил, в чем он видит основную «пружину» исторического развития, определявшую целый ряд иных факторов. Однако, как весьма точно заметил А. Е. Пресняков, сделав ряд критических оценок взглядов В. О. Ключевского, последний предложил «только схему». А. Е. Пресняков даже полагал, что историк «очевидно и сам придавал своему построению значение не исторической, а логической схемы», не пытаясь согласовать свои заключения с целым рядом конкретных исторических фактов, противоречащих ей и порой весьма серьезных.⁶ Тем не менее появление сформулированных взглядов В. О. Ключевского на историю города, получивших и литературе определение «торговой теории», момент этапный в развитии русской историографии происхождения городов.

В советский период построения В. О. Ключевского подверглись суровой и жесткой критике. Его упрекали в недооценке экономического развития Древней Руси, прежде всего развития земледелия и ремесла, и придании чрезмерной и всеопределяющей роли внешней торговле, что способствовало преувеличению роли норманнов в русской истории. Критически упомянуть взгляды В. О. Ключевского стало едва ли не правилом хорошего тона в соответствующей специальной литературе по истории Древней Руси, не говоря уже о различного рода учебных пособиях. Иной оказалась судьба построений В. О. Ключевского в трудах западных исследователей Древней Руси и русских историков-эмигрантов. В их лице выводы В. О. Ключевского нашли многочисленных и последовательных сторонников. Это произошло, как писал М. Карпович в 1943 г., «в значительной степени благодаря экономической интерпретации, благодаря подчеркиванию важности торговли и городских центров

для Киевской Руси, благодаря указанию на важность колонизации для более позднего времени...»⁷ (библиографию вопроса об изучении Древней Руси в западной историографии и критику построений В. О. Ключевского см. в работах В. П. Шушарина и А. Л. Хоршкевич).⁸

В советской историографии возобладали иные взгляды. Активное внедрение в историческую науку с конца 1920-х годов идей марксизма предполагало примат социально-экономической обусловленности всей эволюции общественных структур, а формационность и классовая борьба превратились во всеопределяющие и всеобуславливающие понятия. Утвердилась мысль о монистическом пути происхождения городов на всей территории Руси, как феодальных центров, возникавших в наиболее густонаселенных сельских районах и обязанных своим рождением сельским округам, где появлялась необходимость выполнять «для этих округов» определенные центральные и распределяющие функции. Лишь со временем возрастала ремесленная и торговая роль подобных центров. Вполне естественно, при таких построениях не оставалось места дальней торговле, прохождению военно-торговых путей, как решающему фактору возникновения ряда городов, иноземным влияниям (варягов, в частности), или же признавалось минимальное и вторичное значение этих факторов. У истоков данной концепции становления Древнерусского государства и его городов стояли С. В. Юшков, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и другие крупные историки и именно она была признана в советской науке единственно соответствующей теории марксизма, что неоднократно подчеркивалось особенно при критике работ западных исследователей. Именно подобные построения, при их некотором отличии между собой, и сейчас господствуют в отечественной историографии, как и в историографии Украины и Белоруссии.⁹

Тема влияния наследия В. О. Ключевского на развитие русской исторической и общественной мысли огромна и неисчерпаема. Ее историография насчитывает сотни серьезных исследований.¹⁰ В то же время актуальность концептуальных взглядов В. О. Ключевского на историю России достаточно убедительно подтверждается уже самим фактом многократных современных переизданий его трудов и работ историков близких ему либеральных взглядов. Я, естественно, не могу в своей заметке касаться всей проблемы оценки наследия В. О. Ключевского в целом, а лишь хочу обратить внимание на один из аспектов его исторических построений, связанный с пониманием природы древнейших русских городов. Это позволяют сделать материалы современной археологии.

При разработке своей общей концепции истории Древней Руси В. О. Ключевский опирался на данные письменных источников.

«Цеховая университетская наука, — как справедливо отметил М. И. Артамонов, — недоверчиво относилась к возможности расширения круга исторических источников путем привлечения вещественных остатков прошлого, так как археология, оставаясь сферой деятельности дилетантов, еще находилась на стадии первоначального накопления материала и не могла внести реального вклада в конкретную историю русского народа».¹¹

Коренной поворот к использованию данных археологии для исторических заключений, прежде всего, для оценки хозяйственной деятельности в Древней Руси, произошел лишь в 1930-е гг. и связан в первую очередь с именем Б. Д. Грекова.

Полноценные раскопки древнерусских городов во времена В. О. Ключевского вообще не проводились. Однако, начиная с 1930-х гг., особенно в послевоенное время, широкие исследования затронули многие древнейшие города Руси, поселения и погребальные памятники их округ. Трактовка накапливаемых археологических материалов шла в русле в первую очередь построений М. Н. Тихомирова в его выдержавшей два издания и переведенной на английский язык книге «Древнерусские города», где первопричиной возникновения городов называлось земледелие и формирование густонаселенных сельскохозяйственных районов.¹² Это прекрасно видно при объяснении В. И. Равдоникасом, Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым и другими исследователями материалов раскопок Ладоги — древнейшего городского центра на Севере Руси. А. Н. Кирпичников удачно назвал подобные взгляды «теорией о крестьянской Ладоге VIII—IX вв.».¹³

Однако постепенное накопление новых материалов, их сопоставление между собой и с материалами всего региона Балтики (территориями скандинавскими и западнославянскими) показали, что традиционная трактовка образования первых городов на Руси требует существенных корректив. Оказалось, что важнейшая роль в этом процессе в Северной Руси и некоторых более южных центрах, таких как Гнездово у Смоленска, принадлежала внешней торговле, а особую роль сыграл проходивший через эти районы торговый путь между Балтикой и Исламским Востоком, явившийся катализатором важнейших экономических и социальных трансформаций. С самого начала своего существования для Ладоги и Рюрикова городища (Новгорода) была характерна развитая ремесленная деятельность, торговля, судостроение, обслуживание водного пути. Торговые пути «с узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождавшихся городов составили каркас Новгородской земли, стали центрами распространения публичной власти государства. Не плотные сельскохозяйственные округа и не феодальные замки — усадьбы обусловили появление в Северной Руси первых городов, а дальняя торговля, активно втягивавшая

в экономические отношения сельское население и способствовавшая формированию местных рынков, ремесло, ориентированное на обслуживание путей и военно-дружинных слоев общества, а также свойственные подобным поселениям «центральные функции» управления. Возникновение Ладоги и Новгорода оказалось почти синхронным процессу появления их сельского окружения. Это позволяет поставить вопрос о значительной роли городских поселений в формировании их собственных округ, а не принимать «как аксиому» и трактовать прямолинейно ставший привычным тезис об обязательном рождении города обитателями сельских поселков, создававшими центральный пункт.¹⁴

Активную роль, начиная с середины VIII в., в самых различных сферах жизни древнерусского общества начинают играть выходцы из Скандинавии — варяги. Каждый новый сезон археологических раскопок приносит дополнительные факты, подтверждающие и конкретизирующие скупые свидетельства письменных источников о деятельности скандинавов на Руси. Древнейшие скандинавские находки концентрируются в пунктах на пути между Балтикой и Исламским Востоком — в Ладоге, на Рюриковом городище у оз. Ильмень, в Волго-Окском междуречье. Накопление нумизматических материалов, в том числе кладов восточных монет, позволили наметить основные направления движения серебра по рекам Восточной Европы. Сгустки кладов, как правило, фиксируют места расположения основных центров на водных путях и главных экономических районов. Появились поселения, хозяйство населения которых было целиком ориентировано на добычу пушнины для торговли и обмена с Востоком.

На Руси путь формирования первых городов на базе торговоремесленных поселений не являлся всеобщим и единственным (в этом плане надо отказаться от монистической схемы становления города).

Этот путь более характерен для Северной Руси, с ее глухими лесами, прорезанными ниточками водных дорог, с ее скудными почвами, редким и разбросанным населением. Тем не менее такой путь для ряда центров Северной Руси очевиден и в общем плане можно говорить о новой концепции возникновения первых городов на Руси.¹⁵ Во многом такие построения восходят не к заключениям Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия. В них нельзя не уловить некоторые идеи В. О. Ключевского. В. О. Ключевский в свое время дал только «схему» становления древнейших русских городов, только самый общий набросок исторической ситуации, как он ее понимал на основе лаконичных письменных сообщений. Историк далеко не во всем оказался прав, но тонкая исследовательская интуиция подсказала ему возможный вариант решения коренных во-

просов, который он и изложил в «Боярской думе» и знаменитом общем курсе русской истории. Эти подходы не вписались в каноны советской социологизированной науки. В рецензии 1958 г. М. Н. Тихомирова на выход первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского, которую М. В. Нечкина назвала самой «резкой» в отечественной историографии относительно оценки творчества историка,¹⁶ М. Н. Тихомиров утверждал, что ученики В. О. Ключевского «в своей практической работе давно уже порвали с основными положениями, выдвинутыми в его трудах».¹⁷

Однако современные археологические материалы находятся в русле основной концепции знаменитого историка относительно возникновения первых русских городов, характера колонизации лесной зоны Восточной Европы славянами и роли скандинавов в истории Руси. Конечно, следует говорить не о буквальном соответствии, а о преемственности основной мысли. Надо подчеркнуть, что речь ни в коей мере не идет и об искусственном притягивании построений В. О. Ключевского к объяснению археологического материала. Торгово-ремесленные центры, давшие основу городскому развитию, были открыты не только на территории Руси, но и в регионе Балтики, где археологи, писавшие о них и обсуждавшие их характер, уж никак не связывали свои наблюдения с именем русского историка начала века. В. А. Булкин и Г. С. Лебедев, впервые упомянувшие о торгово-ремесленном пути развития Гнездова — предшественника Смоленска, как одном из путей возникновения русского города, похоже и не задумывались, куда ведут их выводы. Во всяком случае упоминаний о В. О. Ключевском ни в данной их работе, ни в последующих исследованиях нет.¹⁸ Однако решительный критик подобных взглядов Д. А. Авдусин сразу прозорливо заметил, что эти «рассуждения» «перекликаются с давно разбитой теорией «торговых городов» В. О. Ключевского, в чем несомненно он и был прав.¹⁹

Еще раз подчеркну, что в вопросе становления древнейших русских городов, роли восточной торговли, месте скандинавов в структуре древнерусского общества, процессе колонизации, как характерной черте истории Древней Руси мы встречаем множество отголосков и соответствий взглядам великого русского историка в новейших археологических и нумизматических материалах. Мне же хотелось на небольшом примере подчеркнуть, как новые археологические данные вдруг неожиданно для многих современных исследователей подтвердили идеи отечественной историографии начала столетия и как они не вписались «в методологически правильные» концепции советской науки. Это наглядный пример того, что историческая мысль нации не может быть искусственно прервана, и она снова обратит на себя внимание, как только будут

сняты заданные идеологические установки или появятся новые факты.

¹ *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 343.

² *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 571.

³ *Ключевский В. О.* 1) Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 127, 128, 148—150; 2) Боярская Дума Древней Руси. М., 1994. С. 20—34 (Репринт с изд. 1902, 1892 гг.).

⁴ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города — государства Древней Руси. Л., 1988. С. 10.

⁵ *Ключевский В. О.* Боярская Дума... С. 23.

⁶ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории // Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 307—308.

⁷ *Karpovich M.* Klyuchevski and recent trends in Russian historiography // The Slavonic and East European Review. (American Series, II). Vol. 21, part I. P. 33.

⁸ *Шулягин В. П.* Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства // Критика буржуазных концепций России периода феодализма. М., 1962. С. 141—160; *Хорошкевич А. Л.* Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке // Там же. С. 115, 116 и др.

⁹ *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 59—66.

¹⁰ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. С. 7—52.

¹¹ *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 29—30.

¹² *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946; Изд. 2-е. М., 1956; *Tichkomirow M. N.* The towns of Ancient Rus. Moscow. 1959.

¹³ *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 5.

¹⁴ *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов... С. 66—76; *Nosov E. N.* The emergence and development of Russian towns: some outline ideas // *Archaeologia Polona*. Vol. 32. 1994. P. 185—196.

¹⁵ *Носов Е. Н.* Происхождение первых городов Северной Руси (к изучению проблемы) // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 5—10.

¹⁶ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. С. 47.

¹⁷ *Тихомиров М. Н.* К выходу первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 154.

¹⁸ *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.

¹⁹ *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 39—42.

◆
**ФИННО-УГРЫ И СЛАВЯНЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА
РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Обширные пространства лесной зоны Восточной Европы и сопредельных территорий с глубокой древности были заняты двумя этноязыковыми массивами — финно-уграми и балтами. Зона финно-угорского расселения в железном веке и раннем средневековье охватывала территорию от Юго-Восточной Прибалтики и Финляндии до Западной Сибири, от побережий Балтийского и Белого морей до верховьев рек Великой, Ловати, Западной Двины и Волги, включая также основную часть Волго-Окского междуречья. На этой территории в течение тысячелетий протекали сложные процессы этно- и культурогенеза, определившие в конечном итоге формирование современного народонаселения Северной Евразии.

Предполагается, что истоки дифференциации местных многочисленных и неоднородных по характеру этнокультурных групп восходят к эпохе каменного века и связаны с распадом древней общности, имевшей единый прафинно-угорский язык-основу.¹ По мнению большинства исследователей, исходной родиной прафинно-угров являлось Волго-Камье с прилегающими областями Среднего Приуралья. К далекому прошлому относится отделение восточных финно-угров, определившее генезис угорских народов. На основе западных прафинских племен произошло формирование прибалтийско-финских и поволжско-финских племен. От прафинской ветви имеют происхождение и прапермские группировки, послужившие основой сложения современных коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов.

В настоящее время значительная часть лесной полосы Восточной Европы, входившей в ареал финно-угорского этногенеза, занята преимущественно русским населением. К ним относятся Озерный край России (Ленинградская, Новгородская, Псковская обл.), Русский Север (Вологодская, Архангельская обл.), Верхнее Поволжье, Поочье и исторический великорусский Центр в между-

речь Оки и Волги (Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Рязанская и, частично, Тверская и Московская обл.). Сложение качественно новой этнической ситуации в этих областях являлось следствием многовекового процесса славянского освоения северных земель и этнокультурного взаимодействия пришельцев со старожилами края.² Исторические судьбы многих финно-угорских («чудских» по летописному определению) группировок оказались неразрывно связанными с формированием Древнерусского государства и дальнейшим расширением территории крупнейших севернорусских образований — Новгородской и Ростово-Суздальской земель. К таковым относятся, прежде всего, упоминаемые в летописных источниках следующие «иные языки»: воль и ижора, заселявшие северо-западные земли Великого Новгорода; приладожская чужь, обитавшая к юго-востоку от Ладожского озера; весь, проживавшая в полосе между Ладожским, Белым и Онежским озерами; слабо изученная чужь заволочская, селения которой были рассеяны на пространстве от Каргопольского края до левобережья Северной Двины; обширный конгломерат племен, известных под общим этнонимом «меря», который занимал Ярославско-Костромское Поволжье и Волго-Клязьминское междуречье; мурома, с центром расселения в нижнем течении Оки; мещера, локализуемая в Окско-Клязьминском междуречье. Из этого перечня лишь три средневековые группировки сохранили этническую самобытность, послужив основой формирования малых прибалтийско-финских народностей Северо-Западной России. Это вепсы (по последней переписи населения 1989 г. — 12,5 тыс. чел.), ижора (820 чел.), воль (точные сведения о ее численности отсутствуют, по разным данным к этой народности себя причисляют от 40 до 200 человек). Хотя малочисленность таких этносов во многом вызвана ассимиляционными процессами позднего времени, не вызывает сомнения их принадлежность к «сколкам» крупных племенных общностей, в значительной степени славянизированных уже в средневековую эпоху.

Вопрос о исторических судьбах чудских племен Древней Руси и их участии в формировании русской народности был поставлен еще на раннем этапе отечественной историографии. Длительное время обсуждение этой сложной темы базировалось на одном и том же весьма ограниченном фонде источников. Использование скудных летописных известий, освещающих преимущественно государственные и военно-политические события истории, нередко приводило исследователей к прямо противоположным оценкам славяно-финских связей. Лишь с накоплением археологических материалов и развитием смежных научных дисциплин — языкознания, топонимики, антропологии, этнографии и фольклористики — появились реальные предпосылки для реконструкции

межэтнических процессов в северных землях средневековой Руси.

В славянском освоении лесной зоны Восточной Европы ведущая роль принадлежала двум связанным между собой сторонам этого процесса — расширению государственной территории и массовой крестьянской колонизации новых земель. Политическое закрепление чудских племенных областей за Русью выражалось на раннем этапе в распространении даннических отношений на «инии языци» и включении некоторых из них на правах федератов в новую государственную систему. Таковы были отношения Руси IX — начала XI в. с чудью, весью и мерей, Новгорода XI — XV вв. — с водью, ижорой, корелой. Для упрочения власти в этих землях строились города, возникавшие как военно-дружинные опорные пункты, но быстро перераставшие в места сосредоточения ремесла и торговли, культурного и экономического обмена, в центры христианизации разноязычного населения. Отношения Руси с подвластными чудскими племенами, разумеется, не следует идеализировать. Имели место и военные столкновения, скупо отраженные в летописных известиях (например, нападение води на Новгород в 1069 г., избиение новгородских сборщиков дани на Печоре в 1193 г. и др.). Однако следует иметь в виду, что за этим, прежде всего, скрывается не противостояние этносов, а конфликты двух разных — государственной и племенной — структур общества. Для русских феодалов был в принципе не важен этнический «паспорт» подвластного населения. Так, по свидетельству летописи, объединитель Северной и Южной Руси в единую «державу Рюриковичей» князь Олег «устави дань словеном, кривичем и мерю»,³ не различая по племенному признаку финскую мерю и славянских кривичей или новгородских словен.

Иноязычные федераты принимали самое активное и непосредственное участие во многих политических событиях средневековой эпохи. Согласно летописному сказанию, меря, чудь и весь вместе с северными славянами призывают на княжение Рюрика (862 г.), воинские контингенты этих племен находятся в составе рати Олега во время его походов на Киев (882 г.) и Византию (911 г.). Князь Владимир Святославич в конце X в., при возведении системы южных укреплений на границе со степью, заселяет порубежные крепости «лучшими мужами» с севера, в том числе и из чуди. Постоянным союзником Новгорода в обороне его северо-западных владений в XII — XIV вв. выступают корела, ижора, водь как составная часть «всей волости новгородской».

Неизмеримо большее значение для изменения этнической ситуации на финском Севере имела массовая земледельческая колонизация, во многом носившая стихийный характер и одновременная или даже опережавшая по времени государственное закрепление

чудских областей. Начало славянского продвижения на Северо-Запад маркировано распространением здесь могильников и поселений VI — X вв., относящихся к культурам длинных курганов и сопок. Уже в материалах этих памятников прослеживается смешение пришельцев с аборигенами края.

С конца IX — X в. потоки крестьянских переселенцев в поисках удобных для земледелия районов продвигаются на Верхнюю Волгу и оседают на плодородных опольях мерянского Волго-Клязьминского междуречья. К XI — XIII вв. относится сложение сети славянских деревень в летописной области веси (Белозерский край) и освоение Костромского Поволжья. Тогда же массы нового населения направляются в земли води на западе совр. Ленинградской обл., а с XIV в. происходит их проникновение в занятый ижорой Невско-Ижорский бассейн. Начавшаяся еще в XI — XII вв. инфильтрация славянских крестьянских групп в районы приладожской чуди с XIII — XIV вв. приобретает масштабы массового переселения. К XIII — XIV вв. относится появление русских деревень в Мещерской области. На протяжении средневековой эпохи происходило медленное освоение земледельческими коллективами обширных пространств летописного Заволочья.

Следствием этого процесса являлось сложение чересполосной системы славяно-финского расселения. Последним и вызван феномен исчезновения с исторической арены ряда летописных «инь языщей». Одно из необходимых условий сохранения этносоциальной общности как единого целого — наличие связанной между собой родовыми отношениями племенной территории. Распространение на ней многочисленных поселков пришельцев неизбежно вело к разрушению былой замкнутости племенных групп. В некоторых районах этот процесс был ускорен прямым вмешательством в изменившуюся ситуацию государственной власти. Так, князь Ярослав Мудрый, усмирив в 1024 г. волнения в Ростово-Суздальском (мерянском) крае, вновь «устави ту землю». Однако, в отличие от «устава» 882 г. Олега, меря как автономное подразделение в составе русских владений здесь уже не фигурирует. Продолжавшие сохранять этническую самобытность финские коллективы вливались в состав разноязычного податного населения Северо-Восточной Руси — крестьян-смердов.

Отношения финноязычных народов с Русью затрагивали сферы общественно-политического и культурного синтеза, темпы которого зависели от уровня социально-экономического развития местных группировок, интенсивности освоения их территории славянами и времени включения в вассальную и политическую структуру государства.

Социально-политический синтез на раннем этапе преимущественно определялся данническими отношениями, уста-

новлением «ряда» с национальной знатью, нередко пополнявшей ряды новгородского и киевского боярства. Вместе с тем, втягивание северных племен в систему новых отношений оказало значительное воздействие на ускорение темпов их общественного развития. У ряда группировок фиксируется рост имущественных и социальных различий. Наблюдается постепенный переход к сельским территориальным общинам, создаются предпосылки для формирования средневековых народностей. Складывающиеся в местной среде классовые отношения примитивного, дофеодального, облика являлись условием их последующей интеграции со структурами феодальной Руси.

Экономический синтез первоначально определялся переориентацией «иних языщей» на внешние торгово-экономические связи, разрушавшие их былую хозяйственную замкнутость. Под древнерусским влиянием происходило совершенствование традиционных форм производственных орудий и замена их новыми типами. Устанавливается заимствование местными мастерами технологических схем и приемов городского ремесла. Важнейшим фактором экономического синтеза являлась славянская крестьянская колонизация, способствовавшая приобщению ряда финноязычных племен к развитой аграрной деятельности. В свою очередь традиционный уклад аборигенов, сложившийся в специфических условиях лесной зоны, наложил заметный отпечаток на особенности экономики пришельцев.

Культурный синтез. Региональное рассмотрение культурного взаимодействия свидетельствует о многообразии форм его появления и конкретного проявления на археологическом материале. Важнейшая сторона этого процесса, устанавливаемая еще на стадии существования чуждских племен Древней Руси, отражена в аккультурации — избирательном усвоении новых элементов материальной и духовной культуры. Смещение культурных традиций значительно усиливалось при сложении зон чересполосного славяно-финского расселения. В лесной зоне Восточной Европы распространяется общая «вуаль» древнерусской культуры, скрывающая региональные и племенные традиции. Развитие межобластного обмена и возникновение местных очагов производства чуждских изделий способствовали появлению еще одной новообразованной культурной «вуали» — финно-угорской по происхождению, но лишенной племенной нагрузки. В некоторых районах формируются своеобразные «областные» культуры, специфика которых заключается как в переплетении разноэтнических традиций, так и в сложении на их основе качественно новых элементов. В целом процесс культурогенеза на славяно-финском пограничье может быть охарактеризован как синтез трех основных компонентов — древнерусского, общепинно-угорского и локального финского, связанного с

местными традициями. При хронологическом сопоставлении этих слагаемых для большинства регионов Древней Руси устанавливается явное ослабление племенного компонента и доминирование в XII—XIII вв. славяно-русских элементов культуры. Нивелировка различий ускорялась христианизацией разноязычного населения, особенно ощутимой в округе городских центров Северной Руси. Составной частью межэтнического взаимодействия являлась физическая метисация контактирующих групп, документированная материалами палеоантропологии и свидетельствующая о значительном «удельном весе» чудского субстрата в северных группах древнерусского крестьянства.

Дезэтнологизация большинства финно-угорских группировок в районах массового славянского расселения развернулась в древнерусскую эпоху, однако на многих территориях этот процесс продолжался значительно позднее. К домонгольскому периоду относится глубокая славянизация чудских обитателей центральных и западных районов Новгородской земли, летописной мери в Волго-Клязьминском межуречье, веси в Белозерье, муромы в нижнем течении Оки, а также финно-угров Рязанского Поочья. Основная часть этого населения вошла в состав древнерусской народности. В землях води и ижоры, Приладожье, Юго-Западном Белозерье, Заволочье, Северном Заволжье и Мещерской стороне ассимиляционный процесс не был завершен, а на некоторых территориях только еще разворачивался в XIII—XIV вв. и последующие столетия. Это подразумевает вхождение определенного финно-угорского компонента на стадии сложения русской (великорусской) народности. Войдя в состав восточнославянской этнической общности, древние насельники финских земель оставили яркие следы в культуре и быте, диалектных особенностях и отчасти в физическом облике современного русского населения северо-западных и северо-восточных областей Европейской России.

¹ См., напр.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987. С. 5—7.

² Рябикин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997.

³ Повесть временных лет. Часть 1. М.: Л., 1950. С. 20.

⁴ Новгородская IV летопись. СПб., 1915. С. 112.

◆
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ДРЕВНЕЙ КОРЕЛЫ

Археологические памятники летописной корелы отразили наряду с процессом сложения «национальной» материальной культуры также и те ее особенные черты, которые определялись географическим положением Карельской земли и исторической ситуацией в регионе (рис. 1). Особенным здесь, выделяющим корелу из ряда других пограничных по отношению к Новгороду финских племен, является связь материальной культуры древних карел с западно-финским культурным кругом. Таким образом, корела в эпоху средневековья не только была наиболее северным из подчиненных Новгороду племен, но в то же время и носителем культуры, характерной для территории Финляндии, начиная с конца XII—XIII вв. более для Восточной Финляндии.

Отмеченные выше обстоятельства складывались на протяжении многих столетий и зависели от многих факторов. Начало было положено еще в I тысячелетии н. э., когда после распада Римской империи роль и значение северных, прилегающих к Балтийскому морю территорий в общеевропейской истории возросли, а их развитие приобретало все более самостоятельный характер, приводя к зарождению связанных между собой экономически и культурно, а впоследствии и политически областей. Применительно к рассматриваемому району Карельского перешейка и северо-западного Приладожья таковыми являлись Западная Финляндия, Эстония, Верхняя Волга и, в меньшей степени, Скандинавия. Население этих сложившихся еще в железном веке культурных областей в условиях возросшего спроса на пушнину нуждалось в бесперебойных и значительных по объемам поставках шкур ценных пород пушных зверей. Интенсификация пушной охоты на Севере, откуда, как хорошо было известно еще со времен античности, происходят самые ценные меха, привела к увеличению промысловых поездок в отдаленные районы из обозначенных выше более развитых областей. Археологически уловимым следствием этого стало появление

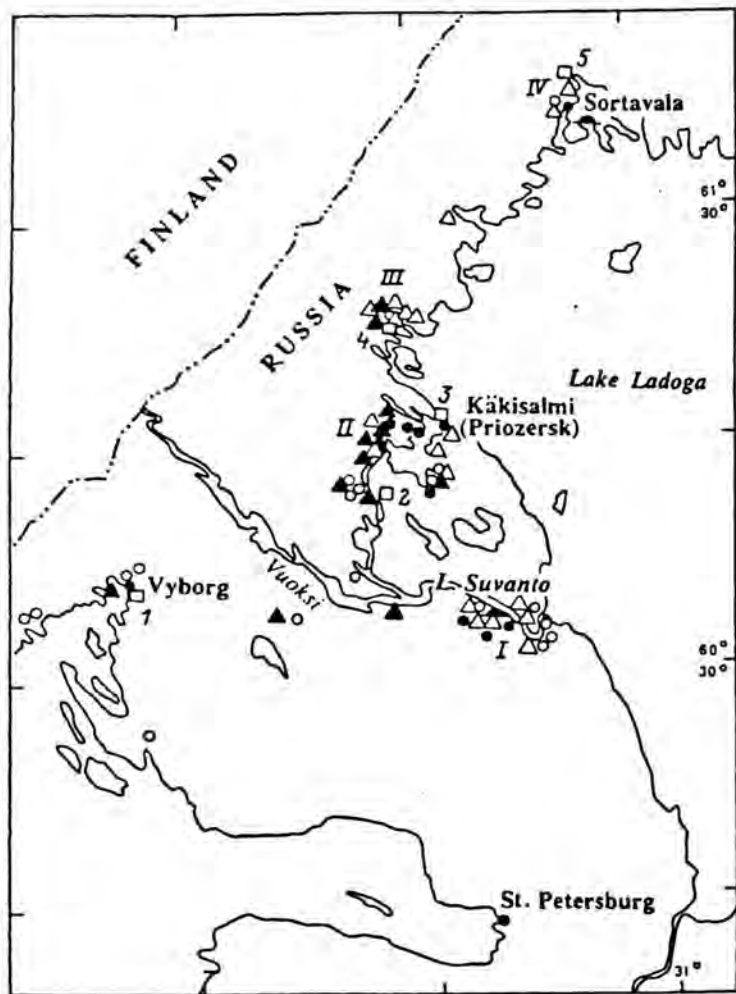

Рис. 1. Археологические памятники в приладожской Карелии
I—первой трети II тыс. н. э.

- — места находок вещей первой половины—третьей четверти I тыс.
- ▲ — погребения под каменной насыпью (Лапинлахти, Нукутталлахти)
- ▲ — могильники IX—первой половины X в.
- △ — могильники второй половины X—XI в.
- — могильники XII—XIV вв.
- — городища XII—XIV вв.: 1 — Выборг, 2 — Тиверский городок, 3 — Кякисалми-Корела, 4 — Хямеенлахти, 5 — Паасонвуори — район I — Лапинлахти, II — Райсяля, III — Куркиеки, IV — Сортавала

на обширной территории зоны таежной охоты предметов охотничьего снаряжения: наконечников копий, топоров, блоковидных каменных кресал, лыж и саней. На Карельском перешейке эти предметы составляют наиболее заметную и представительную группу находок первой половины—третьей четверти I тыс. н. э. Концентрируются они в зоне Вуоксы, что отражает роль ее как важнейшей транспортной магистрали, а самого перешейка как зоны непосредственной промысловой охоты.

В этой связи встает вопрос о наличии местного населения на этих землях и его культуре. В финской археологической литературе преобладающей стала точка зрения, согласно которой на Карельском перешейке проживало местное, археологически почти неуловимое население.¹ Российские ученые сходятся во мнении, в соответствии с которым карелы сформировались на основе местного прибалтийско-финского населения, признавая тем самым существование этого населения, но отмечая при этом скудость археологического материала I тыс. н. э.² Исследования последних лет принесли новые данные о раннем периоде железного века этой территории, позволившие в новом свете интерпретировать также и уже имеющиеся материалы.³ Наиболее полно относящиеся к этому периоду памятники и отдельные находки, как и связанная с их интерпретацией дискуссия представлены в диссертации П. Уйно.⁴ В настоящее время можно с высокой степенью определенности утверждать, что на Карельском перешейке преемственность в заселении не прерывалась в раннем железном веке; население лишь продолжало жить в условиях, близких к каменному веку, используя орудия из камня. Переход к новой эпохе улавливается лишь в керамическом материале. О необходимости передатировки некоторых ранее относимых к каменному веку памятников говорят их высотные отметки над уровнем моря, по которым они никак не могли возникнуть ранее эпохи бронзы. Таким образом, в приладожской Карелии в первой половине—середине I тыс. н. э. существовали параллельно две культуры: культура местного населения, продолжавшая традиции предшествующего времени, и культура пришлых промысловых охотников, представленная орудиями охоты из металла, каменными блоковидными кресалами и средствами передвижения по тайге. В целом же население этой части Приладожья существенно не отличалось по уровню своего развития от населения обширных таежных районов, расположенных на север, восток и юг от Ладожского озера. Ближайшие районы, население которых культивировало производящие формы хозяйства и обладало развитым ремесленным производством, находились в упоминавшихся выше Финляндии, Эстонии и верхнем течении Волги, где найденные в приладожской Карелии вещи имеют прямые аналоги.

Проведенные в 1990-е годы совместно с финскими учеными палеоэкологические исследования на Карельском перешейке и северо-западном Приладожье привнесли в действительно скудную базу данных о ситуации на этой территории в предшествующее появлению постоянного населения железного века время новые материалы по земледельческому освоению территории. Выясняется, что первые опыты возделывания зерновых культур здесь приходятся на римский железный век (о-в Кильпола).⁵ В образцах, взятых в районе пос. Куркиеки (Кууппала) и г. Сортавалы (о-в Риеккала), пыльца культурных растений впервые фиксируется соответственно около 400 г. и 600 г. н. э.⁶ Во всех этих случаях речь идет все же о кратковременных, эпизодических занятиях земледелием. Постоянным фактором экономики оно становится лишь начиная с конца железного века. Эти первые фиксируемые в зонах распространения находок железного века следы возделывания земледельческих культур возможно связать с деятельностью совершающих продолжительные сезонные поездки охотников, отнеся их, таким образом, ко «второй» культуре, центры которой располагались за пределами этой зоны.

На Карельском перешейке на южном берегу оз. Суходольского в дер. Лапилахти (ныне Ольховка) обнаружено одно из наиболее древних погребений железного века. Датируется оно временем около 800 г.⁷ Погребение, содержавшее большое количество предметов вооружения, орудий труда и украшений, имеющих аналогии в Западной Финляндии, как и сама форма могилы (каменно-земляная насыпь), дало основание финским археологам утверждать, что в основе населения и культуры Карелии железного века лежит культура западнофинских переселенцев, волна которых достигла побережья Ладоги из центральнофинского района Хяме к концу эпохи меровингов—началу эпохи викингов. Однако детальный анализ материала дает основания утверждать, что ближайшие аналогии вещам находятся в памятниках Юго-Западной Финляндии и, следовательно, путь их поступления вероятнее всего был морской, через Финский залив.⁸ Нам представляется, что это погребение фиксирует начало зарождения к концу эпохи меровингов поселенческих центров, обозначая совершенно новую ситуацию, при которой определяющим фактором становится внутреннее развитие в рамках территорий, на которых по каким-то причинам складывается постоянное население. Помимо Лапилахти, к таким центрам концентрации населения следует отнести Ряйсяля (Мельниково), Ховинсаари (п-ов Большой на оз. Вуокса), Кякисалми (Приозерск) и, в соответствии с новыми находками, также Суотниemi (Яркое), в которых были сделаны находки вещей эпохи меровингов.

Это развитие с наступлением эпохи викингов приобрело новые черты. Могильники и места отдельных находок вещей первой половины эпохи викингов (IX—первая полов. X в.) не связаны, как правило, с зарождающимися поселенческими центрами; они происходят из мест, где на это время не фиксируются следы постоянного населения. Могильники этого времени — это одиночные воинские погребения, совершенные по господствующему в это время в Финляндии (земле суми русских летописей) обряду (трупосожжение на каменной вымостке). Однако и эти захоронения отличаются от памятников аналогичного типа центральных районов Финляндии. Они характеризуются отчетливым «викингским» обликом и «интернациональным» набором предметов вооружения и украшений. Карелия, таким образом, становится частью «Ладожского мира» эпохи викингов. Западнофинские «переселенцы», оставившие эти захоронения, могут рассматриваться в свете этого не как представители колонизационного потока на восток из Западной Финляндии через центральные районы страны, а как отряды, подобные отрядам викингов, взявшие под контроль водные пути и пушные ресурсы Карельского перешейка. В условиях, когда осевшие в Старой Ладоге славяне и скандинавы были более заинтересованы в контроле и использовании ведущих на восток путей, западные финны взяли под контроль местные карельские и финские рынки, «привязав» их к «схеме» ладожской международной торговли. Роль и деятельность западных финнов в первой половине эпохи викингов на этой территории сопоставима с деятельностью и ролью скандинавов в Восточной Европе. Карта распространения погребений и отдельных находок этого времени хорошо ложится на Вуоксу, что указывает, по всей видимости, на военно-торговое использование этой водной системы уже в начале эпохи викингов.

С XI в. начинается новый этап в развитии карельского общества. Могильники этого времени содержат значительно большее количество захоронений, они принадлежат уже местным общинам, хотя и остаются по обряду и инвентарю западнофинскими по форме. В сущности, конец эпохи викингов в приладожской Карелии знаменует наступление новой эпохи; появление с XI в. новых могильников, увеличение количества погребений на них, продолжительность использования, равно как и резкое возрастание количества отдельно найденных вещей — это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что население Карелии пошло по пути развития к той социально-экономической модели, для которой характерны высоко развитые сельское хозяйство, ремесло и торговля, что предполагает формирование устойчивых поселенческих центров. Часть этих центров концентрации населения демонстрирует возможность существования местного развития в этом направлении начиная с эпохи

меровингов. Это Саккола Лапинлахти (Ольховка), Ряйсяля (Мельниково), Суотниemi (Яркое) и Кякисалми — Корела — Приозерск. К возникшим на рубеже эпохи викингов (IX—XI вв.) и эпохи крестовых походов (1050—1300 гг.) могильникам следует отнести Метспиртти Коукунниemi (в окрестностях пос. Запорожское), Лапинлахти Наскалинмяхи и Хеннионмяки (Ольховка), Куркиеки Кууппала, Сортавала Хелюля.

Начало второго тысячелетия — это не только начало формирования структуры местного земледельческого населения в приладожской Карелии, но и время активного выпадения кладов, свидетельствующих об интенсивной торговой деятельности в XI в. Эти клады найдены в Рауту (Сосново) и окрестностях, Хейнйоки (Вешеве), Куркиеках (Кууппала), Кякисалми (Приозерск), а также в окрестностях Выборга. В состав кладов входят как куфические, так и западноевропейские монеты. Подавляющее количество монет из клада в Хейнйоки чеканено в области Фризия, что служит основанием для утверждения наличия прямых связей между Карелией и Фризией.¹⁰ Неслучайно, что к этому времени относятся и упоминания карел в письменных (скандинавских) источниках. К XI веку Карелия уже стала существенной частью системы европейской торговли, представляя собой как бы одну из вершин треугольника Западная Европа (Готланд и северо-германские земли)—Новгород—Карелия, с находящимися за ней богатыми пушниной районами. Характерно, что состав подавляющего числа монетных кладов указывает на то, что Карелия входила в древнерусскую систему денежного обращения.¹¹ Серебро в Карелию поступало следовательно (и в обмен на пушнину), через Новгород и Старук Ладогу.

Процесс внутренней организации древнекарельского общества продолжается в XII в., достигнув своего расцвета к XIII—XIV вв. Археологический материал этого периода свидетельствует, что Карелия (летописная Корельская земля) в это время состояла из нескольких поселенческих центров, тяготеющих к нижнему течению Вуоксы и северо-западному Приладожью с их плодородными суглинистыми почвами. К XIII веку складывается четкая система расселения, включавшая небольшие, преимущественно однодворные деревни и примыкавшие к ним могильники, а также общие культовые центры для «куста» деревень — ядра формирующейся системы погостов, известных из текста Ореховского мирного договора со Швецией 1323 г.

В основе расцвета к XIII в. карельской культуры, археологически уловимым проявлением которой являются так называемые карельские могильники с богатым набором вещей (рис. 2), а также поселения и культовые памятники, были уже изначально существовавшие в силу географического расположения Корельской земли

Рис. 2. Украшения, характерные для карельского средневекового женского костюма. 1, 3 — овално-выпуклые фибулы, 2 — нагрудная фибула-брошь, 4, 5 — пронизки, 6 — плоская подковообразная карельская фибула, 7, 8 — цепедержатели, 9 — копоушка, 10 — сюкерё — головное украшение, 11 — нож в ножнах.

факторы, которыми древние карелы смогли с пользой для себя воспользоваться. Таковыми являются удобные водные пути и прямой выход на богатые пушниной районы Севера, торговля мехами и ценными породами рыб, а также пригодные для занятия земледелием почвы. Последний фактор в рассматриваемое время становится ведущим, консолидирующим население и влиявшим на резкое увеличение его численности. В это же время в ключевых пунктах Вуоксинской системы создаются укрепленные городки: Кякисалми, Тиверский городок, Выборг, после чего Вуокса становится внутренней карельской артерией, объединяющей уже сло-

жившиеся центры концентрации населения. Вуокса, таким образом, играла на всех этапах древней истории Карелии определяющую развитие роль; отчетливо прослеживаются «пушной» или промысловый, «торгово-военный» и, наконец, ведущей становится ее роль как объединяющей карельские земли артерии, берега которой состоят из плодородных, пригодных для интенсивного земледелия почв. Но в этой системе была и слабая сторона, учитывая ситуацию на это время в регионе, а именно, тот, кто завладел городками на Вуоксе, становится обладателем всей Карелии. Это хорошо понимали шведы, захватившие в 1293 г. карельское укрепление в Выборге, а на следующий уже год предпринявшие попытку, на короткое время удавшуюся, утвердиться в нижнем течении Вуоксы, овладев крепостью Кякисалми (с конца XIII в.—начала XIV в. новгородская Корела).¹² Новгород не мог этого допустить, поскольку захват шведами западной части Карелии нарушал стратегическое равновесие в регионе, утвердившееся в результате Невской битвы 1240 г. и последующих столкновений со шведами. Угроза была слишком ощутимой и наступление шведов в Карелии, а также на Неве (1300 г.) было остановлено. Военная активность первой четверти XIV в. в Карелии и на Ладоге не принесла ощутимых результатов ни одной из сторон, остановившихся на рубеже, изменить который было им не по силам. Выход был найден подписанием мира в незадолго до этого построенной в устье Невы новгородской крепости Орешек. Карелия была разделена на две части: три западных карельских погоста Саволак, Яскис и Эвреп отошли к Швеции. Остальная часть, включавшая в себя экономически развитые земледельческие районы Карельского перешейка (нижнее течение Вуоксы и северо-западное Приладожье), так называемая «Передняя Карелия», а также «Задняя Карелия» — обширные малонаселенные, но богатые пушиной районы на север от Ладожского озера вплоть до современной Северной Финляндии и Кольского полуострова, осталась за Новгородом. Развитие в Карелии отныне зависело от обеих по-прежнему соперничающих сторон. Новгородская Карелия стала частью общероссийского рынка, и городская культура Корелы все более сближается с культурой северо-русских городов. Однако собственные возможности карел, особенно в области международной торговли, еще долго сохраняли достигнутые в эпоху расцвета Карелии (XII—XIV вв.) позиции. Немалую роль в этом играла заинтересованность Новгорода в экономическом расцвете своей северной «волости», активно отстаивающего интересы карел в переговорах со Швецией и Норвегией, что наиболее наглядно прослеживается в тексте Ореховского мирного договора 1323 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur. Acta Archaeologica. Vol. XV. København, 1944. S. 25—28; Suomen esihistoria. Suomen historia I. Porvoo, 1961. S. 260—261; *Хуурпе М.* Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века. Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 138—142.

² *Панкрусиев Г. А.* Происхождение карел: (По археологическим данным). Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. С. 148—159; *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 14—17; *Косменко М. Г., Кочкуркина С. И.* Вопросы истории населения древней Карелии. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 380—381.

³ *Saksa A. I.* Karelia and the West Finnish cultural area in the Late Iron Age. Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 96—105; *Сакса А. И.* Древняя Карелия в IX—XIII веках. Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1997. С. 95—96.

⁴ *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997; *Кочкуркина С. И.* 1) Археологические памятники Корелы. V—XV вв. Л., 1981; 2) Древняя Корела. С. 14—36.

⁵ *Taavitsainen J.-P., Itkonen L., Saksa A.* On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga. Fennoscandia archaeologica XI. Helsinki, 1994. S. 37—38.

⁶ *Сакса А. И., Симола Х., Грёнлунд Е.* Палеоэкологические и археологические исследования на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии. В печати.

⁷ *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники..., с. 15; *Uino P.* Ancient..., p. 51—52.

⁸ *Saksa A. I.* On the factors influencing the formation and development of Karelian culture between the eleventh centuries. Fenno-ugri et Slavi. Helsinki, 1994. S. 98—104; *Сакса А. И.* Древняя Карелия..., с. 95—96.

⁹ *Сакса А. И.* Город Корела — центр приладожской Карелии (по археологическим данным). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Санкт-Петербург, 1997. С. 179—185.

¹⁰ *Talvio T.* Entisen Suomen Karjalan esihistorialliset rahalöydöt. Suomen Museo 86. Helsinki, 1979. S. 5—20.

¹¹ *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.

¹² *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы (Корельский город XIV в.). Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52—74; *Сакса А. И.* Город Корела..., с. 184—185.

**КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ИЖОР В 30—50 гг. XX в. —
ПАРАЛЛЕЛИ В РУССКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ**

Ленинградская область — территория, находящаяся в непосредственной близости от Санкт-Петербурга — крупнейшего промышленного, культурного и научного центра России. Ленинградская область прежде всего известна жителям нашего города как зона дач. Тем не менее это крайне интересная территория в культурно-историческом смысле. Это зона давних контактов между русскими и прибалтийско-финскими народами. Проблемы контактов между славянами и финно-уграми в раннее средневековье давно и многогранно исследуются археологами. В то же время Ленинградская область очень интересна как объект этнографического изучения. Основное население ее — русские, но здесь и по сей день проживают народы прибалтийско-финской группы: воть (их осталось совсем немного); ижоры, финны, вепсы, карелы, эстонцы.

Несмотря на близость к научному центру Ленинградская область далеко недостаточно изучена в этнографическом отношении. Прибалтийско-финским народам этой территории уделялось достаточно внимания в рамках отечественного финно-угроведения, начиная с XIX в. и кончая 30-ми гг. XX в. (1), но нельзя сказать, что многие вопросы были изучены в достаточной мере. По политическим причинам эти исследования были прерваны в 30-е гг. XX в., и только в 70-х этнографическая наука вновь обратилась к этим проблемам. Значительное оживление данной проблематики практически началось с 90-х гг. XX в., когда в Российском Этнографическом музее (Санкт-Петербург) стали регулярно проводиться финно-угорские чтения (2).

В то же время практически из поля зрения исследователей выпало основное население этой территории — русские. Можно сказать, что только в 80-е гг. XX в. начались исследования уже собственно русского населения Ленинградской области: было предпринято планомерное полевое обследование жилищ русских и прибалтийско-финских народов этой территории (3).

В настоящей работе речь пойдет об ижоре. Ижоры в основном живут в Книгисеппском и Ломоносовском районах Ленинградской области, особенно плотно на территории Кургаловского и Соикинского полуострова и в деревнях вокруг реки Коваши. Помимо земледелия традиционным занятием было рыболовство, что совершенно не случайно, ведь их деревни были расположены на побережье Финского залива.

Ижоры — давние насельники этой территории, имевшие длительные этнокультурные контакты с русским населением. Ижоры, как и русские, православные, в отличие от финнов Ленинградской области — лютеран по вероисповеданию. Все это способствовало взаимному культурному сближению русских и ижор.

В то же время ижоры — маленький народ, который имеет свою специфичную культуру. Возникает вполне закономерный вопрос — насколько, в какой степени, как и в каких явлениях культура многочисленного народа — русских — повлияла на культуру ижор. Ответ на этот вопрос могут дать только сравнительные исследования по ижорской и русской народной культуре.

Результаты планомерного полевого обследования жилищ русских и прибалтийско-финских народов Ленинградской области, проведенные в 80-х гг. XX в., показали сильные взаимные влияния в отношении жилищ этих народов. Уже в начале XX в. у русских води, ижор, финнов, проживающих в западных районах Ленинградской области, был распространен западнорусский комплекс жилища, а у русских, вепсов, карел, проживающих в восточных районах Ленинградской области, бытовал севернорусский комплекс жилища. Граница между ареалами распространения этих комплексов проходит по Волховскому району. В данном случае мы должны говорить об этих комплексах построек не как об этнических (национальных), а как о региональных, т. е. характерных для ряда народов, проживающих на этой территории (4).

Возникает следующий вопрос — насколько другие явления культуры — земледелие, животноводство, рыболовство, одежда, пища, утварь имеют общие черты у русских и прибалтийско-финских народов Ленинградской области. Необходимо отметить, что явления материальной культуры — хозяйство, жилище, одежда, пища — значительно легче поддаются взаимным влияниям у народов, живущих по соседству, чем явления духовной культуры, которые в этом смысле слова являются менее «проницаемыми». В связи с этим особенно интересно проследить, насколько глубоки взаимовлияния в духовной культуре народов Ленинградской области: семейной и календарной обрядности, верованиях и т. д. В настоящей работе рассматриваются параллели в календарной обрядности ижор и русских.

Источниками для настоящей работы послужили полевые материалы автора (5), собранные им во время работы в финской архитектурной экспедиции по изучению народного зодчества Ингерманландии (сроки работ — 03.08. — 17.08., 1996 г.; район работ — Сойкинский полуостров — Кингисеппский район Ленинградской области, народ — ижоры; начальник экспедиции — Маркку Маттила).

Основными обязанностями автора настоящей статьи во время работы экспедиции было обеспечение контактов с местным населением для натурного обследования ижорского народного зодчества финскими архитекторами. В свободное время автор предпринял попытку сбора материала по ижорской народной культуре и при этом ставил задачу как можно большего охвата тем. Удалось собрать сведения с той или иной степенью полноты по следующим темам: земледелие, рыболовство, жилище, одежда, пища, семейная и календарная обрядность, верования, события во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Собранные материалы датируются 30—50-ми гг. XX в. В настоящей работе автор в суммированном виде излагает собранные им материалы по календарной обрядности ижор в деревнях Горки, Логи, Пятчино (6) с их кратким анализом, причем в целях объективности материалы и выводы по ним даются раздельно.

При сборе материала по календарной обрядности у ижор автор отталкивался от русской календарной обрядности, при этом фиксировались как положительные ответы (это у ижор было в такой форме), так и отрицательные (этого не было). Автором осознается недостаточная полнота такой методики: в данном случае могли ускользнуть от внимания многие сугубо ижорские аспекты культуры, не имеющие аналогии в русской. Такая методика была обусловлена тем, что автор во время полевой работы использовал тот потенциал знаний, которым он владел. В силу этого, собранные материалы не закрывают темы, и было бы желательно, чтобы они были дополнены полевыми сборами того исследователя, кто глубже знает ижорские реалии. В то же время русские параллели во время сбора полевого материала выявлены довольно четко. Собранные материалы довольно краткие, но это то, что удалось собрать по календарной обрядности ижор в 30—50-е гг. XX в. В данной работе анализ календарной обрядности ижор проведен только на материалах настоящей экспедиции и не претендует на окончательность выводов.

Материалы по календарной обрядности ижор (суммарное изложение).

Ижоры — православные по вероисповеданию, в связи с этим в датах их календарных праздников нет расхождения с датами русских календарных праздников, в отличие от ингерманландских

финнов, лютеран по вероисповеданию, чьи календарные даты сдвинуты на 13 дней вперед по сравнению с русскими календарными датами. В настоящей работе все даты календарных праздников приведены по старому стилю, в скобках дается новый стиль. Материал в скобках /..../, помеченный буквой «П» — обозначает сведения, собранные в деревне Пятчино, где, по мнению автора, наблюдается более сильное влияние русской культуры.

Святки. 24 декабря (7 января) — 6 января (19 января).

Рождество. 24 декабря (7 января). На Рождество не колядовали, просто праздновали. Ходили друг к другу в гости. Иногда рядились во всякие маски. /Ряженые ходили по домам, их угощали. Говорили: «Идут ряженые» — П/. Гадали: девушки клали под подушку зеркало, яичные скорлупки — кто приснится, за того и замуж идти. Бросали башмаки — в какую сторону носок укажет, туда и замуж идти. Также гадали на кольцо. В канун Рождества праздничный стол не делали, его готовили утром на следующий день. В Новый год — 1 января (14 января) — всю ночь гуляли. Подарки дарили. На Крещение — 6 января (19 января) в проруби не купались. В 12 часов дня делали из лучины крестики, бросали их в колодец. Приносили из церкви крещенскую воду.

Масленица (переходящий праздник — 8-я неделя перед Пасхой).

На масленицу катались на лошадях и на санках с гор. Блины пекли. Мужчины играли в лапту. К теще на блины не ходили. Не дрались. Молодожены в центре внимания не были. Чучело масленицы в /одних местах жгли — П/, в других не жгли.

Егорий день. 23 апреля (6 мая).

На Егорий день собирались, гуляли, провожали стадо. Скот выгоняли на пастбище. Выгоняли вербой, освященной в Вербное воскресенье (за неделю до Пасхи). /Мальчики ходили по домам с вербочкой. Говорили: «Верба бела — бьет за дело, верба — хлест — бьет до слез, верба красна — бьет напрасно» — П/.

Пасха (переходящий праздник).

На Пасху красили яйца. Яйца выигрывали друг у друга: их катали и били друг о друга. Говорили: «На Пасху солнце играет». В лапту играли. Чистый четверг особо не отмечали. /Запрещали детям шалить в Чистый четверг — П/.

Троица (переходящий праздник — через семь недель после Пасхи).

На Троицу ветки зеленые в окна вставляли. Приносили березки и вкапывали перед домом. Женщины и девушки ходили в лес на Троицу. Жгли костры, гуляли. Яичницу не делали. Семик — четверг перед Троицей — не отмечали. Березку в лесу не завивали и не развивали. В троицкую пятницу и субботу, а также в Духов

день (понедельник после Троицы) ходили на кладбище. /На Троицу гадали — П/.

Иванов день. 24 июня (7 июля).

На Иванов день ходили в баню. Гадали следующим образом. Бросали после бани банные веники с цветами Иван да Марья на крышу бани: если веник упадет комлем вверх — будешь жить, если комлем вниз — то умрешь. Собирали в поле цветы. Костры жгли. Молодежь всю ночь гуляла. Травы не собирали. В одних местах молодежь не купалась. /В других местах молодежь купалась в озере: парни и девушки отдельно — П/. /Молодежь в этот день проказила — П/.

Петров день. 29 июня (12 июля). На Петров день ходили друг к другу в гости.

Ильин день. 20 июля (6 августа). Просто праздник.

Воздвижение. 14 сентября (27 сентября). Постились.

Покров 1 октября (14 октября). На Покров в хлев скотину ставили. Свадьбы играли.

Михайлов день. 8 ноября (21 ноября). Просто отмечали.

Ижорские названия праздников.

Uus vuus — Новый год; Liuka päiva — масленица; Pasiasen päiva — масленица; Janin päiva — Иванов день; Petron päiva — Петров день.

Теперь на имеющемся материале по календарной обрядности ижор попытаемся выявить совпадения и несовпадения с русской календарной обрядностью. Последняя взята в целом по России из-за отсутствия фактических данных по календарной обрядности русских Ленинградской области (7).

Святки. На святки основной набор обрядов у русских был следующий: обрядовые действия по обеспечению будущего урожая, колядования, ряжение, гадание, праздничные столы на Рождество и Новый год, крестный ход на реку и, иногда, купание в проруби на Крещение. У ижор мы наблюдаем гадание, ряжение и бросание в колодцы крестиков на Крещение.

Масленица. На масленицу основной набор обрядов у русских был следующий: обилие еды (обязательно блины), катание на санках с гор и на лошадях, хождение к теще на блины, чествование молодоженов, драки, проводы масленицы (сжигание чучела), прощальное воскресенье. У ижор мы наблюдаем обилие еды (также блины), катание на санках с гор и на лошадях, игру в лапту. Чучело масленицы сжигали только в деревне Пятчино.

Егорий день. На Егорий день основной набор обрядовых действий у русских был следующий: выгон скотины на поле освященной в чистый четверг вербой, обход стада пастухами, хождение всей семьей в поле смотреть всходы. У ижор мы наблюдаем

выгон скота освященной вербой, провожание стада и хождение мальчишек по домам с вербочкой (деревня Пятчино).

Пасха. На Пасху у русских был следующий набор основных обрядов: обрядовая еда — крашеные яйца, куличи, игра на крашеные яйца, пасхальные молебны с оброшниками, чествование поженившихся пар — «вьюношник», поверья о чрезвычайной активности нечистой силы. Большое значение имел «чистый четверг» — четверг перед Пасхой. У ижор мы наблюдаем игры на крашеные яйца, игры в лапту. Детям не разрешали шалить в чистый четверг (деревня Пятчино).

Троица. На Троицу у русских были следующие основные обряды: украшение окон домов зелеными ветками, вкапывание срубленной березки перед домом, в семик — четверг перед Пасхой — девушки и женщины кумились, ходили в лес «завивать березку», а на Троицу ходили «березку развивать» — обрядовой едой при этом была яичница, гадание на Троицу, обряды «вождения русалки» и «проводы русалки». У ижор мы наблюдаем украшение окон домов зелеными ветками, вкапывание березки, хождение женщин и девушек в лес на Троицу. Гадали на Троицу в деревне Пятчино.

Иванов день. На Ивана купалу у русских были следующие обряды: сбор трав, жжение костров, гуляние молодежи, купание в реках и озерах. У ижор мы наблюдаем собиране цветов, жжение костров, гуляние молодежи, мытье в бане, гадание посредством бросания веника на крышу бани. У русских аналогичное гадание зафиксировано на день раньше, на Аграфену купальницу — 23 июня (6 июля) (8). Проказы молодежи и купание было в деревне Пятчино.

Петров день. У русских на Петров день были молодежные гуляния с проказами и обряд — «караулить солнце». У ижор по собранным данным просто ходили в гости.

Покров. На Покров у русских загоняли скотину в хлев и после Покрова играли свадьбы. Аналогичные действия мы наблюдаем у ижор.

Итак, при сравнении ижорской календарной обрядности с русской можно сказать следующее: многие обряды у ижор аналогичны русским, но как бы в сокращенном виде. Многие календарных обрядов, характерных для русских, у ижор просто нет. Однако, к этим выводам необходимо сделать три поправки: 1) Материалы по календарной обрядности ижор сравниваются с материалами по календарной обрядности русских в целом, а не с материалами по календарной обрядности русских Ленинградской области, которыми мы в настоящее время еще не располагаем. В связи с этим данное сопоставление может давать не вполне точную картину; 2) Собранный материал у ижор датируется 30—50-ми гг.

XX в., а сравниваемый с ним русский материал относится к концу XIX—началу XX вв. Вполне возможно, что ижорский материал более поздний, в связи с этим более редуцированный; 3) Кроме этого, не исключено, что автору не удалось зафиксировать сугубо ижорские черты в календарной обрядности. В целом же можно сделать вывод о довольно значительном влиянии русской календарной обрядности на ижорскую.

Несмотря на все недостатки собранного материала, на взгляд автора, он все-таки дает определенную картину календарной обрядности ижор в 30—50 гг. XX в. Проведенное сопоставление с русским материалом является, безусловно, первичным, соответственно представленные заключения не являются окончательными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Финно-угорский сборник. Л., 1928. (Тр. КИПС; № 15); Западнофинский сборник. Л., 1930. (Тр. КИПС; № 16). *Терюков А. И.* Финно-угорская этнография в Петербурге—Ленинграде (XIX—30-е гг. XX вв.). // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 7—14.

² Результаты чтений по финно-угроведению, проводимые Российским Этнографическим музеем, огиались в следующих сборниках: Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л., 1992; Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992; Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994; Из истории С.-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997.

³ Экспедиции сотрудника МАЭ РАН Ушакова В. Н. в 1980—1985 гг. по обследованию жилищ русского и прибалтийско-финского населения Ленинградской области. Архив МАЭ РАН, К-1, оп. 2, №№ 1197—1204, 1233—1237, 1410, 1412—1413; 1455—1456, 1459—1460 (1255 листов полевых записей); неготетка МАЭ РАН, фотоколлекции: И-1996, И-2069, И-2080 (около 4000 кадров).

⁴ *Ушаков И. В.* Жилище русских крестьян Петербургской губернии конца XIX—начала XX вв. // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 140—157; *Ушаков И. В.* Традиционное жилище финноязычных народов Ленинградской области начала XX в. // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 52; *Ушаков И. В.* Жилище русских, води, ижор, финнов С.-Петербургской губернии начала XX в.; *Ушаков И. В.* Жилище С.-Петербургской губернии начала XX в. (типы дома и двора). // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 7—31.

⁵ Полевые материалы, собранные русским участником финской архитектурной экспедиции Ушаковым И. В. по изучению народного зодчества Ингерманландии (август, 1996 г.). Архив МАЭ РАН, К-1, оп. 2, № 1721; Неготетка МАЭ—колл. И-2172.

⁶ *Ушаков И. В.* Материалы финско-русской экспедиции. Архив МАЭ РАН, К-1, оп. 2, № 1721, листы: 15, 23, 24, 41, 61, 63, 66.

⁷ Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 380—395; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

⁸ *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила... С. 386.

**МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ — СОБРАНИЕ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

В конце прошлого века возникла острая необходимость в создании в России национального этнографического музейного центра, где были бы сосредоточены собрания по быту и культуре многочисленных народов, населявших обширную Российскую Империю. В 1902 г. был организован Этнографический отдел, находившийся в составе Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге, в 1934 г. преобразованный в самостоятельный музей. Однако еще в 1923 году впервые на суд посетителей были представлены экспозиции по культуре русских, украинцев, белорусов, народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, некоторые зарубежные коллекции славянских стран. В 1970-х—1980-х годах Российский этнографический музей (современное название) сформировался как главное хранилище и один из ведущих в современной России этнографических музейных, научно-исследовательских, методических и просветительских центров, которому нет аналогов в стране и за рубежом.

С самого начала донаторами музея стали как представители правящей элиты — ведущие деятели Императорской России, так и их непримиримые оппоненты в лице политических ссыльных. Провинциальная интеллигенция, духовенство, купечество, чиновники, собиратели-коллекционеры, а также русские ученые-этнографы, археологи, востоковеды, филологи внесли свой вклад в создание музея и формирование его коллекций.

Следует назвать людей, стоявших у истоков Этнографического Отдела — Российского этнографического музея.

Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914) — археолог, этнограф, востоковед, публицист. Один из организаторов сибирского чуда — Минусинского музея и создатель, и первый заведующий Этнографического Отдела Русского музея Императора Александра III. Петр Петрович Семенов-Тяньшанский (1827—1914) — академик, видный географ, статистик, общественный деятель.

Федор Кондратьевич Волков (1847—1918) — этнограф, антрополог, археолог, много сделавший для формирования украинских коллекций музея. Александр Александрович Миллер (187?—1933) — археолог и этнограф-кавказовед, директор Русского музея. Александр Николаевич Веселовский (1838—1906) — академик, литературовед, фольклорист. Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — академик, филолог, археолог, этнограф, литературовед, фольклорист. Александр Николаевич Харузин (1864—1932) — известный этнограф и антрополог. Александр Иванович Соболевский (1856—1929) — академик, востоковед, фольклорист, этнограф. Василий Васильевич Радлов (1837—1918) — академик, востоковед-тюрколог, этнограф, директор Петербургской Кунсткамеры. В советское время в разные годы в музее трудились видные ученые и музейные деятели: Д. А. Золотарев, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, Л. П. Потапов, Е. Н. Студенецкая, Т. А. Крюкова и многие другие. Именно благодаря этим и другим ученым и музеоведам, их неустанным трудам, и обязан своим возникновением и развитием первый в России национальный этнографический музей.

Фонды Этнографического Отдела складывались путем пожертвований, покупок и, главным образом, собирательской работы на местах. Систематические экспедиционные сборы коллекций по разработанной крупнейшими этнографами страны программе, начались в 1901 году.

Особое место среди первых коллекций занимают предметы, подаренные членам императорской семьи представителями народов, проживавших на территории Российской Империи. Это были, главным образом, подносные блюда, ковры, полотенца, парадное оружие, украшения, одежда, предметы культа. Отметим также вещи, приобретенные для музея членами Семьи Романовых, в основном самим Николаем II. Для этого выделялись специальные, как мы сейчас бы сказали, целевые ассигнования, ибо казенное финансирование музея, в том числе и на закупку коллекций, было крайне скудным. Это были частные собрания, которые намеревались продавать, в том числе и за границу.

Среди них выделяются коллекции князя Э. Э. Ухтомского (1902 г.), А. А. Боголюбова (1903 г.), Н. Л. Шабельской (1905 г.), А. В. Верещагина (1906 г.), В. Н. Васильева (1911 г.), П. К. Козлова (1911 г.), Ф. М. Плюшкина (1913 г.). В их числе, как видим, и представители знати (кн. Э. Э. Ухтомский), и богатые меценаты (Н. Л. Шабельская), и крупные ученые (востоковед академик П. К. Козлов), и представители торгового сословия (псковский купец Ф. М. Плюшкин). Положителен уже сам по себе тот факт, что лично Император и его семья вкладывали деньги в формирование коллекций национального музея. Впрочем, это было в то время ха-

рактерно для большинства императорских и королевских династий Европы.

«Первым неоценимым в научном отношении по богатству и разнообразию, является дар Его Императорского Величества Государя Императора — богатейшая коллекция предметов буддийского культа, собранная князем Э. Э. Ухтомским. Вторым ценным вкладом в собрание музея является приобретение на средства Его Величества и принесенная в дар Государем Императором коллекция русских старинных вышивок и тканей, собранная Н. Л. Шабельской, и представляющая редкое по полноте и высокому достоинству отдельных предметов собрание, известное не только в России, но и в Западной Европе». (Очерк о деятельности Этнографического отдела с 1902 по 1909 год). Эти коллекции, безусловно, стали жемчужиной Российского этнографического музея, но отнюдь не только они являются нашим подлинным богатством.

В 1920-е годы собрание музея существенно пополнилось за счет экспедиционных сборов на Русском Севере, Украине, в Средней Азии, а также вследствие передачи предметов народного быта из бывших царских дворцов: Зимнего, Аничкова, Гатчинского, Екатерининского из Царского села и других. В их числе были объекты коллекционирования самих царей и великих князей. Это предметы русской старины, ковры из собрания Николая II, парадное и наградное оружие, в основном, холодное, тонкими знатоками и страстными любителями которого были все Романовы и их ближайшее окружение. Тогда же в музей поступили подношения Императорской фамилии от эмиров Бухарских, дары от казаков и народов Кавказа Императору Александру III во время его путешествия в 1888 году.

Ныне фонды музея содержат около полумиллиона экспонатов, которые включают также уникальные архивные источники и фотоматериалы. Они представляют быт и культуру более чем стопятидесяти народов, входивших в состав Российской Империи, Советского Союза, наконец, Российской Федерации.

Коллекции, которыми располагает музей, являются ценнейшим историческим источником и позволяют всесторонне изучать хозяйство, различные ремесла, орудия труда, средства передвижения и предметы дорожного быта, одежду и украшения, типы жилищ и их убранство, утварь, атрибуты народных знаний и верований, обряды и обычаи, праздники и развлечения, воспитание детей, народный спорт. Тематика собраний чрезвычайно обширна. Имеющиеся в коллекциях орудия сельскохозяйственного труда: земледелия и скотоводства, охоты, рыболовства, пчеловодства — позволяют убедиться в их технической целесообразности, приспособленности к условиям природы и местности. Отметим далее тысячи инструментов домашних промыслов и ремесел, связанных

с обработкой растительных волокон, шерсти, шелка, кожи, дерева, камня, кости, металлов. Наряду с готовыми изделиями народных мастеров, многие предметы представлены в различных стадиях изготовления, что важно для изучения их технологии.

Разные типы жилища, хозяйственные постройки, усадьбы, селения регионов страны, запечатлены главным образом на фотоснимках, чертежах и рисунках, хранящихся в фототеке и архиве музея. Некоторые типы сборных жилищ кочевников — чумы, яранги, балаганы, юрты — имеются в музее, и это позволяет экспонировать их в натуре. Кроме того, хранятся и экспонируются различные элементы украшения домов, особенно много русской деревянной резьбы и украшенных настенных росписей.

Большую часть коллекций музея составляют костюмы. Народная одежда, как один из устойчивых элементов материальной и духовной культуры, демонстрирует не только этнические особенности, но и уровень экономического развития, имущественное положение, религиозные воззрения человека. На формирование народного костюма повлияли особенности исторического развития народов, географическая среда, производственная деятельность. Среди экспонатов — одежда разного назначения: повседневная и праздничная, сезонная, промысловая, обрядовая. В ней отражены возрастные особенности и семейное положение.

В собрании музея представлен в комплексах и отдельными предметами русский народный костюм почти всех областей России. Имсеется одежда, изготовленная из узорных тканей и украшенная вышивкой, бисером и жемчугом. Уникальна коллекция верхней одежды из Северных губерний. Таковы, например, женские шубы конца XIX века, сохранившие старинный покрой. Не менее ценны старинные костюмы и головные уборы крестьянок южных губерний: поневы с нашитыми оберегами от нечистой силы, рогатые кички. Коллекцией костюмов народов самого многонационального в стране региона располагает отдел Кавказа. Некоторые костюмы народностей Дагестана являются в настоящее время большой редкостью и отсутствуют в музейных собраниях.

В коллекциях отдела Сибири заслуживает упоминания орнаментированная одежда народов Приуралья из рыбьих кож; чукотские камлейки (верхняя непромокаемая промысловая одежда), сшитые из кишок морского зверя и искусно украшенные птичьими клювами и перышками; рубахи хантов (население Приобья) из крапивного полотна, с полихромной вышивкой шерстяными нитками; шаманские костюмы эвенков, алтайцев, нанайцев.

Среди великолепных, отличающихся исключительной полнотой подбора одежды народов Поволжья и Приуралья выделяются мордовские поясные украшения, богато орнаментированные бисером, раковинами каури, металлическими блестками, пуговицами, длин-

ной бахромой из шерстяных нитей и, единственный сохранившийся экземпляр старинного головного убора башкирок, украшенный серебряными монетами и металлическими бляхами, кораллами, бисером и сердоликом.

Из Средней Азии происходят старинные свадебные головные уборы казахской и каракалпакской невест; облачение нищенствующего дервиша; современная богатая вышитая одежда горных таджиков.

Исключительную научную ценность имеют коллекции памятников духовной культуры, связанных с забытыми народными верованиями XIX—начала XX века, отражающие религиозные представления народностей Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Это нанайские идолы и амулеты, оберегающие от разных напастей и болезней; принадлежности медвежьего культа у нивхов и связанного с ним праздника; комплект эвенкийского шаманского мольбища, состоящий более чем из ста предметов. Хранятся и экспонируются всевозможные обереги от злых духов; изображения собственно духов — покровителей семьи; предметы родовых молений.

Отметим необычные праздничные и обрядовые маски русских, литовских, молдавских, народов Кавказа; разнообразные атрибуты новогодних, масленичных, пасхальных и других обрядов, связанных с игрищами ряженых у разных народов. Назовем русский весенне-летний обряд «вождение русалки в образе ряженого коня», молдавское новогоднее представление ряженых «малапка», кубачинское (Дагестан) осеннее игрище неженатой молодежи.

Сохраняются, изучаются и экспонируются предметы, имеющие этнографическую ценность и связанные с праздниками скотоводов (бурятский сурхабан, якутский иссыях) и земледельцев (татарский сабантуй, праздники урожая у других народов).

К числу особо редких можно отнести изделия, связанные с народными знаниями. Это различные деревянные календари, счетные бирки, «множительная таблица» русских крестьян, самодельные безмены, весы, мерки, приборы для предсказания погоды. В музее хранятся редчайшие образцы пиктографического (рисуночного) письма на дереве и бересте народов Сибири и Дальнего Востока, относящиеся к дописьменному периоду их развития.

К редкостным относятся коллекции кукольных театров и музыкальных инструментов. Сохранился уникальный экземпляр белорусского народного кукольного театра XIX века «батлейка» или «вертеп»; русский кукольный театр «раек» XIX века с куклами драмы «Царь Град»; узбекские кукольные театры начала XX века с наборами кукол перчаточных и марионеток, а также народные музыкальные инструменты сопровождения представлений. Коллекция музыкальных инструментов насчитывает более полутора тысяч

предметов и дает достаточно полное представление о музыкальной народной жизни в XIX—начале XX веков. Здесь хранятся редкие образцы кантеле и цитр Прибалтики, берестяные трубы народов Поволжья, струнные и ударные инструменты, происходящие с Кавказа и из Средней Азии, музыкальные инструменты народов Сибири, около ста шаманских бубнов.

Русские мастерицы из городов Торжок, Каргополь, Сольвычегодск славились в XIX веке золотым шитьем. Оно в основном украшало одежду придворных, духовенства, купечества, праздничные крестьянские наряды. Это свадебные сарафаны, головные платки и шали. Татарки вышивали золотыми нитками головные колпаки и тобетейки. Вышивка серебряными и золотыми нитками была распространена у народов Кавказа, особенно в одежде знатных женщин. В Средней Азии золотым шитьем украшали халаты, головные уборы, обувь, конское снаряжение.

Реки Русского Севера были богаты жемчугом, который широко применялся в ювелирном искусстве и для украшений женских головных уборов Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. Сохранились кокошники, венцы, повязки, украшенные речным жемчугом, форма и детали отделки которых зависели от возраста и социального положения женщины. Весьма разнообразна гамма русских кружев промыслов михайловских, елецких, галичских, балашихинских, киринских и, конечно, знаменитых вологодских.

Ценнейшей частью фондов музея является коллекция ковров насчитывающая до тысячи экземпляров. Представлены ковры Средней Азии, Кавказа, Украины, Молдавии, юго-восточной Прибалтики. Примечательно собрание среднеазиатских ковров. Это ковры напольные, настенные, ковровые полосы для опоясывания юрт, настенные сумки, мешки для хранения утвари, одежды, соли; попоны, переметные сумы, наседельники, ковровые сундуки. Киргизские, казахские, башкирские, дагестанские войлоки являются существенным дополнением ковровой коллекции музея.

Отметим далее изделия известных русских центров резьбы, росписи, инкрустации по дереву, включая деревянную игрушку. Образцы лаковой живописи позволяют достаточно полно представить народные промыслы — Федоскино, Холуй, Палех, Мстера.

Чрезвычайно велика и представительна коллекция керамики, наиболее ценные образцы которой датируются началом XVIII века. Сохранившиеся образцы демонстрируют свою выделку от простейшей лепки, выполненной без употребления гончарного круга до сложнейших приемов, представленных скопинскими декоративными сосудами (покрытых глазурью зеленого или коричневого цвета) или знаменитой гжельской майоликой.

Искусство художественной обработки металлов издревле известно у многих народов. В фондах русского отдела хранятся уни-

кальные изделия кузнечной работы XVII—XVIII веков — кованные светцы, ларцы, ювелирные украшения и металлическая утварь. В коллекциях музея представлены такие известные центры как Великий Устюг (черненное серебро), Жостово (расписные подносы), Красное-на-Волге (филигрань), Ростов Ярославский (финифть). Серебряные ювелирные украшения занимают достойное место в собраниях Прибалтики, Поволжья, Сибири, Кавказа, Средней Азии и других регионов Евразии.

Значительны и многообразны в фондах музея изделия косторезного искусства. Здесь доминирует Русский Север и Сибирь. Русские холмогорские мастера-косторезы (Архангельская губерния) изготавливали из кости гребни, ларцы, комодики-туалеты и многое другое. Особый интерес вызывают изделия из моржовых клыков чукотских и эскимосских мастеров. Якутская резьба из бивня мамонта представлена в музее шкатулками, чоронами (кубками) ажурной работы и различными скульптурами.

У многих народов, занимавшихся охотой и скотоводством, были, естественно, широко распространены вещи из кожи. Кожаные налучья и колчаны для стрел у казахов, киргизов, башкир украшались растительным орнаментом, выполненным в технике тиснения. Кожаные пояса, сумки, обувь гуцулов (Карпаты) отделялись аппликацией, металлическими украшениями. Своеобразной отраслью народного искусства является татарская мозаика из мягких сафьяновых известных кож, применявшаяся еще в XIX—начале XX века для изготовления узорной обуви. У народов обского Севера — ненцев, селькупов, хантов, манси — была распространена меховая мозаика, которой украшали одежду и обувь, преимущественно женскую.

С 1991 года музей в соответствии с Указом Президента Российской Федерации получил статус Особо Ценного объекта национального достояния России и стал называться по государственной принадлежности «Российский этнографический музей». Этот факт говорит о том, какое значение придается главному в стране Национальному этнографическому музею.

Наши собрания, постоянные экспозиции и временные выставки достаточно ярко отражают сложнейшие процессы и изменения, происходившие и имеющие место и сегодня в межнациональных отношениях в нашей стране. Экспонаты являются вещественным выражением как своеобразия национальных культур народов России и сопредельных независимых государств, так и взаимообогащения, что говорит в пользу того, что межнациональным конфликтам не должно быть места в современном мире.

Основой основ нашего музея является теснейшее научное сотрудничество с различными академическими исследовательскими центрами, среди которых, безусловно, на одном из первых мест

находится Институт истории материальной культуры. Нас объединяет прежде всего принцип единства в изучении как материальных, так и духовных ценностей прошлых веков — живых свидетелей процессов формирования российской государственности на различных исторических этапах. Формы такого сотрудничества весьма и весьма разнообразны — совместные исследовательские проекты, экспедиции, издания, выставки, подготовка молодых специалистов.

Можно уверенно сказать, что археология и этнография как самостоятельные науки неразделимы и являются неотъемлемыми частями единого целого — исторического знания. И это нашло свое яркое отражение во вполне органичном и естественном симбиозе, каковым является содружество Института истории материальной культуры Российской Академии наук и Российского этнографического музея Министерства культуры Российской Федерации.

◆

ГЛАВНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ЦАРСКОЙ РОССИИ: ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. 1859—1917 гг.
ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

Всегда чти следы (прошлого)
Всегда благоговей перед этими следами.

Старый. «Фиваида»

В 1856 г. за три года до учреждения Императорской археологической комиссии министр императорского двора получает уведомление с резолюцией «Александр» о возложении на генерал-адъютанта графа С. Г. Строганова заведования археологическими розысканиями в России. Случайным ли было это назначение или нет? В известной мере здесь сыграли роль личные качества графа и его заслуги перед Двором. Но назначение это оказалось для будущего учреждения судьбоносным. В проектах Строганова относительно устройства Комиссии были разработаны не только административные основы ее, но и, что чрезвычайно важно, определены его нравственные и этические нормы. Основную цель Комиссии граф видел не столько в открытии памятника, сколько в том, чтобы сохранить его, донести его историю и духовную красоту до народа. Изощренность графа в административных тонкостях составления документов позволяют ему подготовить такой проект археологического учреждения, статус которого перерастает рамки узковедомственной принадлежности. И Комиссия получает этот статус. К ее наименованию прибавляется слово «императорская». 2 февраля 1859 г. «Положение» и «Штат» ее получили высочайшее одобрение. Первым ее председателем был высочайше утвержден граф С. Г. Строганов.

1860—70-е гг. отмечены относительно спокойной деятельностью. Это были годы накопления опыта археологической и административной работы. Основные раскопки велись на юге России, что заметно пополнило коллекцию Эрмитажа и Исторического музея. Именно в эти годы собираются уникальные изобразительные материалы о раскопках на юге (Керчь, Тамань) и закладывается основной и непреложный во все последующие времена принцип — по окончании любых археологических раскопок в архив ИАК должны быть представлены отчет, описи находок, днев-

ник с описанием работ, рисунки с фиксацией памятника и находок и финансовая документация. Таким образом, в архиве ИАК стала собираться уникальная по своей полноте и компактности коллекция документов (вплоть до 1917 г.) по проведению археологических изысканий в России. В эти же годы ИАК заявляет о себе и как учреждении научном, способном дать оценку памятнику. Она устанавливает связи с Московским и Русским археологическими обществами. Стремясь придать учреждению характер все более научного граф принимает в состав ее членов Н. П. Кондакова, приват-доцента СПб. университета, известного специалиста по византийской и русской культуре. Казалось, что деятельность учреждения развивается вполне успешно, если бы не один любопытный факт, отмеченный в отчете Строганова за 1881 г. и касающийся деятельности ИАК. В отчете председатель комиссии отмечает, что «в последние годы (какие — в документе не уточняется) произошло сокращение личного состава комиссии и уменьшение объема раскопок», чем и объясняется сокращение финансирования ИАК к 1881 г. с 27 тыс. до 22 500 руб. 31 декабря 1881 г. С. Г. Строганов подает на имя И. И. Воронцова-Дашкова — министра императорского Двора — записку об отставке. В архиве Института истории материальной культуры РАН (дальнейшие ссылки именно на документы этого архива) сохранилось два варианта записки, оба — автографы графа. Одинаковые по содержанию, они отличаются лишь в части, где речь идет о личном составе ИАК. Приведем же этот документ полностью. «Милостивый государь граф Илларион Иванович. Болезненное состояние и лета, не позволяя мне более заниматься делами, как требует польза службы, я покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать у Его Императорского Величества мое увольнение от председательства Археологической комиссии и разрешения передать дела и библиотеку этого заведения директору Эрмитажа действительному статскому советнику А. А. Васильчикову в качестве председателя Комиссии». Далее следует часть, на которую мы обращаем внимание читателей. Вот ее первый вариант «...Если Ваше Сиятельство найдете удобным на первое время сохранить нынешний личный состав Комиссии, то не будут потеряны многолетние ученые предания и опытность главных деятелей Комиссии, старшего члена, статского советника барона Тизенгаузена и производителя дел, коллежского советника Сулова» (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, л. 1).¹ Во втором варианте этого текста мы видим уже не просительный тон, в рекомендательно-утвердительный. «...При этом считаю долгом присовокупить, что с сохранением нынешнего личного состава Комиссии не будут поте-

¹ Здесь и ниже все ссылки на рукописный архив Института истории материальной культуры РАН.

ряны многолетние ученые предания и опытность главных деятелей Комиссии старшего члена, старшего советника барона Тизенгаузена и производителя дел, коллежского асессора Сулова» (I, оп. 1, 1882 г., д. 13, л. 2). Итак, граф считал, что для продолжения жизнедеятельности Комиссии в ней должны остаться специалист-археолог (Тизенгаузен В. Г.) и производитель дел, иначе говоря, собиратель и хранитель архива ИАК (Сулов Ил.).

Своим преемником Строганов называет А. А. Васильчикова. Послужной список Александра Алексеевича Васильчикова (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, лл. 42—48) мало что говорит о причастности его к археологическим древностям или занятиями искусством. Окончив Московский университет и поступив на службу по МИД, он до 1879 г. служил в заграничных дипломатических миссиях, в том числе — в Риме. В 1879 г. назначен директором императорского Эрмитажа. Быть может, личные качества этого человека делали его в глазах Строганова достойной заменой в ИАК. Возможно. Но как бы то ни было в 1882 г. он назначается председателем ИАК.

Новый председатель получил в наследство учреждение с уже сложившейся репутацией и в общем-то налаженной административной структурой. В одном из последних отчетов, уже накануне отставки, Строганов (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, лл. 3—4) представляет такую картину масштабов деятельности и достижений ИАК за весь период существования: I. «изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами. ... Наиболее выдающиеся роскошные по содержанию, находки, сделанные: 1) в Крыму в окрестностях Керчи; 2) в Екатеринославской губернии, в Чертомлыцком кургане и 3) в Кубанской области в Большой Близнице, в группе курганов, известных под названием «Семь братьев» и в Артюховском кургане близ станицы Сеншой»; II. вышло в свет 19 томов Отчетов ИАК и два выпуска Древностей Геродотовой Скифии; III. контрольная деятельность ИАК выразилась в «наблюдении за случайными археологическими находками, их приобретении и передаче в Эрмитаж и другие музеи. Архив ИАК к 1882 г. составлял уже ок. 500 единиц хранения. Это письменная документация (отчеты, описи находок, дневники, переписка с министерством и музеями, о приобретении случайно найденных вещей и кладов, об изданиях ИАК и др.) и изобразительный материал о раскопках на юге страны в виде альбомов с рисунками и чертежами. Штат комиссии состоял из старшего члена Тизенгаузена В. Г. (с. 1861 г.), младшего члена профессора Н. П. Кондакова (с 1876 г.), производителя дел Ил. Сулова (с 1865 г.), художника И. Н. Медведева (с 1859 г.) и сторожа Михайлова (с 1867 г.).

Годы правления А. А. Васильчикова (1882—1886 гг.) для комиссии стали продолжением того, что было начато при Строганове. В 1886 г. он вышел в отставку и на его место был назначен граф Алексей Александрович Бобринский. С его назначением в ИАК происходят разнообразные преобразования.

Несколько слов о Бобринском А. А. В архиве хранится дело. На обложке значится «О назначении камергера Двора императорского Величества графа А. А. Бобринского председателем Археологической комиссии». Даты документов, собранных в нем 1886—1918 гг. (ф. 1, оп. 1, 1886 г., д. 6). Среди них — формулярные списки графа, составленные в разные годы его служебной карьеры. Бобринский А. А. родился в 1852 г. В момент назначения председателем ИАК ему было 34 года, был женат на дочери стат-секретаря Его Величества Надежде Половцовой, имел трех дочерей. Дворянин. Владелец имений в Тульской и Киевской губерниях. Обучался в Петербургском университете, который не окончил, уволившись со второго курса. Однако это не помешало ему в короткий срок сделать необыкновенную карьеру: 1873 г. — канцелярия кабинета министров, 1874 г. — определен коллежским регистратором, 1875 г. — Петербургский уездный предводитель дворянства, 1876 г. — Петербургский губернский предводитель дворянства, 1878 г. — почетный мировой судья в Черкасском округе Киевской губернии и одновременно мировой судья по С.-Петербургскому уезду, член Попечительного совета заведений Общественного Призрения, в 1882 г. «за усердную и полезную службу пожалован чин статского советника. В 1883 г. пожалован в звание камергера Двора его императорского величества. В звании камергера Двора в 1886 г. он получает пост председателя Императорской Археологической комиссии. И любое назначение отмечается наградой за «усердие». Так в 1877 г. ему объявляется высочайшая благодарность за «успешную деятельность по призыву запасных нижних чинов и по поставке от населения лошадей для войск». Он имеет ордена и медали разных достоинств.

Человек неуемного темперамента, огромной трудоспособности, бескомпромиссный борец за свои идеи — таким предстает перед нами граф А. А. Бобринский, новый председатель ИАК. Что же произошло с его приходом туда. Обратимся к документам архива. В нашем экскурсе мы не будем придерживаться хронологической последовательности в изложении фактов.

В 1894 г. А. А. Бобринский составляет записку, которая называется «Очерк деятельности Императорской Археологической комиссии в царствование в бозе почивающего Императора Александра III».

Очерк открывается несколькими благодарственными пассажирами относительно прошлого комиссии, когда ее стараниями были созданы основы археологической службы в России. «Строгановская» Археологическая комиссия смогла заложить основы археологической службы в России и, «Благодаря Комиссии, — пишет Бобринский, — удалось спасти для науки множество любопытных древних вещественных памятников» (ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 174, л. 5). Бобринский отстаивал идею, освященную благородной целью. «...мы не должны забывать, — напишет он несколько позже, — что конечная цель археологии... цель христианская: принести пользу людям, научить их истине, направить их на путь возможного счастья в жизни» (ф. 25, д. 39).

Первое, что предпринимает Бобринский — это упрочение пошатнувшегося финансового положения комиссии и ее штатного потенциала. Уже в 1888 г. он добивается увеличения финансирования раскопной деятельности Комиссии и увеличение средств на издания ее трудов. В смету ИАК вносится дополнительная статья — «сверхсметные кредиты». Эти средства расширяли возможности Комиссии по приобретению древностей у частных лиц. Далее. По высочайше утвержденным штатам 24 апреля 1888 г. Бобринский получает право «избирать из числа лиц, известных ему научными трудами по археологии, в звание сверхштатных членов Комиссии и членов-корреспондентов, что дало возможность привлечь к достижению научных целей Комиссии многих известных ученых, членов Археологических и других обществ и частных лиц, занимающихся серьезно научными трудами по археологии» (ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 174, лл. 4 об. — 5). Графа мало заботило место работы кандидата, чины или сословная принадлежность. Вокруг ИАК собираются люди, чаще всего из губернских городов империи. Среди них: профессор Д. Я. Самоквасов из Варшавского университета, К. Е. Думберг — преподаватель Ревельской гимназии. В. Б. Антонович (1891 г.) и Ю. А. Кулаковский (1894 г.) — профессора университета Св. Владимира в Киеве, А. А. Спицын — преподаватель Вятской гимназии, В. В. Латышев — помощник попечителя Казанского учебного округа, Н. Н. Пантусов — чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области и многие другие. Среди сверхштатных сотрудников ИАК и членов-корреспондентов в разные годы были историки И. Е. Забелин и Л. Э. Стефани, В. В. Стасов и академик В. В. Радлов, уже известные археологическими исследованиями ученые Ю. Б. Иверсен — хранитель Эрмитажа и упоминавшийся выше профессор Варшавского университета Д. Я. Самоквасов, профессор СПб. университета Н. И. Веселовский (с 1896 г. старший член комиссии), генерал-майор А. Л. Бертье-Делагард, горный инженер И. А. Лопатин и многие другие.

Далее автор переходит к характеристике основных направлений деятельности ИАК. Одним из первых и, очевидно, основных является деятельность ИАК «по упорядочению археологических раскопок». Граф пишет «Ввиду важного научного значения, которое представляют повсюду находящиеся в империи курганы, древние могильники и старинные сельбища и неопределенность постановлений об охране этих памятников древности, а также отсутствие единства в относящихся к ним распоряжений, побудили Археологическую комиссию возбудить вопрос о необходимости упорядочить производство археологических раскопок» (ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 174, л. 5 об.).

11 марта 1889 г. по высочайшему повелению ИАК получает исключительное право на проведение археологических раскопок на казенных и общественных землях, выдачу разрешения на раскопки и реставрацию монументальных памятников древнерусского зодчества. Полученное право обязывало. И потом еще многие годы ИАК с неослабным упорством будет охранять бесценные сокровища древней истории от расхищений, вывоза за границу, от разрушения временем и рукотворного уничтожения. Комиссия собирала древности по всей России: у частных лиц, приобретая на рынках, покупая частные коллекции целиком или отдельные вещи из них. Число спасенных таким образом предметов научной и художественной ценности огромно. Многие из них переданы были в Эрмитаж и Исторический музей, менее ценные находки передавались местным археологическим музеи. Издательская деятельность ИАК начата еще при С. Г. Строганове, Бобринским была расширена и изданий монографических исследований. Наряду с ежегодными отчетами она начинает издавать серию «Материалы по археологии России» В этой серии были выпущены: «Сибирские древности», «Древности Северо-Западного края», «Древности Южной России. Керченская христианская катакомба» и др. ИАК готовила к изданию и монографические исследования. Среди них «Русские кладь» Н. П. Кондакова, «Древности Геродотовой скифии», материалы П. П. Покрышкина об исследованиях Нередицкой церкви в Новгороде и многие другие.

Авторитет ИАК в научных кругах становится все прочнее. И уже к концу века она становится авторитетнейшим учреждением и в вопросах научной реставрации памятников. Учрежденный при ней в 1890-х гг. Реставрационный отдел стал настоящим научным центром по сбору сведений и проведении практической реставрации всех памятников церковного зодчества. Вокруг него группируются лучшие архитекторы и художники, искусствоведы и реставраторы. В начале нового столетия это уже учреждение, без мнения которого не принимается ни одно решение по охране памятников на самом высоком уровне. В 1896 г. А. А. Бобринский скажет

«По каким бы отраслям мы не служили археологии, извлекаем ли из недр земли останки старины, группируем ли их в витринах музеев или занимаемся их научной обработкой — все мы работаем во имя одной, освящающей наш труд идеи: просветить людей, научить их уважать былое, как источник их собственного благополучия и трудиться на дальнейшее развитие человечества и его искусства» (ф. 25, д. 39). «Во имя достижения этой идеи П. П. Покрышкин ставил на своих обмерных чертежах Нередицкой церкви «Одобрено мною и господом богом». Уже незадолго до революционных бурь 1917 г. Н. И. Веселовский отмечает, что ИАК — это учреждение «принадлежать к которому было не только честью, но и счастьем» (ф. 18, д. 145, л. 5 об.).

В результате октябрьского переворота 1917 г. ИАК, к счастью, не была уничтожена, а в преобразованном виде уступила свое место созданной в 1919 г. Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Был сохранен и архив, который продолжал пополняться документальными материалами, связанными с археологией и охраной памятников. В 1930-е гг. в архив академии (с 1926 г. Государственная академия истории материальной культуры — ГАИМК) стали поступать документы учреждений, ликвидированных в первые годы советской власти. Таким образом, архив является обладателем ценнейшей научной документации, сохранившейся в фондах Московского и Русского археологических обществ и ряда административных ведомств дореволюционной России, занимавшихся археологическими «розысканиями» — Канцелярии министерства уделов (ф. 9), Первого отделения Департамента общих дел МВД (ф. 6) и др. В документах этих фондов — первые проекты о раскопках древних памятников в России, открытие и исследование знаменитых керченских и таманских древностей, открытие первых славянских поселений на территории новгородской земли, сибирские памятники, палеолитические стоянки в центральной России и др. В архиве оказались и уникальные статистические и разного рода «описательные» документы по всем «наземным и подземным» памятникам российской старины. В числе последних — уникальная коллекция Церковных метрик по всем епархиям Российской империи. Огромен документальный комплекс по охране памятников старины. Среди этих материалов несомненный интерес представляют документы фонда Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (ф. 68). Здесь сохранились документы по осмотру памятников и проекты их сохранения, фотографии и рисунки, письма известных деятелей искусства, автографы великого князя Николая Михайловича — председателя Общества и активного защитника российских памятников старины. Особенную историческую и научно-практическую ценность представляет обширная коллекция изобразительного и

графического материала этого архива. Несомненную ценность в этом собрании представляют альбомы (рисунков и фотографий) — Керчь, Тамань, Старая Ладога и Псков, монументальные памятники Владимировской земли и Средней Азии и др., графическая документация — обмерные чертежи церквей (Новгород, Псков, Москва, Владимир, Киев и многие другие).

Особенную притягательность для исследователей представляют документы личных фондов ученых. В архиве около 70-ти таких фондов. Самый ранний из них — фонд А. Н. Оленина (с конца XVIII в.). В эту коллекцию вошли личные фонды сотрудников ИАК: А. А. Бобринского и С. Г. Строганова, архитекторов-реставраторов П. П. Покрышкина и К. К. Романова, Н. В. Султанова, химика-реставратора, автора разработок техники реставрации живописи В. А. Щавинского, археологов Н. И. Веселовского, А. А. Миллера, Н. И. Репникова, А. А. Спицына, Б. В. и М. В. Фармаковских, А. В. Шмидта, нумизмата Е. М. Придика, крупнейшего исследователя христианской культуры Я. И. Смирнова, художника и археолога Н. К. Рериха и других.

В нашем кратком обзоре мы смогли отметить лишь немного о деятельности ИАК и накопленных ею материалах. Документы архива ИИМК — это скромная частица духовного и научного наследия нашего народа, бесценный документальный материал для многих поколений исследователей. Значительная часть документов уже известна ученым и широко используется в благородном деле восстановления памятников церковного зодчества. Но многое еще мало известно. Некоторые из таких документов мы и хотим предложить читателям в настоящей публикации. Это документы из фонда «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины».

КОПИЯ

1) В Совет Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

Помня примечание к § 1 устава нашего Общества, я считаю своим долгом обратить внимание г. г. членов Совета на ряд при-
скорбных случаев, происходящих за последнее время с картинами ИМПЕРАТОРСКОГО Эрмитажа. Нескольку лучших памятников живописи совершенно испорчены неудачной отмыжкой старого лака и записей прежней реставрации; другие же картины лишились облагораживающей патины времени — причем, никакой настоятельной необходимости во всех этих случаях «восстановления» не усматривалось. Перечислю главнейшие примеры этого своеобразного вида «вандализмов».

1) На портрете кардинала Паллавичини работы Себастиана дель Пюмбо смыта прежняя искусственная реставрация, придававшая картине известную гармоничность, а оказавшиеся под ней пробоины заделаны весьма неумелым способом, вследствие чего весь портрет в целом приходится считать безвозвратно погибшим.

2) На картине того же мастера «Снятие с креста» испорчена мытьем живопись ног Спасителя.

3) На картине Клода Лоррена «Ночь» сняты лиссировки, вследствие чего проступившая наружу подмалевка производит грубое и грязное впечатление. Грязный вид придают картине и оставшиеся несмытыми пятна старого лака. Надо при этом прибавить, что картина до реставрации отличалась полной гармонической прелестью — ныне совершенно утраченной.

4) Подвержена мытью картина редчайшего венецианца Виченцо Катэна «Богородица со святыми», причем, судя по отзыву лиц, видевших картину уже после реставрации, выступили, правда, яркие подмалевки на одеждах Богородицы и Иоанна Крестителя, но зато уничтожена общая гармония картины и почти совершенно смыта фигура Младенца Христа. В общем картина до последней реставрации отличалась, несмотря на следы некоторого мытья, — сравнительно очень удовлетворительной свежестью.

5) На фигуре Клеопатры в картине «Пир Клеопатры» как следствие реставрации выступили безобразные красные пятна.

6) Примерами бесцельной отмывки патины являются картины Доменикино Проккачини, Гюбера-Робера, Андриана-ван-дер Вельде и других.

Признавая, что все случившееся произошло с лучшими намерениями и не отрицая даже чисто технической компетенции лица, которому поручено дело Эрмитажной реставрации, я тем не менее взываю к нашему Обществу, дабы оно предприняло шаги к удержанию г. г. хранителей нашей главной сокровищницы от дальнейших подобных экспериментов, не вызванных настоятельной необходимостью спасения картин от гибели (я подразумеваю случаи, когда нужно дублировать старый холст, перенести живопись с дерева на холст и т. п.). Ведь вообще картины чаще гибнут от слишком усердной реставрации, нежели от огня и от других стихийного характера причин. К тому же люди художественной науки слишком подвержены искусу добиваться восстановления первоначального вида любого памятника, тогда как обыкновенно позднейшие наслоения служат прикрытием мест, бесследно исчезнувших с незапамятных времен. Всякая старинная картина представляет собой руину, которую следует оберегать всеми силами, но

которую в огромном большинстве случаев нельзя вернуть к тому состоянию, в котором она покинула мастерскую автора.

Товарищ Председателя Общества защиты памятников

(подписал) Александр Бенуа.

Верно: И. об. Секретаря

Ваше Высокопреосвященство.

При недавнемъ объѣздѣ сѣвера Россіи и осмотрѣ мѣстныхъ памятниковъ искусства и старины я, посѣтивъ въ Тихвинѣ мѣстный монастырь, былъ крайне обрадованъ видѣть ризницу монастыря и всѣ описи въ блестящемъ порядкѣ, о чемъ считаю пріятнымъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія.

Поручаю себя молитвамъ Вашимъ

/подп./ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

№ 44
1юля 1916 г.

Арсенію, Архіепископу Новгородскому и Старорусскому.

¹ А. Н. Бенуа. Записка в Совет Общества о «преступной реставрации картин в Эрмитаже» от 20 ноября 1915 г. (архив ИИМК, ф. 68, д. 55, лл. 1—2 об.);

² Письмо Н. К. Рериха вице-председателю Общества Е. Н. Волкову «о грабительских раскопках археологических памятников возле Хосты» от 15 февраля 1917 г. (архив ИИМК РАН, ф. 68, д. 1, л. 76);

³ Записка вел. кн. Николая Михайловича — председателя Общества архиепископу Новгородскому и Старорусскому о состоянии старинных храмов Тихвина и ризницы Большого Успенского собора г. Тихвина (ис ранее 1916 г.) (архив ИИМК РАН, ф. 68, д. 1, лл. 61—62).

76
Рубрикация
Евгений Николаевич

Очень радуюсь, что не могу
быть в Петербурге на заседании
Российского общества А. А. Мухоморова
— может быть около дома
нашлось бы много, могу и
выступить прочедающее и
остановить движение.

1917. г. 24
А. А.

Укрепно Ваше предложение

ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ
И СОХРАНЕНИЯ ВЪ РОССИИ
18 ФЕВ. 1917 Г.
ПАМЯТНИКОВЪ ИСКУССТВА
И СТАРИЦЫ

В. А. Мухоморов

15 февраля 1917 г.

2) Письмо Н. К. Рериха Е. Н. Волкову о грабительских раскопках древних гробниц возле Хосты.

15 февраля 1917 г.
Автограф.
Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 68, д. 1, л. 76.

ФОТОГРАФИЯ — ПАМЯТЬ НАРОДОВ

Материалы фотоархива Института истории
материальной культуры Российской Академии наук
(Санкт-Петербург)

Фотоархив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) как самостоятельное подразделение существует с декабря 1918 года, хотя фактически начальной датой его организации следует считать 1859 год, когда император Александр II подписал распоряжение о создании Императорской Археологической комиссии, коллекция фотографий и негативов которой легла в основу собрания фотоархива.

В настоящее время в фотоархиве более 900 000 единиц хранения (примерно равное количество негативов и позитивов, по 450 000 единиц и 8 кинофильмов). В России и, в целом, в Европе — это одно из крупнейших хранилищ, где находятся фотографии 1840—1996 гг.

Исторически сложился основной профиль фотоархива — археологический (фиксация процесса полевых исследований, пересъемка чертежей, снимки находок из этих памятников, а также собранных в музеях страны, иллюстрации к археологическим изданиям). Однако тематика архива значительно шире: археология бывш. СССР и зарубежных стран (Монголия, Чехия, Словакия, Румыния, Китай, Вьетнам, Индия, Египет, Франция, Германия, Венгрия — памятники от эпохи палеолита до XVIII—XIX вв.), антропология, этнография; гражданская, крепостная и церковная архитектура XIII—XX вв., живопись и скульптура эпохи Возрождения и более позднего времени, прикладное искусство, эпиграфика, сфрагистика, русская палеография, геральдика и некоторые другие отрасли исторической науки.

В фондах археологических учреждений: Императорской Археологической комиссии и Российской Академии истории материальной культуры, Института истории материальной культуры Российской Академии наук отражены исследования членов комиссий, сотрудников Академии и института — полевые и кабинетные. Имеется множество материалов по памятникам древнерусской

архитектуры и реставрации архитектурных памятников (особенно ценны коллекции Д. В. Милеева и П. П. Покрышкина), монументальной, станковой и церковной живописи. Обширные материалы по этнографии народов Поволжья, Крыма, Средней Азии, ороченев Амурского бассейна.

В фондах Русского Археологического общества и особого Археологического института в Петербурге — Петрограде сконцентрированы материалы по полевым работам 1893—1914 гг. В. В. Хвойко, Н. Е. Макаренко, Н. К. Рериха и других известных ученых. Имеются материалы по прикладному искусству и древней монументальной архитектуре Армении и Грузии; по византийской миниатюре, в том числе снимки с оригинала Менология Василия II (XI в.), хранящегося в библиотеке Ватикана. Здесь же снимки к археологическому и этнографическому разделам «Туркестанского альбома» ориенталиста А. Л. Куна (1871—1872 гг.).

При реорганизации ряда ленинградских учреждений в 1920—1930-х гг. в фотоархив, как единственное в то время специализированное хранилище фотоматериалов, поступили собрания Государственного музейного фонда, Реставрационной мастерской Главнауки, Отдела охраны памятников Комитета по делам искусств и Комитета популяризации художественных изданий, а также Дворца-музея графов Шуваловых и библиотек Зимнего и Мраморного дворцов, то есть Собственной библиотеки Императора Николая II и библиотеки Великих Князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. Названные фонды включают ценнейшие материалы по архитектуре старой и новой столиц России — Москвы и Санкт-Петербурга, иных областей Евразии, по выставкам исторических портретов в Таврическом дворце (1905 г.), архитектурной в Царском Селе (1911 г.), другим выставкам, проводившимся в 1910—1929 годах. К данным коллекциям относятся фотоматериалы, начиная с 1840-х годов, в том числе множество крупноформатных отпечатков шестидесятых—девяностых годов XIX века.

Фонды личного происхождения поступают в архив, начиная с 1919 года, и содержат материалы 1861—1990-х гг. Среди них представлены работы знаменитых русских и западноевропейских мастеров К. К. Буллы, Н. Г. Матвеева, Алинари, Броджи, Бонфиса, Ренара, Ордэ, Гундермана, Надара, Себа и Жоаёе и других. Неповторимые материалы собраны в фондах археологов Н. Я. Марра, Н. И. Репникова, А. А. Бобринского, А. А. Спицына, археологов-искусствоведов Я. И. Смирнова и Б. В. Фармаковского, ориенталиста А. Л. Куна, фотографов Н. Г. Матвеева, В. М. Машечкина, И. Ф. Чистякова, византиниста Л. А. Мацулевича, архитекторов М. Т. Преображенского, В. В. Суслова, Н. В. Султанова, К. К. Романова и других; искусствоведа, директора Русского музея в 20-х — начале 30-х годов XX в. Н. П. Сычева; владельца ювелир-

ного торгового дома в Петербурге в конце XIX — начале XX вв. К. Г. Фаберже. Здесь не только материалы по археологии, снимки древностей из музеев Сибири, Крыма, Грузии, Украины; восточного серебра из собраний Эрмитажа и Британского музея; египетских и византийских тканей из музеев Вены и Лондона, но и представительные собрания по западноевропейской архитектуре, памятникам Азии и Африки.

Архитектура Германии представлена в фотографиях западноевропейских мастеров 1860—1870-х гг. (250 единиц хранения).

Интересна коллекция фотографий по Франции, в том числе, снимки Парижа 1860—1870-х гг., Пале Ройаль и Дома Инвалидов 1890-х годов, Русских отделов на Всемирных Парижских выставках 1900 и 1937 годов (около 500 единиц хранения).

По Италии отложилась серия оригинальных фотографий Алиари, Броджи, Андерсена и других — с видами и архитектурными памятниками 63 городов, кроме того, материалы по интерьерам, прикладному искусству эпохи Возрождения (4500 единиц).

Материалы по 17 городам Испании сохранились в собрании Великого Князя Константина Константиновича (1890-е гг.), а также «домашний» альбом путешествия в Испанию членов царской семьи (более 200 фотографий).

Имеются фотографии по Австрии и Швейцарии, в том числе виды долины р. Роны и Швейцарских Альп с «Чертовым мостом» и памятником А. В. Суворову и его солдатам (снимки из собрания Великого Князя Константина Константиновича, 1890-е гг.).

Из Стокгольма в 1880-х гг. в библиотеку Мраморного дворца поступил «Альбом снимков с картин работы короля Карла XV» а также снимки памятников Карлу XII, Карлу XIII, Густаву II Адольфу, видов города.

Небольшое количество снимков отражает архитектуру Дании, Бельгии и Финляндии.

К 1890-м годам относится серия фотографий Будапешта: виды дворца Юстиции, знаменитой будапештской Оперы, кафе «Нью-Йорк», Министерства просвещения с памятником на площади перед ним, панорама Пешта с Цепным мостом (1897 г., фотограф Штенгель из Дрездена) и еще нескольких выдающихся зданий города, снимки которых выполнены будапештскими фотографами Кальдерони и Тарга.

Множество материалов по Турции, как по архитектуре, так и этнографии многонационального государства, каким являлась Турция вплоть до 1920-х годов (1900 единиц хранения, середина XIX—первая четверть XX вв.).

Фотографии по Греции: виды и архитектурные памятники Афин и других городов (более 500 единиц), выполненные в конце

XIX века во время поездки К. Окунева, и сохранившиеся в библиотеке Мраморного дворца; снимки скульптуры и других материалов Афинского Национального музея. Уникальны 42 отпечатка 1870 года, сделанные монахами Афонского монастыря и преподнесенные в виде дарственного альбома Великому Князю Константину Константиновичу, представляющие виды монастыря, предметы церковной утвари. В 1898 году совершил поездку на Афон русский академик Н. П. Кондаков, во время которой он сделал 222 снимка (монастыри Пантелеймона, Ватопеда и др.).

Материалы по Индии, Бирме привез из поездки в Азию сын К. Г. Фаберже, посланный туда отцом с целью изучения искусства Индии.

4 альбома фотографий русской учено-торговой экспедиции в Китай 1874—1875 гг. (160 единиц). Небольшой отряд под руководством Ю. А. Сосновского прошел от Кяхты через Маймачен и Калганские ворота Великой Китайской стены, зафиксировал ряд памятников Пекина и, возвращаясь Великим Шелковым путем, уделил внимание данной территории, народам, ее населявшим, их обычаям и экономике региона.

Несомненно интересны высокохудожественные снимки Иерусалима, выполненные в 1890-х годах представителями американской военной миссии.

И, наконец, сотни и тысячи фотографий многогранно отражают культуру России, в широком понимании этого слова: архитектура европейской и азиатской частей страны, как гражданская, так и культовая; копии фресок церковей Новгорода, Инатьевского монастыря в Костроме, собора Василия Блаженного (Покровского) в Москве и других больших и малых храмов России; снимки предметов церковного художественного ремесла из Сольвычегодска, Вологды, Устюга. Поистине фотоархив обладает лучшим в России собранием фотографий по церковным зодчеству и декоративно-прикладному искусству (не менее 250 000 единиц хранения).

В последние годы в фотоархив поступили переданные сыном художника И. Я. Билибина М. Н. Потоцким негативы и отпечатки, касающиеся поездок художника по Северо-Западу России, а также в Иерусалим и Египет.

В 1997 году поступил еще один чрезвычайно интересный архив — фотографа, художника М. А. Мицкевича — 6500 негативов на узкой пленке. Михаил Антонович в 1930-х гг. работал корреспондентом ленинградских газет, принимал участие в фотоальбомах по Ленинграду и фотографических выставках и, главное, он оставался в блокадном Ленинграде, фиксировал город в страшные дни войны, снимал людей, которые работали под девизом «Все для фронта, все для победы!», был в городе 9 мая 1945 года.

Среди кратко охарактеризованных выше фотоматериалов архива Института истории материальной культуры РАН имеется целая серия фотопанорам. Их изготовление началось в шестидесятых годах XIX века, панорамы были одно-, двух- и многокадровые.

Одной из первых следует назвать круговую панораму «Санкт-Петербург. 1861 год», впервые увидевшую свет в 1993 г. (Санкт-Петербург, Рес Гумана, 1993). Она поступила в архив в 1919 году вместе с библиотекой Мраморного дворца и представляет собой полосу высотой 37 см и длиной 4 м 65 см, смонтированную из 13 кадров. Съемка была начата от Конногвардейского манежа и продолжена вправо — вдоль зданий Сената и Синода. Панорама показывает вид Николаевского моста, первого постоянного моста через Неву, правого берега реки от Горного института до Петропавловской крепости, поворачивает к Зимнему дворцу, открывает простор Дворцовой площади, перспективы Невского проспекта, Гороховой улицы, Вознесенского проспекта и завершается видом Исаакиевского собора.

Выдержка при съемке была большой, поэтому все объекты, находившиеся в движении, либо не зафиксировались либо имеют размытые очертания. При съемке был использован мокрый коллодионный способ, применявшийся в 60-х годах прошлого века. Незнакомый фотограф-любитель, вероятно офицер морского флота, с громоздким оборудованием и всеми необходимыми химикатами, по-видимому, неоднократно поднимался на башню Адмиралтейства. Панорама снята в летние, скорее всего июльские дни. После съемки автор преподнес панораму Великому Князю Константину Николаевичу, в 1855—1883 годах управлявшему флотом и морским ведомством.

Для определения года съемки потребовалось изучение архивных документов, литературы по Петербургу и самой панорамы. Дата съемки, неизвестная до этого, была установлена по ряду моментов: Адмиралтейская набережная еще не реконструирована, Дворцовый мост — наплавной, не существуют Румянцевский сад и колокольня при церкви Святой Екатерины на Васильевском острове, но уже открыт памятник Николаю I на Исаакиевской площади и купол церкви Святого Пантелеймона в строительных лесах. В совокупности эти данные позволили установить время исполнения панорамы — 1861 год.

Примерно к этому же времени относится двухкадровая панорама Парижа, авторами которой являются фотографы — братья Биссон. Как и первая из описанных, петербургская, она выполнена в технике сепии. Кадры имеют высоту 33 см, и каждый по длине равен 41 см (общая длина 82 см). Панорама выполнена с одного из Луврских зданий, поскольку открывается видом острова Сите от

Нового моста, на заднем плане — собор Парижской Богоматери; на левой половине панорамы — набережная Конти — от Монетного двора до моста Мишель. Эта половина панорамы показывает перспективу мостов, соединяющих остров Сите с набережной де ля Можисри.

Панорама сделана искусно, в солнечный день, и хотя она может быть, конечно, повторена, на ней не будет уже тех барж и пристаней, которые занимают все пространство перед Новым мостом. На паспарту имеется тисненное клеймо мастеров, где указано, что их главные фотоателье размещались в доме 35 на бульваре Капуцинок и на улице Нев Ст. Огюстен. До 1919 года, как и описанная выше петербургская панорама, данная находилась в собрании Великих Князей К. Н. и К. К. Романовых.

К 1890-м годам относится круговая панорама Константинополя, выполненная фотографами Себа и Жоайе с башни Эски Сераля — Сераскерьята. Древняя башня стоит в одном из дворов, и с ее вершины — высшей точки города — открывается величественный вид на весь Старый город (Константинополь). Круговая панорама включает десять кадров: каждый высотой 26 см и длиной 34 см, то есть образуется полоса длиной 3 м 40 см. Фотографии помещены в красную коленкоровую папку с золотым тиснением.

Первый кадр панорамы показывает городскую застройку, среди которой четко видны Кахрие-джами (Мозаичная мечеть) и Султан Селим-джами; доминантой второго кадра является Сюлейманийе-джами, за которой виден наплавной мост, соединяющий Старый город с Галатой. Третий и четвертый кадры на переднем плане представляют плотно застроенные торговые кварталы с рядами Мысыр-Чаршы и мечетью Ени-джами у Галатского моста. На заднем плане открывается район Галаты со знаменитой башней и Босфорский пролив с множеством больших и малых парусных и паровых судов. В правой части четвертого кадра видны Кызкулеси (Девичья башня) и азиатская часть города — район Скутари. Он виден и на заднем плане пятого и шестого кадров. Среди городской застройки на пятом кадре видны башня дворца Топкапы и церковь Святой Ирины. Этот кадр завершается видом всемирно известного храма Святой Софии (Айя-Софья). Практически в центре шестого кадра видны мечеть Баязид-джами и рядом с ней Крытый рынок (Капалы-Чаршы). За ним, на берегу пролива возвышаются изящные минареты мечети Султан Ахмед-джами (Ахмедийе) и древняя Чемберлиташ (колонна Константина). Следующие седьмой и восьмой кадры представляют вид Шах-заде-джамиси, большой площади возле нее, строений и ворот. На заднем плане — морская гладь с небольшими парусными судами. Два последних кадра (девятый и десятый) показывают плотную городскую застройку с множеством мечетей и минаретов, возвышающихся среди неболь-

ших зданий. Последней предстает Мехмед Фатих-джами. При дальнейшей работе с данной панорамой можно будет назвать и другие памятники Стамбула—Константинополя. В конце XIX века в городе одних мечетей насчитывалось 673, христианских церквей и еврейских молитвенных домов — 169, православных храмов — 60, армянских — 40. Католикам принадлежало 10 церквей и 6 монастырей. И это только храмовая архитектура, а общее число зданий превышало 200 000.

В те же 1890-е годы и теми же авторами Себа и Жоайе из Константинополя выполнена шестикадровая панорама Босфора. Высота каждого кадра 20,5 см, длина 25,5 см, то есть образуется полоса длиной чуть более полутора метров. Она снята с одной из башен старой турецкой крепости Румели-Хисары, расположенной на европейском берегу пролива. Фотографии также помещены в красную коленкоровую папку с золотым тиснением.

Собственно, башни и стены этой крепости, небольшой квартал рядом с ней и деревья, растущие по берегу пролива, и составляют передний план пяти кадров панорамы. На последнем снимке видны, кроме того, строения дворца Долмабахче-сарай. По проливу, вдоль европейского берега, идут пароходы, а перед зрителем раскрывается панорама азиатского берега Босфора: холмистая местность с большим количеством южной зелени и городскими двух-трехэтажными строениями, спускающимися к самой воде.

Очень привлекательны три панорамы (каждая из трех снимков). Афин, Пирея и Олимпии. Первые две выполнены в одинаковой манере, вероятно, в одно и то же время и, по-видимому, принадлежат одному и тому же мастеру, имя которого нам неизвестно. Фотографии поступили в архив в 1928 году в собрании Ленинградского государственного музейного фонда, включающем материалы 1873—1928 гг. Судя по всему, они также были исполнены в 1890-х гг., когда искусство фотографии достигло своего расцвета, а съемки панорам стали «модными».

Столица Греции сфотографирована с северо-запада. Город лежит в котловине, окруженной невысокими горами. Гора Ликабет и афинский Акрополь занимают третью часть панорамы. Высочайшая четкость снимков позволяет рассмотреть как городскую застройку, так и отдельные древние памятники.

Вторая панорама показывает вид афинской гавани Пирея с множеством судов, стоящих на рейде.

Панорама Олимпии как бы переносит нас в древнюю Грецию. Весь передний план занимают изученные археологами развалины античных строений. На первом кадре среди каменных блоков видна группа «туристов» — мужчин, одетых по моде конца XIX века.

В упоминавшемся выше альбоме американской военной миссии, выполненном в 1890-х гг. и в фонде искусствоведа-археолога Я. И. Смирнова имеются три однокадровые панорамы Иерусалима. Они представляют город со стороны Масличной горы (Джебел-ет-Тур). Видны зубчатые каменные стены, Гефсиманские ворота и мечеть Омара с прилегающими к ней постройками. На переднем плане Иосафатова долина (Долина смерти), вся усеянная надгробными памятниками. Из трех особенно хороша панорама, представляющая Иерусалим на закате солнца.

Также трехкадровой является панорама Чуфут-Кале близ Бахчисарая (Крым), выполненная археологом Николаем Ивановичем Репшиковым в 1909 г. На снимках видны и остатки каменных усадебных построек, и старая и новая кенасы, и дом А. С. Фирковича, и Гостевой дом, в котором останавливались высокопоставленные гости при посещении Успенского монастыря, находящегося напротив Чуфут-Кале. Последний кадр завершается видом караимского кладбища в Иосафатовой долине.

Кроме этих можно назвать несколько однокадровых панорам, в большей или меньшей степени представляющих виды городов Триполи и Бейрута (Ливан), Коломбо (Шри Ланка), Никозии (Кипр), Дамаска (Сирия), Каира (Египет), Рима (Италия), Мадрида (Испания), Стокгольма (Швеция), Дубровника (Хорватия), Ревеля — Таллина (Эстония), Еревана (Армения). Даже перечислить все однокадровые панорамы, хранящиеся в фотоархиве, не представляется возможным. Все они весьма интересны, так как показывают города и исторические памятники такими, какими они были в последнем десятилетии XIX века. Например, Триполи — мощная цитадель, у подножия которой виден поднимающийся террасами город (из собрания Великих Князей К. Н. и К. К. Романовых). Панорама Коломбо с пальмами на переднем плане, парусниками и пароходами в гавани и перспективой города (из фонда К. Г. Фаберже). Панорама приморского Бейрута — одна из трех или четырех цветных фотографий архива. Красночерешичные крыши, белые двух-трехэтажные дома и горы, покрытые снегом — на заднем плане снимка (фото из фонда М. Т. Преображенского). Из этого же фонда — архитектора М. Т. Преображенского — пронесодит панорама Дубровника. Прекрасно читаются приморские защитные стены с многоульными башнями, высокие крепостные стены, разделяющие город на приморскую и подгорную части, отдельные здания на берегу бухты.

Общий вид Дамаска, лежащего в котловине, с мусульманским кладбищем на переднем плане, и вид христианского квартала города, разрушенного в 1860 году, сделаны фотографом Бонфисом и отложились в фонде Я. И. Смирнова. В этом же фонде панорама Каира, выполненная фотографом из Порт-Саида (фамилия его не

прочитывается), с городской цитадели, и общий вид Эскориала (Мадрид, Испания). Последняя исполнена мастерами Хаузером и Менэ в 1894 году.

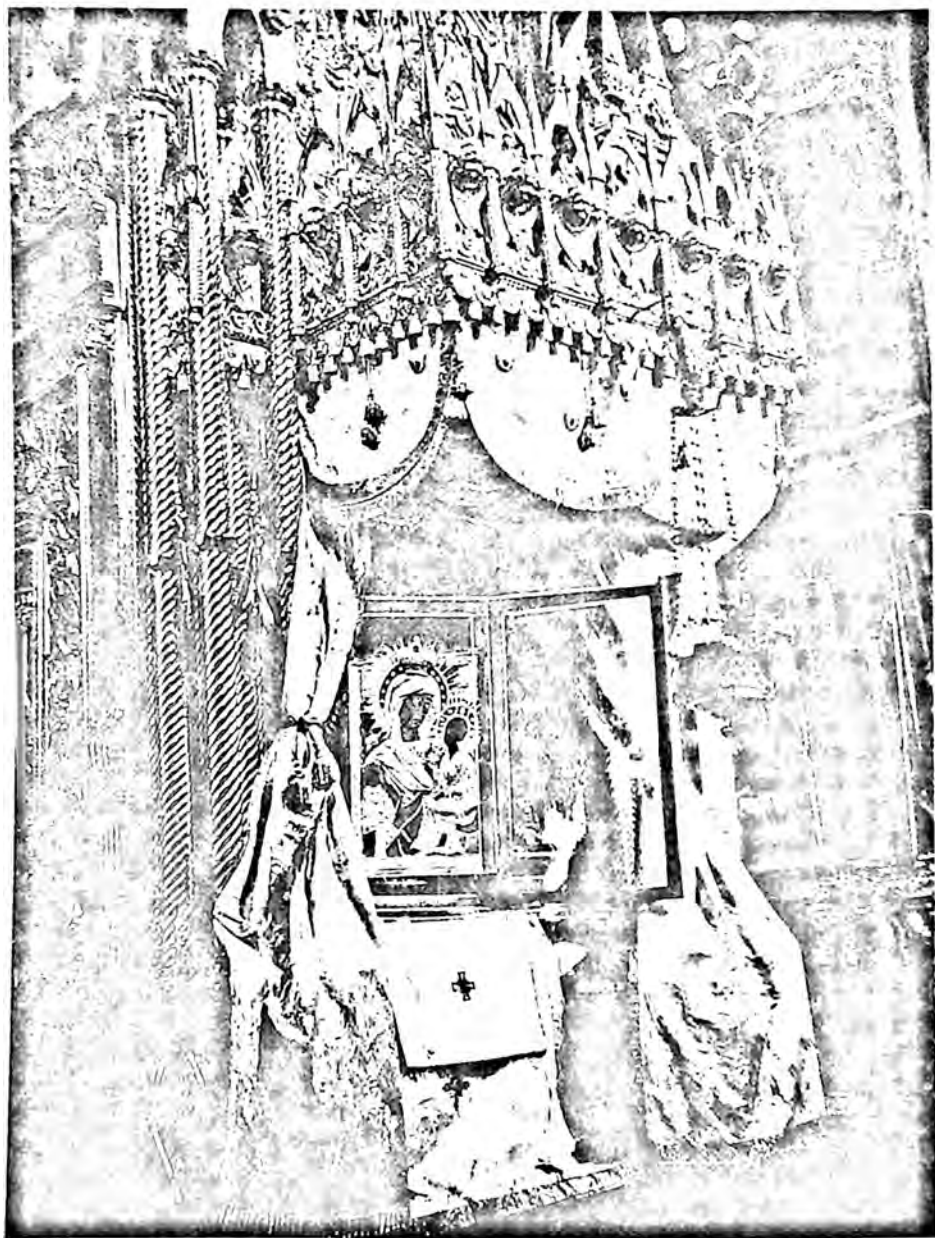
Чрезвычайно живописна двухкадровая панорама центральной части шведской столицы — Сите Стокгольма на берегу озера Меллар. Ее дополняют отдельные, сделанные с более близкого расстояния, виды королевского замка, тюрьмы, министерских зданий и набережных с необыкновенным множеством парусников. Эти материалы из коллекции Великих Князей К. Н. и К. К. Романовых, относятся, по-видимому, к более раннему времени: скорее всего, к семидесятым годам прошлого века.

Из видов Рима назовем только один панорамный снимок с мостом через Тибр, ведущим к замку Ангела, на переднем плане и собором Святого Петра, возвышающимся над городом. Снимок из фонда графов Шуваловых по технике исполнения (сепия) определенно датируется шестидесятыми годами XIX века.

В самом начале нашего столетия был сделан снимок Ревеля — Таллина, современной столицы Эстонии (собрание Великих Князей К. Н. и К. К. Романовых). В центре кадра Вышгород. Суровое северное небо прорезывают шпили храмов, виден собор во имя св. благоверного князя Александра Невского. На переднем плане суда в ревельском порту.

Подтверждением уникальности многих кадров, хранящихся в архиве, служат вид части Еревана, исполненный археологом Н. Я. Марром в 1911 году, и показывающий ныне не существующие мост через р. Занг, строения на его берегу, крепость и остатки дворца Сардара и вид полуразрушенного города Вана в Турции зимой 1915—1916 гг. Снимок также из фонда Н. Я. Марра, одного из наиболее крупных в фотоархиве и включающем не только снимки самого Н. Я. Марра, но и И. А. Орбели, и С. В. Тер-Аветисяна и Н. Л. Окунева.

Завершая краткую характеристику фондов и ряда фотографий из фотоархива ИИМК РАН (Санкт-Петербург), назову три снимка Москвы размером 35 × 55 см каждый, сделанные с террасы Кремлевского дворца; виды на Замоскворечье, на Воспитательный дом и храм Христа Спасителя. Думаю, можно не напоминать о том, что облик российской столицы неузнаваемо изменился: «сорок сороков» — многие православные храмы, возводившиеся в течение нескольких столетий, уничтожены в последние семьдесят лет российской истории и дошли до нас только на старых фотографиях.

Изображение сени и иконы Тихвинской Божией Матери в Успенском соборе
Большого Успенского монастыря.
Снимок из фонда архитектора К. К. Романова, до 1907 г.

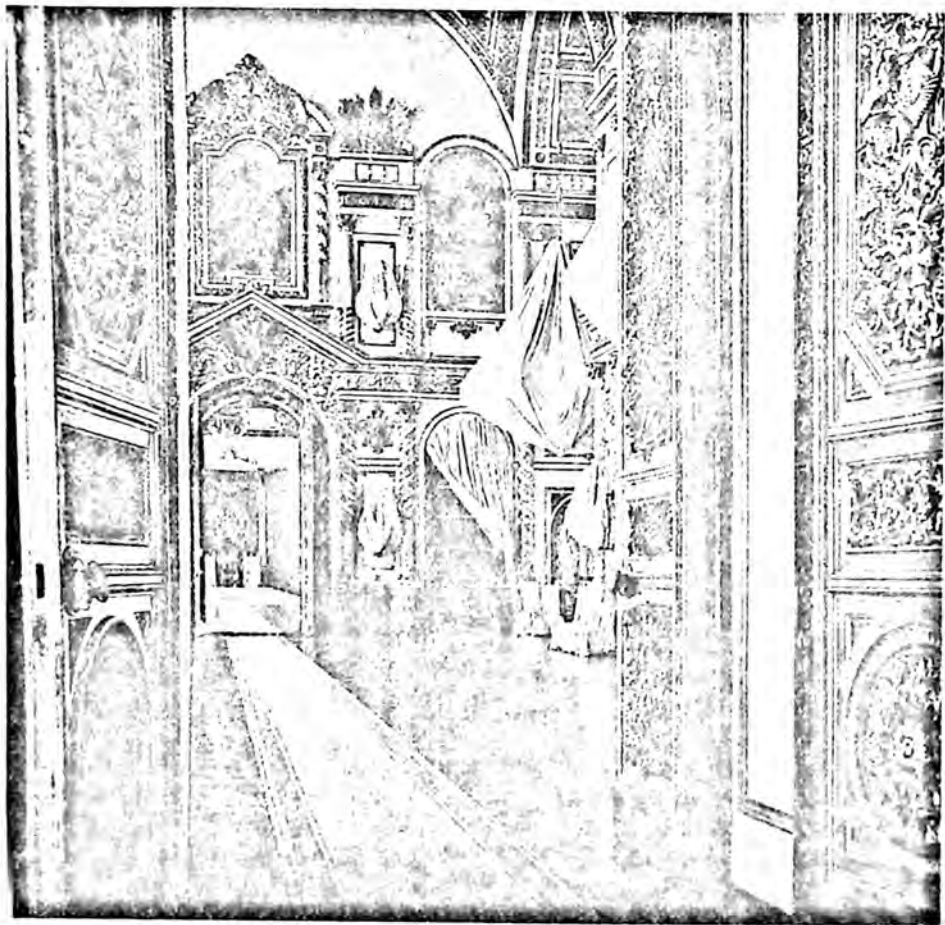
Статуэтка, изображающая Петра I, из собрания дворца-музея Шуваловых (наб. р. Фонтанки, 21). Сн. А. Функа, 1900-е гг.

Олонецкая губерния. Деревня Шардомень. Вид Рождественской церкви с юго-востока. Сн. Пинежско-Мезенской экспедиции, 1927 г.
(начальник Пинежской группы К. К. Романов).

Царское Село. Памятник Екатерине II у Большого дворца.
Сн. из фонда Ленинградских реставрационных мастерских, 1920-е гг.

Москва. Кремль. Большой дворец. Часть зала перед Тронным.
Сн. Н. Г. Матвеева, 1896 г.

Петербург. Троицкий собор на Измайловском проспекте.
Сн. Н. Г. Матвеева, 1900-е гг.

Константинополь. Вид на бухту Золотой Рог и часть города
1880-е гг. (панорама Константинополя, о которой

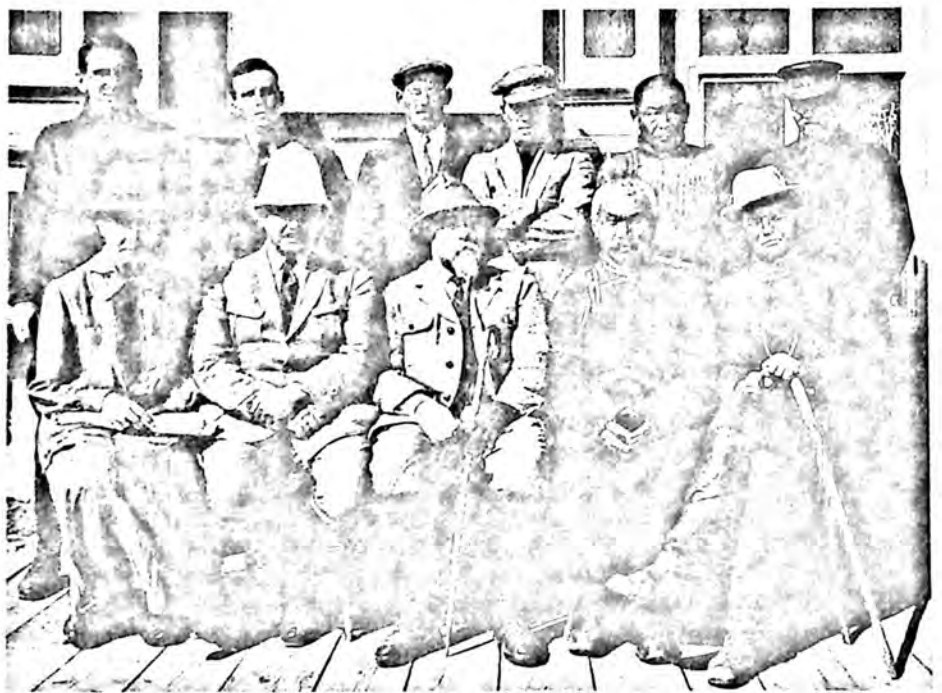
... башней Сераскерьята и мечетью Сулеймание. Сн. братьев Абдулла
идет речь в статье, сделана с башни Сераскерьята).

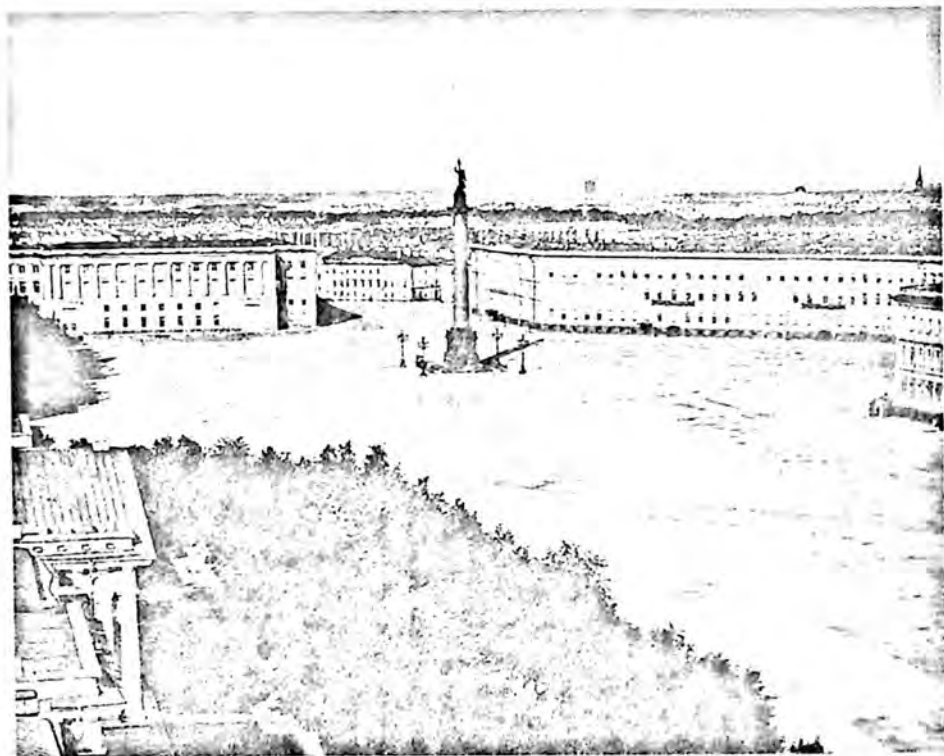

Ингушетия. Село Таргим. Некрополь «Солнечные могилы».
Сн. Северо-Кавказской экспедиции, 1921 г.

Групповой портрет: стоят второй слева — архитектор К. К. Романов,
третий слева — Г. И. Котов, второй справа — академик Н. П. Кондаков,
третий справа — профессор русской словесности Н. В. Малицкий.
Сн. 1916—1917 гг. из фонда Императорской археологической комиссии. →

Улан-Батор. Монгольская экспедиция АН СССР, 1926 г. →
Снимок сделан в помещении Ученого комитета Монголии во время приезда
в Монголию Н. К. Рериха. Сидят, слева направо: Е. В. Козлова,
Б. Б. Польшов, Н. К. Рерих, Ц. Ж. Жамцарано, П. К. Козлов.
Стоят, слева направо: Г. И. Боровко, С. А. Глаголев, Б. М. Куйлишевский,
П. И. Лисовский, неизвестный, С. Н. Рерих.

Петербург. Дворцовая площадь. Сн. неизвестного фотографа, 1861 г.
(кадр VIII — из «Панорамы Санкт-Петербурга», 1861 год).

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ХРИСТОМ И ДИОНИСОМ

**Вячеслав Иванов как исследователь
и истолкователь греческой религии**

Все мы в той или иной степени являемся сейчас свидетелями, а некоторые в меру своих сил и участниками того чрезвычайно значимого и плодотворного процесса, который с полным основанием может быть назван «ренессансом русской культуры Серебряного века». Не ограничиваясь сферами философии, литературы и искусства, этот процесс охватил теперь и сферу «чистой науки». Одна за другой перед нами воскресают, если не совсем из небытия, то, по крайней мере, из полузабвения, которое, как известно, бывает еще хуже, чем полное забвение, величественные фигуры русских ученых первых десятилетий XX века: историков, филологов, археологов, искусствоведов, среди которых было немало выдающихся исследователей, посвятивших свою жизнь изучению истории и культуры классической древности. Главенствующее место среди всей этой славной плеяды занимает, бесспорно, колоссальная личность М. И. Ростовцева, ученого подлинно мирового масштаба, разносторонностью и силой своих дарований затмившего многих своих современников. Его огромное научное наследие в совсем недавнее время (в основном уже в рамках последнего десятилетия), хотя и далеко не в полном своем объеме стало доступно читающей публике в нашей стране благодаря усилиям академика Г. М. Бонгарда-Левина и сотрудничающей с ним группы молодых петербургских ученых (В. Ю. Зуев, И. В. Тункина и др.).

Однако Ростовцев, будучи, бесспорно, самой авторитетной, широко известной во всем мире и в этом смысле самой монументальной фигурой среди русских антиковедов предреволюционной и эмигрантской поры, все же далеко не исчерпывает собой весь этот ряд. Рядом с ним мы различаем теперь также и другие полузабытые лица, может быть, не столь блистательные, как Михаил Иванович, но, тем не менее, тоже по-своему яркие и оригинальные и, безусловно, заслуживающие самого внимательного и кропотливого изучения. Даже если ограничиться лишь самым кратким перечнем

замечательных людей, немало потрудившихся на ниве отечественного антиковедения, нельзя не вспомнить имена наших выдающихся филологов-классиков: Ф. Ф. Зелинского и И. И. Толстого, историков: С. А. Жебелева и Р. Ю. Виппера, археологов: Э. Р. фон Штерна и Б. В. Фармаковского, искусствоведа О. Ф. Вальдгауэра и других. Настоящее изучение оставленного ими обширного научного наследия по сути дела только еще начинается. Особняком стоит в этом ряду имя Вячеслава Ивановича Иванова. Человек, тесно связанный с академическими кругами не только Петербурга, но и других европейских столиц и пользовавшийся авторитетом серьезного ученого, блестящего филолога, знатока и исследователя древних текстов, он в то же время считался своим и в среде петербургской литературно-художественной богемы, и в различных религиозно-философских или мистических кружках и собраниях. Между его научной деятельностью и философскими и художественными исканиями не существовало какой-то непроходимой грани. Классическая филология оплодотворяла философский дискурс и мистические озарения Иванова и наоборот.

В этой связи нельзя не вспомнить о том, что наследие античной эпохи сыграло чрезвычайно важную роль в формировании русской культуры Серебряного века. Столь характерный для русской интеллигенции начала истекающего XX столетия комплекс идей и настроений, соединявший рафинированный эстетизм с болезненным переживанием катастрофичности своего времени и эсхатологическими предчувствиями, пассаистическое бегство от действительности с тревожными прозрениями неумолимо надвигающегося революционного будущего, как нельзя более ярко и наглядно воплотился в античных реминисценциях, пронизывающих мышление и творчество многих замечательных художников, архитекторов, поэтов и философов, этого периода. В их восприятии образ клонящегося к упадку и гибели, но все еще прекрасного античного мира отчетливо ассоциировался с печальным зрелищем уходящей в прошлое старой России или, если брать шире, всей старой Европы. Среди выдающихся деятелей русской культуры Серебряного века, в разное время и, конечно, в разных масштабах и формах, отдавших дань увлечению античной тематикой, мы можем назвать такие имена, как В. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев, И. Анненский, В. Брюсов, М. Волошин, Д. Мережковский, А. Блок, Л. Бакст, В. Серов, И. Фомин и многие другие. Одно из центральных мест в этом длинном перечне мыслителей, поэтов и художников по праву принадлежит Вячеславу Иванову, человеку, по уровню одаренности и разносторонности своих дарований сравнимому разве что с так называемыми «титанами эпохи Возрождения».

Можно долго перечислять многообразные ипостаси, увлечения и виды деятельности этого Протея, зарекомендовавшего себя и как один из самых блестящих поэтов в великолепной плеяде русских лириков предреволюционных десятилетий, и как признанный мэтр, практик и теоретик русского символизма, как человек необыкновенной, разносторонней учености, великий знаток и ценитель античной литературы, талантливый переводчик греческих поэтов и трудолюбивый исследователь греческой религии, наконец, как глубокий и оригинальный философ-мистик.

Иванов вошел в историю русского мистицизма как один из самых вдохновенных и последовательных проповедников идей «нового дионисийства», впервые провозглашенных великим немецким мыслителем Фр. Ницше. В 1900-е годы увлечение ницшеанством и соответственно дионисийством в русском образованном обществе стало почти повальным.² Для Иванова проблематика дионисийства стала импульсом к напряженным духовным поискам, которые в конце концов вылились в планомерную, весьма основательную и серьезную исследовательскую работу. Дионисийской теме он посвятил целый цикл своих стихотворных произведений, философских эссе, лекций и ученых трактатов. Главным итогом всего этого продолжавшегося в общей сложности около двадцати лет служения загадочному древнему божеству может считаться книга «Дионис и праднионисийство», впервые увидевшая свет уже после революции в 1923 г. в городе Баку, куда судьба забросила Иванова, прежде чем он окончательно покинул свое отечество. Изданная очень небольшим тиражом эта книга почти сразу же стала библиографической редкостью. А потом о ней и вообще забыли. Да по другому в те времена и быть не могло. И сам автор, оказавшийся в эмиграции, и его главный научный труд автоматически попадали в черный список книг, запрещенных к употреблению в Советской России.

Лишь теперь после длительного периода забвения и, что еще хуже, вполне сознательного замалчивания эта книга выдающегося русского ученого и мыслителя вновь возвращается к нам вместе с его стихами и литературно-философскими эссе. В 1994 г. петербургское издательство «Алетейя» осуществило второе издание «Диониса и праднионисийства», включив в тот же том некоторые другие тематически связанные с книгой работы Иванова,³ и теперь мы, наконец, имеем возможность по достоинству оценить все своеобразие, глубину и масштабность его исследовательской и теоретической мысли.

Центральная тема книги, как об этом ясно сказано уже в Предисловии,⁴ — происхождение так называемой «Дионисовой религии», которую автор вслед за Ницше и некоторыми другими своими предшественниками резко обособляет и даже

противопоставляет олимпийской религии древних греков. Решение этой чрезвычайно сложной научной проблемы Вяч. Иванов нашел в феномене, обозначаемом, конечно, в достаточной степени условно придуманным им термином «прадионисийство». Согласно его концепции, религия Диониса в ее известной нам классической эллинской форме вырастает из некоего аморфного конгломерата по преимуществу негреческих или еще догреческих верований и культов, достаточно многообразных и разнородных, но в то же время во многом сходных между собой и, по крайней мере, типологически, если не генетически, родственных друг другу.

Главными очагами прадионисийства были, в понимании Иванова, с одной стороны, Фракия, с которой он связывает «материковую, горную», по его определению, версию этого феномена⁵ и, с другой стороны, Малая Азия или ареал хеттской культуры, который он объединяет с островами Эгейского моря и, в первую очередь, с Критом («островная, морская» версия прадионисийства).⁶ Кроме этих основных элементов, в постулируемой Ивановым сложной «химической реакции» рождения дионисийской религии могли участвовать, согласно его догадкам, и какие-то «флюиды» индийского и египетского происхождения и, наконец, некоторые исконно эллинские и, стало быть, исконно арийские формы религиозной обрядности, к каковым он относит, например, культ героев, различные виды поминовения мертвых, аттический праздник Анфестерий и т. п.⁷ Но главным вкладом собственно эллинского духа в религию Диониса, благодаря которому она в конце концов смогла оторваться от материнского лона прадионисийства и подняться на более высокий уровень религиозного сознания, была, в понимании Иванова, идея катарсиса, т. е. ритуального очищения от скверны хтонической обрядности с ее оргиями, страстями, заклинаниями мертвых и т. д. Именно катарсис облагородил первоначальное прадионисийство и сделал его настоящим дионисийством. Катарсис позволил преодолеть разрыв, существовавший между аристократической олимпийской религией и хтоническими народными верованиями и примирил оба эти духовных начала, соединив их в грандиозном синтетическом образе Диониса, «бога небесного и подземного вместе».⁸

Подобно своему главному герою сам Иванов также предстает перед нами как великий примиритель и разрешитель противоречий. В сущности вся его книга была попыткой синтеза множества противоречивых мнений о происхождении и природе дионисийской религии, уже существовавших в то время в европейской науке. Будучи человеком колоссальной учености и поистине феноменальной эрудиции, Иванов аккумулировал в своем сознании всю эту разноголосицу суждений и оценок и попытался привести к некоему консенсусу, примирив между собой тогдашних светил науки:

Бахофена, Маннхардта, Роде, английских ученых так называемой Кэмбриджской школы и приправив весь этот «коктейль» идеями Ницше, с которым у него, впрочем, были свои особые счёты. Конечно, можно было бы на этом основании упрекнуть автора «Диониса и прадионисийства» в известного рода всеядности, эклектизме и компилятивности. Мы видим, однако, в этой счастливой способности Иванова соединять вещи, казалось бы, несоединимые, прежде всего замечательный талант синтезатора и организатора научного процесса. Тем более, что результатом его усилий стала по-настоящему оригинальная и при этом удивительно стройная и красивая концепция, вполне прозрачная и непротиворечивая в своих основных положениях.

Давние прозрения часто подтверждаются свидетельствами источников, о которых в его время никто еще не мог и помыслить. Так, например, его интерпретация критского мифа о Дионисе — Загрее и связанного с ним ритуала омофагии (сыроядения) не так давно получила сенсационное подтверждение при раскопках одного из домов минойского Кносса, в котором английские археологи обнаружили следы жертвенной трапезы с характерными признаками, ясно указывающими на некогда бытовавший здесь обычай ритуального каннибализма.⁹ Многие типичные черты и особенности впервые открытого Ивановым прадионисийства теперь более или менее надежно документированы, с одной стороны, огромным археологическим материалом, добытым при раскопках так называемых «минойских peak-sanctaries», святилища в Айя Ирини на Кеосе, где почитание Диониса уходит своими корнями в глубины бронзового века, других культовых центров и некрополей Крита, островной и материковой Греции,¹⁰ с другой же стороны, еще более ранними, восходящими к эпохе неолита и энеолита памятниками религиозных верований и культовой практики населения северо-балканского и придунайского ареалов. Эта вторая группа источников была в сравнительно недавнее время блестяще систематизирована и осмыслена в двух больших книгах покойной М. Гимбутас.¹¹

Впрочем, даже и в главной своей научной работе Вяч. Иванов сумел сохранить верность своему основному призванию и остаться поэтом и мистиком, творцом новых мифов, а не только интерпретатором старых. Действительно, при всей его гелертерской фундаментальности, при неоспоримой добросовестности основных логических построений и выводов это сочинение несет на себе ясно выраженный отпечаток своей эпохи, особой духовной атмосферы русского Серебряного века. Правда, в самом тексте «Диониса и прадионисийства» Иванов постарался по возможности заглушить основную идейную направленность своего труда, замуслировать его историософский и вместе с тем теософский смысл и пафос.

Как никак книга была опубликована под бдительным оком марксистской цензуры и к тому же предназначалась к защите в качестве докторской диссертации в советском университете города Баку. Гораздо более откровенно истинные намерения российского «мистагога» были выражены в уже упоминавшейся серии статей и лекций, предшествовавших книге 23-го года и написанных в основном до революции.

Тем не менее также и в этой своей работе Иванов сумел достаточно ясно выразить всегда чрезвычайно занимавшую его мысль о связи дионисийства с христианством. Уже в Предисловии он как бы вскользь замечает, что именно религия Диониса «первая в эллинстве определила своим направлением водосклон, неудержимо стремивший с тех пор все религиозное творчество к последнему выводу — христианства». ¹² И подводя итог своим размышлениям о метаморфозах дионисийства, сохранявшего при всех своих трансформациях в классической греческой трагедии и в позднейших эллинистических мистериях верность основной идее страдающего, умирающего и воскресающего бога, Иванов завершает книгу непреложной констатацией. ¹³ «Так эллинский мир создаст почву для христианства, которое уже в самой колыбели своей, какою была Галилея языческая (Ис. IX, 1; Матф. IV, 15), кажется проникнутым символикой и пафосом дионисийства». Таким образом, следуя авторской логике, мы должны шаг за шагом приближаться к парадоксальному выводу. Оказывается, при всей своей первобытной дикости, разгузданной стихийности и подчас отталкивающей жестокости религия Диониса была в сущности ничем иным, как, говоря словами самого Иванова, «евангельским приуготовлением» или своего рода христианством до христианства, христианством язычников.

Как относиться к этой, на первый взгляд, довольно-таки дерзкой и даже повергающей в шок идее? Разумеется, с точки зрения ортодоксальной христианской церкви, как восточной, так и западной в равной мере, эта попытка сближения Христа с одним из самых отвратительных и непристойных языческих богов может оцениваться только как опасная ересь. Как известно, апологеты раннего христианства выделяли Диониса среди всего сонма олимпийских богов как прямой прообраз Дьявола или даже как одно из его воплощений. С точки зрения строго научной, в концепции Иванова, несомненно присутствует определенное рациональное зерно. На сходство евангельского Иисуса с древними страдающими богами типа греческого Диониса, малоазийского Аттиса, египетского Озириса указывали многие исследователи древнейших религий Востока и античного мира, включая автора знаменитой «Золотой ветви» Дж. Фрэзера. Некоторые из основополагающих постулатов христианского вероучения обнаруживаются в учении

орфиков, представляющем собой своеобразную теологию дионисийства. Здесь мы находим и весьма решительное противопоставление тела и души как тленной и нетленной частей человеческой личности, и мысль о исконной греховности каждого человека, и надежду на спасение души в мире ином, а вместе с ней и бога — спасителя, своей смертью открывшего людям путь к вечному блаженству, и веру в загробное воздаяние, и идеал чистой и непорочной жизни, ведущей к духовному обновлению. Не раз уже высказывались догадки о том, что все эти идеи орфиков и близких к ним пифагорейцев, восходящие, по всей видимости, еще к VI—V вв. до н. э., могли прямо или через ряд промежуточных инстанций дойти до ранних христиан и оказать определенное влияние на их настроения и образ мыслей.¹⁴

И все же сходство еще не есть тождество. Серьезный историк религии не может не видеть наряду с некоторыми общими чертами также и глубочайшего различия между дионисийством и христианством. Укажем лишь на некоторые принципиально важные моменты, которые Иванов то ли просто упустил из вида, то ли вполне сознательно обошел стороной. Культ Диониса, как и все почти древнейшие религии, вырос из обожествления стихийных сил живой природы и сохранял с ней неразрывную связь вплоть до конца античной эпохи. Христианство, напротив, возникло в обществе, уже осознавшем свою внеположность и даже противоположность миру природы, и, видимо, именно по этой причине с самого начала с высокомерным презрением взирало на этот «тварный мир», не желая иметь с ним ничего общего. Религия Диониса при всем ее своеобразии на протяжении всей своей более чем тысячелетней истории в целом мирно сосуществовала с другими формами богопочитания, не претендуя на какую-то исключительность или духовный монополизм. Христианство с самого момента своего возникновения провозглашает себя «единственной религией истинного бога» и вступает в яростную борьбу на уничтожение со всеми иными «ложными богами», стремясь к безраздельному контролю и абсолютной власти над душами миллионов людей. Дионисийство как сложный сплав очень древних, во многом, вероятно, еще догреческих культов стоит у самых истоков античной цивилизации, на становление и развитие которой оно оказало самое непосредственное и в целом весьма плодотворное влияние. Христианство со своей стороны может быть с полным основанием признано продуктом разложения и перерождения этой цивилизации. Начиная с первых своих шагов, оно становится в решительную оппозицию ко всему миру греко-римской культуры и как бы отсекает его от себя, объявляя «порождением и царством Сатаны». С этим связано и еще одно важное различие между этими двумя религиями. В то время как религия Диониса в ее классической форме была, как

справедливо полагал сам Иванов, своего рода квинтэссенцией эллинского духа или, во всяком случае, одним из наиболее ярких его проявлений, христианство зародилось и выросло в совсем иной этнокультурной среде и до сих пор еще несет на себе несмываемую печать своего кровного родства с ветхозаветным иудаизмом.

Вяч. Иванов упрямо старался не замечать всех этих принципиальных расхождений. Вся свою колоссальную эрудицию, все свое филологическое и философское высокоумие он подчинил одной цели — преодолению почти двухтысячелетнего разрыва между христианством и безжалостно отброшенными при рождении новой веры культурными традициями античного мира, законной преемницей которых (в обход христианства) стала, спустя пятнадцать столетий, культура европейского гуманизма.

Итак, книга Иванова во многом утратила свою идейную актуальность задолго до своего нового выхода в свет. Но она, безусловно, сохранила свою историко-культурную ценность как один из интереснейших памятников русской религиозно-философской мысли первых десятилетий XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М., 1994; Его же. Лик и личины России. М., 1995; *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992.

² *Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб. 1993. С. 57 см.; Его же. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 231 сл.

³ *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб. «Алетейя», 1994.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ Там же, гл. VI.

⁶ Там же, гл. VII.

⁷ Там же, с. 289 сл.

⁸ Там же, с. 291.

⁹ *Warren P.* Minoan Crete and Eestatic Religion // Sanctuaries and Cults in the Aegean Bronze Age. Ed. by R. Hägg and N. Marinatos. Stockholm, 1981.

¹⁰ *Burkert W.* Greek Religion. Cambridge Mass., 1985. Ch. I, 3.

¹¹ *Gimbutas M.* The Gods and Goddesses of Old Europe. L., 1974; Eadem. The Civilization of the Goddess. The World of Old Europe. San Francisco, 1991.

¹² *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. С. 11.

¹³ Там же. С. 292.

¹⁴ *Burkert W.* Greek Religion. P. 304.

♦
ДЕТИ! НЕТ — МОЛОДЫЕ КОЛЛЕГИ

(о петербургской школе довузовской подготовки археологов и этнографов)

Впервые о возможности и необходимости использовать археологические памятники для углубления гимназического образования, в частности, при чтении курса истории Древнего мира, проводить специализированные занятия с детьми и приглашать на раскопки старших школьников говорилось авторами публикаций в научно-просветительском журнале «Гермес» еще на заре XX в. (см.: Курева И. А., Мавлеев Е. В. Музей учит и учится. Проблемы преемственности в музейной педагогике на примере античного искусства. — Сб. Античное искусство в советском музееведении. Л., 1986, с. 80). Позднее, в 1922 г. в Петрограде была организована Детская экскурсионно-туристическая станция (ДЭТС), где преподаватели разрабатывали экскурсионные маршруты, тематические экскурсии по музеям города, учитывая особенности школьных программ, в том числе — курса древней истории. В 1932 г. под руководством Н. Д. Флиттнер начал работу первый школьный кружок Эрмитаже, а в 1937 г. кружков было уже пятнадцать (ор. с. 90). Собственно археологические кружки для школьников появились в Государственном Эрмитаже в 1952 г. По сегодняшний день здесь существует Клуб юных археологов, который с 1959 г. в течение многих лет возглавляла О. И. Давидан. Занятия с ребятами проводили выдающиеся ученые-археологи — М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский, и поныне опытные преподаватели, специалисты-археологи, руководители и ведущие сотрудники действующих археологических экспедиций — Ю. Ю. Пиотровский, О. М. Иоаннисян, С. В. Томсинский и другие — работают с увлеченными археологией школьниками в стенах музея и на памятниках, расположенных в Ленинградской области и других регионах страны.

В 1960 г. был организован школьный кружок при кафедре археологии Ленинградского государственного университета, руководил им Л. С. Клейн. В 80-е годы кружок входил в систему под-

готовительных групп Малого исторического факультета, главной задачей которых была специализированная подготовка абитуриентов.

Тогда же, в 80-е годы существовала молодежная археологическая лаборатория при городской Станции юных туристов (СЮТУР), которой руководили А. Н. Мазуркевич и М. Н. Чернопицкий. Экспедиции СЮТУР работали в Ленинградской области, на Кавказе, в Сибири. По настоящее время в системе дополнительного образования продолжают работать археологические кружки при туристско-краеведческих отделах дворцов детского творчества Выборгского и Кировского районов города. Детские экспедиции на территории Ленинградской области занимаются изучением древнерусских памятников (рук. Н. Петров) и памятников каменного века в Подпорожском районе и бассейне р. Вятка (рук. к. и. н. Т. М. Гусенцова).

С появлением в 90-е годы авторских школ, гуманитарных гимназий и лицеев, в которых углубленно изучается история древнего мира, в программы включаются специальные курсы по археологии и историческому краеведению, распространилась практика школьных археологических экспедиций. Так, направляют учеников на раскопки Академическая (рук. А. Ю. Русаков) и Классическая гимназии (рук. Л. Я. Лурье, Л. Я. Жмудь и др.).

Особая роль в работе с детьми, увлеченными археологией и этнографией, принадлежит Санкт-Петербургскому городскому дворцу творчества юных. В данной статье мы попытаемся обобщить опыт работы школьных кружков Дворца, накопленный за последние 25 лет. Первый археологический кружок в Ленинградском дворце пионеров был организован в 1970 г. студентом, а затем преподавателем кафедры археологии А. В. Виноградовым. Главной задачей кружка была подготовка к летним экспедициям. С самого начала в его работе возникли два направления — сибирское и северо-западное, существующие по настоящее время.

Сибирская экспедиция Дворца (1971—1997). А. В. Виноградов был руководителем первых школьных экспедиций в Сибири. Особенность этих экспедиций состояла в том, что организационно они были построены на самоуправлении их юных участников — археологи-школьники сами были художниками, фотографами, участвовали в составлении полевого отчета и камеральной обработке археологических материалов. Фактически это были самостоятельные молодежные экспедиции, научная программа и направление работы которых были определены такими крупными учеными, исследователями Сибири, как М. П. Грязнов и А. Д. Грач. В течение нескольких полевых сезонов в Туве проводились раскопки раннескифских памятников (могильник Алды-Ишкин) и средневековых курганов, в Минусинской котловине ис-

следовалась неолитическая стоянка, материалы которой впоследствии легли в основу кандидатской диссертации А. В. Виноградова.

С 1981 г. в качестве отдельных отрядов юные археологи Дворца работали в составе академических экспедиций Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Сибирского отделения АН СССР. В это время во Дворце пионеров в Отделе краеведения и туризма был создан самостоятельный сектор археологии и этнографии, который организовала и возглавила Н. В. Алексеева, выпускница кафедры археологии университета, чьи научные интересы многие годы были связаны с Центральной Азией и Сибирью. В начале 80-х расширяется и география сибирских экспедиций. Один экспедиционный коллектив за четыре полевых сезона успевал побывать на раскопках в Саянах, на Алтае, в Забайкалье и Читинской области. Были установлены прочные научные и практические связи со Средне-Енисейской экспедицией Института археологии (1981—1983, 1988, 1997 гг.), в составе которой школьники участвовали в раскопках курганов тагарской культуры в Хакасии (рук. к. и. н. Н. А. Боковенко). Кроме того, в 1989, 1990, 1992—93 гг. Ребята работали совместно с Алтайским отрядом Североазиатской экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (рук. Ю. Д. Кубарев).

Сибирская этнографическая экспедиция Дворца (рук. Н. В. Алексеева) в 1991 г. изучала деревенский быт в районе Красного Чикоя. Школьники знакомились с бытовыми особенностями современных буддийских монастырей в Агинском и Цугульском дацане, собирали материалы, свидетельствующие о влиянии возрождающихся монастырей на жизнь и культуру местного населения.

Около 500 школьников прошли археологическую и этнографическую практику в сибирских экспедициях Дворца. Многие бывшие кружковцы, став профессиональными исследователями, в дальнейшем сохранили интерес к сибирской археологии (Н. Чугунов, М. Килуновская, А. Ковалев, А. Матвеев).

Северо-Западная археологическая экспедиция. В 70-е годы по заданию ЛОИА АН СССР школьным кружком проводились археологические разведки по р. Паше и р. Сабе, исследовались длинные курганы у д. Мерево Лужского района и городище Ям-Тесово на р. Оредж в Ленинградской области (рук. Ю. М. Лесман).

Осенью 1979 г. северо-западное направление в работе археологических кружков Дворца оформилось в Северо-Западную археологическую экспедицию (рук. Н. И. Платонова), научные интересы которой были сосредоточены на изучении периода формирования Древнерусского государства. Основные работы проводились на территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей.

Первым пунктом работы СЗАЭ были археологические памятники у д. Удрай в 25 км от г. Луга. Удрай имеет свою археологическую историю. Еще в начале 20-х годов комплекс памятников, расположенных вокруг деревни (сопки, древнерусские курганы, загадочная каменная насыпь), привлек внимание известного русского археолога А. А. Спицина, приезжавшего сюда на отдых, и для изучения объектов он вызвал из Петербурга группу слушателей археологических курсов. С их помощью были раскопаны некоторые курганы и произведена шурфовка каменной насыпи. Первый состав СЗАЭ в 1979—80 гг. занимался раскопками древнерусских курганов и селища. С 1981 г. по настоящее время работами СЗАЭ руководит Т. А. Жеглова, сохранились рабочие контакты и с Н. И. Платоновой, которая продолжала вести раскопки на Удрае в 1981—83 и 1989 гг. В Удрае раскопано уникальное каменное сооружение подквадратной формы (размером 19 × 20 м при высоте до 2 м), почти сплошная каменная кладка которого была расчищена под мощным слоем дерна. В процессе исследования выяснилось, что это сложный погребальный комплекс первой трети XI в. Мужское погребение в центральной части оказалось ограбленным, но сохранились обломок каролингского меча и наборный пояс. По периметру сооружения были обнаружены еще несколько богатых мужских и женских захоронений, также частично ограбленные. В двух женских погребениях, не тронутых грабителями, содержался погребальный инвентарь, в котором насчитывалось несколько десятков различных предметов. Помимо упомянутых выше, среди находок из комплекса следует назвать арабские, византийские, западноевропейские монеты, складные весы, набор гирек, серебряные и бронзовые украшения. Особенности обряда, находки и дата — время Ярослава Мудрого — убеждают в том, что речь идет об особых погребениях, указывающих на связи со Скандинавией (по аналогии с камерными захоронениями) и так называемые дружинные погребения.

Интересные раскопки древнерусских курганов были предприняты в 1982 г. в Лужском районе близ оз. Славянка. В 1984 г. школьники участвовали в разведках на территории того же Лужского района с целью составления археологической карты.

В течение пяти лет выпускник кружка С. Л. Кузьмин (ныне сотрудник Института культурного и природного наследия) руководил частью работ СЗАЭ. В 1987 г. были начаты раскопки длинных курганов у д. Безуно Псковской области, в 1988 г. в дер. Сковородка Лужского района Ленинградской области была раскопана сопка, давшая богатый материал для понимания обрядности сопок. В 1989 г. начались раскопки в Которске Плюсского района Псковской области. В древности Которск был центром

погоста, поэтому здесь представлены разнообразные археологические объекты: грунтовые могильники, сопки, длинные и древнерусские курганы, а также богатое находками поселение.

Особенно интересными оказались раскопки, проводившиеся в течение ряда лет (1985—86 и 1994—95 гг.) под руководством Н. И. Платоновой у ст. Передольской Батенецкого района Новгородской области. Исследованы две сопки и частично — площадь посада городища. Одна из сопок (№ 4) оказалась неразрушенной, что позволило подробно исследовать сложное сооружение. Необычным было само положение сопки на первой надпойменной террасе, заливаемой во время паводков. Насыпь была невысокой, около 2 м, но содержала каменные конструкции. Сопка насыпалась в два этапа, поэтому погребения совершались на разных уровнях — всего зафиксировано 25 погребений, совершенных по обряду кремации. Еще одна неожиданность обнаружилась после снятия насыпи, под которой находилось фактически законсервированное поселение. Погребенная почва оказалась культурным слоем селища, датированного серединой I тысячелетия н. э. Раскопки этой уникальной по сохранности сопки и столь раннего поселения являются важным научным открытием в археологии Северо-Запада. В завершение рассказа о передольских раскопках следует заметить, что место это имеет богатый потенциал в научно-музейном отношении. Здесь можно было бы организовать уникальный историко-археологический музей-заповедник под открытым небом.

Нельзя не отметить, что финансируемая, как и прочие экспедиции Дворца, из родительских средств, СЗАЭ работает, выполняя двойную задачу. Во-первых, решается ряд серьезных научных проблем, во-вторых, подростки, из года в год участвующие в изучении комплекса и выполняющие все виды работ в экспедиции, получают возможность увидеть весь процесс исследования археологического памятника от начала до конца и наиболее полно включиться в него.

Херсонесская экспедиция. Начиная с 1988 г., школьники принимают участие в раскопках Херсонеса, одного из крупнейших памятников античного времени на территории Северного Причерноморья. Совместно с Херсонесским археологическим музеем-заповедником экспедиция исследует римскую цитадель (научный рук. И. А. Антонова). За истекшее время сделаны интересные открытия: найден преторий, римские термы и казармы, изучается удивительно сложная и запутанная система водостоков и колодцев, в течение нескольких лет ведутся поиски главных ворот цитадели. Раскапывается и средневековый квартал Херсонеса, существовавший в Карантинной бухте на месте цитадели. Работа в Крыму дает школьникам возможность познакомиться с важнейшими археологическими и историческими

памятниками, побывать на экскурсиях в пещерных городах, древнейших скальных монастырях, осмотреть руины средневековых крепостей.

В течение учебного года в секторе археологии, этнографии и истории религии ГДТЮ школьникам предлагают прослушать разнообразные учебные курсы, которые читают специалисты-археологи и этнографы — Славяно-русская археология, Древнерусская археология, Скифо-сарматская археология, История археологических знаний, Археология и культура стран Древнего Востока, Античная археология, Культура и искусство Древней Греции и Рима (на английском языке), Основы этнографии, Историческая этнография России, Ремесло историка (вспомогательные исторические дисциплины), Компьютерная грамотность для археологов. Занятия проводятся не только в стенах Дворца, но и на экспозициях Государственного Эрмитажа, Российского этнографического музея, Музея этнографии народов мира (Кунсткамеры). С особенностями практической работы ребята знакомятся в камеральных лабораториях Института истории материальной культуры РАН и в фондах Общества охраны памятников.

Образовательная программа сектора археологии, этнографии и истории религии ГДТЮ предполагает три уровня сложности: общекультурный — дающий большой объем информации для расширения кругозора, углубленный — с элементами специализации, и профессионально ориентированный — предполагающий участие слушателей в школьных научных конференциях и олимпиадах, прохождение археологической практики в экспедициях.

Занятия в кружках рассчитаны на три-четыре года. По окончании первого-второго года обучения по учебным курсам и авторским программам школьники должны знать основные понятия и термины археологии, этнографии, ориентироваться в хронологии, уметь пользоваться научно-популярной литературой и знать историческую карту. Контроль усвоения материала осуществляется через различные творческие задания. Школьники третьего-четвертого года обучения в кружках должны уметь работать с археологическими источниками, уметь самостоятельно (по предложенной руководителем схеме) делать обработку и классификацию археологического материала, анализировать и обобщать обработанные данные, работать со специальной научной и справочной литературой, архивными материалами, уметь давать оценку историческим процессам на основе полученной археологической информации, вести научную полемику, отстаивать свою точку зрения. Таким образом, школьники приобретают навык исследовательской работы, постигают основные принципы и овладевают культурой научного процесса от первой встречи с источником до ведения дискуссии. Степень развития природных способностей подростка и сформирован-

ности познавательного интереса, выявление соотношения личностных особенностей молодого человека и его профессиональной устремленности могут быть установлены как самооценкой школьника, так и методом тестирования.

Результатом работы каждого слушателя является реферат, представленный на Городскую олимпиаду по археологии, этнографии и истории религии, проводимую ежегодно Комитетом по образованию Санкт-Петербурга совместно с Институтом материальной культуры РАН, Государственным Эрмитажем, Российским этнографическим музеем и Санкт-Петербургским городским дворцом творчества юных. В 1997 г. в Санкт-Петербурге проходила Первая Всероссийская олимпиада школьников по этой тематике, в которой приняли участие археологи и этнографы — руководители школьных кружков и их воспитанники почти из двадцати регионов России (Омск, Томск, Нерчинск, Пермь, Рязань, Брянск, Пенза, Республика Саха, Республика Марий Эл, Волгоград, Самара, Саратов, Петрозаводск, Вологда, Тихвин Ленинградской области). К сожалению, участниками олимпиады из Тихвина ограничивается число представителей Ленинградской области, имеющей серьезные резервы и немалый потенциал для участия в столь масштабных и значительных мероприятиях. Лучшие из представленных на конкурс работ школьников по результатам первого тура были опубликованы в тематических серийных сборниках (Аничковский вестник, вып. 3, 4, 5. СПб., 1997).

Подводя итог, можно констатировать, что в систем дополнительного образования, наряду с традиционными формами работы со школьниками, в Ленинграде — Санкт-Петербурге создана в полном смысле этого слова школа довузовской подготовки молодых археологов, этнографов, историков Древнего мира. Академический характер таких занятий с увлеченными детьми, подразумевающий разностороннее, фундаментальное образование, дает возможность слушателям сделать выбор: либо ограничить свое участие в работе кружков удовлетворением естественной любознательности и расширением кругозора, повышением общего культурного уровня, либо сделать решительный шаг, качественный поворот от увлечения к профессии. Во многом такое решение определяется личностными характеристиками молодого человека, но в последнем случае, по мере углубления знаний, появления вкуса к творчеству, к самостоятельному исследованию, нередко возникает эффект обратного действия, и происходит корректировка личности. Особенно существенна в этом смысле роль преподавателя, постоянный контакт с которым создает у ученика чувство подлинного сотрудничества, причастности к Настоящему знанию, воспитывает у него основы профессиональной этики. В результате

обеспечивается та преемственность научных школ и принципов, которая всегда была присуща отечественной науке и утрата которой просто недопустима. Подчеркнем, что многие кружковцы, став профессионалами, возвращаются в кружки уже в качестве педагогов, и, таким образом, творческая связь «ученик—учитель» становится развивающейся и непрерывной. Результаты двадцатипятилетнего опыта работы убеждают в плодотворности и серьезных перспективах существующей сегодня системы дополнительного образования в области археологии, этнографии, древней истории.

CONTENTS

V. A. Gustov. On the cultural heritage of the Leningrad region	5
A. E. Musin. Christian antiquities in the system of Russian culture	9
D. S. Likhatchev. Declaration of culture rights.	20
V. I. Tchernyshev. Culture and world construction. On the inseparability of the spiritual and the material.	24
A. N. Kirpitchenkov. The time to collect stones. On keeping safe the historical and cultural memorials.	28
A. N. Tsamutali. To keep safe the memorials of the military history	39
V. S. Simakov. The pages of peoples memory.	43
V. M. Masson. The cultural heritage and the academic science.	47
E. N. Nosov. Ancient Russian town in the native historical conception (continuity and idea).	51
E. N. Riabinin. Finno-Ougren and Slavs in the first centuries of the Russian history.	58
A. I. Saksa. The archaeological heritage of the ancient Korela.	64
N. V. Ushakov. Calendar rites of Izhora in 30—50-s of 20th cent. — parallels in the Russian calendar rites.	73
I. V. Dubov. The Museum of Ethnography — collection of the cultural heritage of the Russian state.	80
R. V. Vassilieva. The main archaeological institution of the Tsar's Russia: The Royal Archaeological Commission 1859—1917. Notes of an archivist.	88
G. V. Dluzhnevskaya. Photography — the peoples memory. Materials from the photoarchives of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).	99
Y. V. Andreev. The Russian person between Christ and Dionysus. Vyatcheslav Ivanov as investigator and interpreter of the Greek religion.	119
N. V. Alexeeva, T. A. Zheglova, N. K. Zhizhina. Children? No — young colleagues (on the Petersburg school for preliminary training of archaeologists and ethnographers).	127

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Густов. О культурном наследии Ленинградской области	5
А. Е. Мусин. Христианские древности в системе русской культуры	9
Д. С. Лихачев. Декларация прав культуры	20
В. И. Чернышев. Культура и миростроительство. О нерасторжимости духовного и материального	24
А. Н. Кирпичников. Время собирать камни. О сбережении памятников истории и культуры.	28
А. Н. Цамутали. Охранять памятники военной истории	39
В. С. Симаков. Страницы памяти народной	43
В. М. Массон. Культурное наследие и академическая наука	47
Е. Н. Носов. Древнерусский город в отечественной исторической мысли (преемственность и концепции)	51
Е. Н. Рябинин. Финно-угры и славяне в первые века русской истории	58
А. И. Сакса. Археологическое наследие древней корелы	64
Н. В. Ушаков. Календарная обрядность ижор в 30—50 гг. XX в. — параллели в русской календарной обрядности.	73
И. В. Дубов. Музей этнографии—собрание культурного наследия Российского государства	80
Р. В. Васильева. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859—1917 гг. Заметки архивиста	88
Г. В. Длужневская. Фотография — память народов. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург).	99
Ю. В. Андреев. Русский человек между Христом и Дионисом. Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии	119
Н. В. Алексеева, Т. А. Жеглова, Н. К. Жижина. Дети? Нет — молодые коллеги (о петербургской школе довузовской подготовки археологов и этнографов)	127

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Технический редактор Г. В. Преснова
Корректоры: Г. П. Быстрова, Л. В. Мезенцева
Компьютерная верстка И. А. Гордеева
В авторской редакции

Лицензия Госкомпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97.

Сдано в набор 23.02.98. Подписано к печати 14.04.98. Гарнитура «Балтика». Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,91. Тираж 2000 экз. Заказ № 21

Издательско-полиграфический комплекс «Вести»
193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.